

ВЕСТНИК

ТВЕРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия: История

№ 3 (75), 2025

Научный журнал

Основан в 2007 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61026 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р ист. наук, проф. Т.Г. Леонтьева (*глав. редактор*);
канд. ист. наук, доц. С.В. Богданов (*отв. секретарь*);
д-р ист. наук, ст. науч. сотр. В.Б. Аксенов (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, проф. А.В. Белова;
д-р ист. наук, глав. науч. сотр. В.П. Булдаков (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук А.М. Ермаков (ЯрГПУ, г. Ярославль);
д-р ист. наук, проф. Н.Л. Пушкина (ИЭА РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН А.В. Сиренов;
д-р ист. наук, проф. А.С. Ходнев (ЯрГПУ, г. Ярославль);
д-р ист. наук, проф. В.В. Шелохов (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р гум. наук, проф. Е. Икэда (Токийский университет, Япония);
проф. истории Гр. Фриз (университет Брандейса, г. Уолтем, США)

Адрес редакции:

Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201
Тел.: +7(4822)34-16-85

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть воспроизведена без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2025

Scientific Journal

Founded in 2007

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФС77-61026 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: History

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
Of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

- D. Sc. In History, prof. T.G. Leontieva (*editor-in-chief*);
Cand. Sc. in History S.V. Bogdanov (*executive secretary*);
D. Sc. in History V.B. Aksenov (IRI RAS, Moscow);
D. Sc. in History, prof. A.V. Belova;
D. Sc. in History V.P. Buldakov (IRI RAS, Moscow);
D. Sc. in History A.M. Ermakov;
D. Sc. in History N.L. Pushkareva (IEARAS, Moscow);
D. Sc. in History, prof., Corresponding Member of the RAS A.V. Sirenov;
D. Sc. in History, prof. A.S. Khodnev;
D. Sc. in History V.V. Shelokhaev (IRI RAS, Moscow);
Prof. of Humanities Y. Ikeda (The University of Tokyo, Japan);
Prof. of History Gr. Freeze (Brandeis University, Waltham, USA)

Editorial Office:

Office 201, 16/31, Trehsvyatskaya st., Tver, 170100, Russia
Tel.:+7(4822)34-16-85

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

СОДЕРЖАНИЕ

История женского образования в регионах России (к 155-летию Школы П.П. Максимовича)

Белова А.В. Требования к матрикуляции в женские институты в конце XVIII – середине XIX в. (На примере зачисления дворянок в столичные образовательные учреждения)	5
Валькова О.А. К вопросу об образовании первых российских женщин–учёных в 1850 – 1860-х гг.: семейный аспект	20
Жидченко А.В. Учебная и внеучебная поседневность студенток Омского политехнического института в первой половине 1980-х годов.....	34
Лисицына О.И. Женское образование в первой половине XIX в. (на примере московского дворянства)	50
Мицюк Н.А. Повседневная жизнь гимназисток российской провинции в 1860-е гг. (на материалах Смоленской губернии)	66
Пушкиарева Н.Л. Исторический опыт раздельного обучения для женщин и отношение к нему в современной России	81
Секенова О.И. Первый Всероссийский съезд по образованию женщин (1912–1913 гг.): проблемы организации и взаимодействия	96
Цыганова А.В. К вопросу о становлении и развитии Тверской Мариинской женской гимназии во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам архивных фондов ГАТО).....	111
История России	
Жукова Е.Н. Преподавание археологии в Калининском государственном университете	128
Шошкина М.Н. Положение земского участкового начальника в Российской провинции конца XIX – начала XX вв. (по материалам «Пензенских епархиальных ведомостей»)	145
Историография. Источниковедение.	
Методы исторического исследования	
Макеева С.Б. История регионально-демографического развития пограничного Забайкалья в конце XX – начале XXI вв.: современная отечественная историография	158
Страница аспиранта	
Козлов Н.А. Размышления о книге: Туркевич Л, прот. Дневники и записные книжки периода Поместного Собора 1917–1918 гг.	172
Левин Е.В. Памятные книжки второй половины XIX – начала XX вв. как исторический источник по изучению прибалтийских переселенцев в Псковской губернии	177
Сообщения	
Потамская В.П. Интеллигентская история К. Скиннера: проблемы политической мысли раннего Нового времени	183
Критика. Библиография. Научная жизнь	
Леонтьева Т.Г. Научно-исследовательский центр церковной истории и православной культуры им. В.В. Болотова: к 20-летию открытия и деятельности	192
СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	198

CONTENTS

HISTORY OF FEMALE EDUCATION IN THE REGIONS OF RUSSIA (ON THE 155TH P.P. MAKSIMOVICH SCHOOL)

<i>A.V. Belova</i> Requirements for Matriculation in Women's Institutes in Russia in the Late 18 th – Mid 19 th Centuries (On the Example for the Enrollment of Noble Women from the Tverskaya Province into the Capital's Education Institutions)	5
<i>O.A. Valkova</i> On the Issue of the Education of the First Russian Women Scientists in the 1850s-1860s: the Family Aspect	20
<i>A.V. Zhidchenko</i> Everyday life of female students of Omsk Polytechnic Institute in the first half of the 1980s	34
<i>O.I. Lisitsyna</i> Women's Home Education in the First Half of the 19 th Century (based on the Example of the Moscow Nobility)	50
<i>N.A. Mitsyuk</i> The everyday life of gymnasium students in the Russian province in the 1860s–1918 (based on the materials of the Smolensk province)	66
<i>N.L. Pushkareva</i> Historical Experience of Single-Sex Education for Women and the Attitude to it Modern Russia	81
<i>O.I. Sekenova</i> The First All-Russian Congress on Women's Education (1912-1913): problems of organization and interaction	96
<i>A.V. Tsyganova</i> On the Formation and Development of the Tver Mariinsky Women's Gymnasium in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries (Based on the Materials of the GATO Archive Funds)	111

THE HISTORY OF RUSSIA

<i>E.N. Zhukova</i> Teaching Archaeology at Kalinin State University.....	128
<i>M.N. Shoshkina</i> The position of the zemstvo district chief in the Russian province of the late XIX - early XX centuries (based on the Penza Diocesan Gazette).....	145

HISTORIOGRAPHY. SOURCE STUDY.

METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

<i>S.B. Makeeva</i> History of Regional-Demographic Development of Border Transbaikalia in the Late XX – Late XXI Centuries: Contemporrary Domestic Historiography	158
--	-----

THE PAGE OF THE POST-GRADUATE STUDENT

<i>N.A. Kozlov</i> Reflections on the book: Turkevich L., Archpriest. Diaries and notebooks from the period of the Local Council of 1917–1918	172
<i>E.V. Levin</i> Pamyatnyye knizhki from the first half of the 19th – early 20th centuries as a historical source for studying Baltic settlers in the Pskov province	177

THE REPORTS

<i>V.P. Potamskaya</i> Skinner's Intellectual History: Problems of Early Modern Political Thought	183
---	-----

THE CRITICISM. THE BIBLIOGRAPHY. THE SCIENTIFIC LIFE

<i>Tatiana G. Leontieva</i> V.V. Bolotov Research Center for Church History and Orthodox Culture: On the 20th Anniversary of Its Opening and Activities	192
---	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	198
-------------------------------	-----

ИСТОРИЯ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ (К 155-ЛЕТИЮ ШКОЛЫ П.П. МАКСИМОВИЧА)

УДК 94(47)17/18+316.343.32-055.2

DOI 10.26456/vthistory/2025.2.005-019

Требования к матрикуляции в женские институты в конце XVIII – середине XIX в. (На примере зачисления дворянок в столичные образовательные учреждения)¹

А.В. Белова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

Статья посвящена требованиям к матрикуляции в женские институты в России в конце XVIII – середине XIX в. На основе исследования нормативных предписаний и реальных историй зачисления дворянок из Тверской губернии в столичные образовательные учреждения анализируются качественные аспекты государственной стратегии в отношении образовательного профиля представительниц привилегированного сословия, выявляется специфика целевой аудитории обучающихся, немалую долю которых составляли девочки из провинции. В заключение делается вывод о том, что требования к матрикуляции характеризовали женское институтское образование в России как своего рода вид социального признания для малоимущих дворянок, вклад в сохранение общности родовитого дворянства как особой категории и воспроизведение его культурного этоса.

Ключевые слова: женское образование, женские институты, женская повседневность, женская семейная память, женская история, дворянки.

Анализ требований к матрикуляции в женские институты в конце XVIII – середине XIX в. позволяет понять установки государственной стратегии в отношении образовательного профиля представительниц привилегированного сословия. При этом немалую часть воспитанниц ведущих столичных институтов составляли юные дворянки из провинции. Цель статьи – выявить специфику целевой аудитории обучающихся на примере зачисления дворянок из Тверской губернии в столичные образовательные учреждения.

Согласно составленному И.И. Бецким и утверждённому Екатериной II 12 марта 1764 г. «Генеральному учреждению о воспитании обоего пола юношества» женское институтское образование было рассчитано в среднем

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия» (№ 24-18-00212).

на возрастную когорту от шести до восемнадцати лет². Эти нормы действовали в санкт-петербургском «Воспитательном Обществе благородных девиц»³, в обиходе именовавшемся Смольным институтом, с момента его основания 5 мая 1764 г. и вплоть до конца XVIII в., когда женские образовательные учреждения перешли после смерти Екатерины II в ведение императрицы Марии Фёдоровны и срок обучения в них был сокращён с двенадцати до девяти лет⁴. Так, девица Аграфена Васильевна, урождённая Мацкевичева (1796–1892), вышедшая впоследствии замуж за тверского дворянина Дмитрия Александровича Кафтырева⁵, по окончании своего образования в 1812 г. получила свидетельство, в котором говорилось о ней как о «пребывшей в сем Обществе на девятилетнем воспитании»⁶. Начав обучение в 1803 г. в семилетнем возрасте, она завершила его в шестнадцать лет. Реальное изменение возрастных рамок получения образования не было отражено, однако, в официальном «Уставе воспитания благородных девиц»⁷, по-прежнему предусматривавшем двенадцатилетний срок обучения.

В основанном 25 мая 1798 г.⁸ также в Санкт-Петербурге «Училище Ордена Святой Екатерины», или Екатерининском институте, как его иначе называли, существовал другой возрастной ценз. Согласно «Высочайше утверждённым правилам относительно приёма благородных девиц в «Училище Ордена Св. Екатерины» к участию в конкурсном отборе допускались дворянские девушки, достигшие десятилетнего возраста и при этом бывшие на момент поступления не старше двенадцати лет⁹. Дворянка Кашинского уезда Тверской губернии, девица Любовь Ивановна Суворова, родившаяся в 1824 г.¹⁰, окончила «Училище Ордена Святой Екатерины» в 1841 г.¹¹ в возрасте семнадцати лет. Точное время определения её в

² Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ), собрание первое (далее – 1). СПб., 1830. Т. XVI. № 12103. С. 670.

³ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 742–743.

⁴ См., напр.: Демков М.И. Очерки по истории русской педагогики. М., 1909. С. 60–61; Белоусов А.Ф. Институтка // Школьный быт и фольклор: учеб. материал по русскому фольклору: в 2 ч. / сост. А.Ф. Белоусов; отв. ред. С.Н. Митюров. Таллинн, 1992. Ч. 2: Девичья культура. С. 120; Озерская Ф.С. Женское образование // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. М.Ф. Шабаева. М., 1973. Разд. 3. Гл. XIV. С. 258.

⁵ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 1233. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁶ ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁷ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 742–755.

⁸ Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). СПб., 1899. Ч. 2. С. 29. Также см.: Стерлигова А.В. Воспоминания // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. М., 2001. С. 69. По версии Стерлиговой, дата основания – 25 июня.

⁹ ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

¹⁰ Там же. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 56. Л. 16–16 об.

¹¹ Там же. Д. 1. Л. 1.

Училище не известно. Однако с учётом дальнейшего сокращения срока обучения в женских институтах, за исключением Смольного, до шести лет¹² можно предположить, что она поступила на воспитание в 1835 г. в возрасте одиннадцати лет. В мемуарах П.П. Семенова-Тян-Шанского (1827–1914) описана история определения в Екатерининский институт его сестры Натальи Петровны, урождённой Семеновой, провинциальной дворянки, детство которой прошло в родовом имении отца в Рязанской губернии: «Замечательно талантливая двенадцатилетняя девочка без всякой специальной подготовки выдержала свой вступительный экзамен и была принята во второй половине зимы 1836–1837 годов своекоштной пансионеркою в институт...»¹³. Она вышла из института «через 6 лет»¹⁴, будучи в восемнадцатилетнем возрасте.

При соблюдении прочих требований к зачисляемым девочкам возрастных ограничений не всегда придерживались строго, особенно если речь шла о так называемых «своекоштных пансионерках», т. е. находящихся «на своем, или не на казенном содержании»¹⁵. Это сохранялось и позднее, во второй половине XIX в. Отставному ротмистру Дмитрию Осиповичу Кожину, дворянину Кашинского уезда Тверской губернии, 4 декабря 1873 г. было направлено сообщение из IV отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, в ведении которого с 1828 г.¹⁶ находились женские образовательные учреждения. В сообщении говорилось, что императрица Мария Александровна в ответ на его просьбу разрешила принять его четырнадцатилетнюю дочь Екатерину в «Московское Александровское училище», основанное в 1804 г.¹⁷, без назначения ей казённого содержания и зачислить её в класс, где обучались девушки того же возраста¹⁸. Возможность некоторого несоответствия абитуриенток установленному возрастному цензу свидетельствует о том, что это требование в ряду других представлялось наиболее формальным.

Важнейшим же условием получения юной дворянкой институтского образования было её социальное происхождение. Согласно «Уставу воспитания благородных девиц» сопровождавшие девочку при поступлении взрослые – «отцы и матери, а в случае сиротства, сродники или свойственники» – должны были представить на рассмотрение Совета

¹² Белоусов А.Ф. Указ. соч. С. 120.

¹³ Семенов-Тян-Шанский П.П. Детство и юность // Русские мемуары. Избранные страницы. (1826–1856) / сост., вступ. ст., биогр. очерки и примеч. И.И. Подольской. М., 1990. С. 442.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 4. С. 154.

¹⁶ См., напр.: Дружинин Н.М. Массовое антикрепостническое движение и внутренняя политика царизма в 1826–1852 гг. // История СССР с древнейших времен до наших дней / отв. ред. А.В. Фадеев. М., 1967. Серия первая. Т. IV. Гл. 7. С. 292; Белоусов А.Ф. Указ. соч. С. 120.

¹⁷ См., напр.: Лихачева Е.О. Указ. соч. Ч. 2. С. 64; Озерская Ф.С. Указ. соч. С. 258.

¹⁸ ГАТО. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 64. Л. 1.

Общества «достоверные доказательства» ёё дворянского достоинства¹⁹. В перечне требований, предъявлявшихся Советом «Училища Ордена Св. Екатерины» к абитуриенткам, на первом месте стояли родовая принадлежность и служебное положение их отцов. При этом рассчитывать на поступление в Училище могли лишь дочери тех дворян, чьи роды были внесены в III, V и VI части дворянских родословных книг, или тех, которые имели чины как минимум 9-го класса (капитан) на военной службе или 8-го класса (коллежский асессор) на гражданской²⁰. Следует уточнить, что не меньшее значение социальное происхождение имело и при приёме в мужские учебные заведения. Правом обучения в Пажеском корпусе, Александровском лицее, Училище правоведения, школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров пользовались только потомки титулованных и древних дворянских родов²¹.

Социальное происхождение как составляющая предписанного статуса было своеобразной отправной точкой жизненного «сценария» дворянок в конце XVIII – середине XIX в. Открывавшиеся перед ними от рождения перспективы, связанные с возможностью получения институтского образования и последующего выхода замуж с соблюдением межродовых соответствий и недопущением мезальянсов, выступали прямым следствием родовитости их предков. Особое значение социального происхождения абитуриенток определялось замкнутым сословным характером институтского образования и тенденцией к культурному обособлению дворянства от других слоев российского общества.

Среди представительниц родовитого дворянства предпочтение отдавалось девушкам из малообеспеченных семей²². В качестве подтверждения финансовой несостоятельности родителей рассматривались, по уставу Смольного, сведения о службе отца, о ранении или гибели его во время войны, об имени родителей²³, а согласно правилам приёма в Екатерининский институт – свидетельства начальников тех из отцов, которые состояли на службе, или губернских предводителей дворянства в отношении тех из них, которые не служили²⁴.

24 января 1811 г. предводителем дворянства Новоторжского уезда Тверской губернии полковником Извековым было выдано свидетельство Елизавете Аболешевой, дочери помещика поручика Нила Васильевича Аболешева. Этот документ, имевший непосредственное отношение к определению девочки в одно из женских учебных заведений, подтверждал, что ей было десять лет, «что она подлинно из дворян, родителя ея фамилия

¹⁹ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 743.

²⁰ ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

²¹ См., напр.: Дворянские роды Российской империи / П.Х. Гребельский и др.; под ред. С.В. Думина. СПб., 1993. Т. 1. С. 21; Семенов-Тян-Шанский П.П. Указ. соч. С. 463.

²² ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6; ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 743.

²³ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 743.

²⁴ ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

в дворянских списках состоит, имения за ним обще с братом его родным в Новоторской округе 79 душ»²⁵. Открытие Екатерининского института мотивировалось именно «распространением способов к хорошему воспитанию между недостаточным Дворянством Российским...»²⁶. В этом смысле институтское образование не представляло собой альтернативу домашнему и, более того, должно было компенсировать некоторым юным дворянкам отсутствие возможности его получения.

Тем не менее мемуаристки свидетельствовали, что не только возраст поступавших часто превышал установленные нормы, почему среди них и встречались «уже порядочно-взрослые девочки» – «с разрешения Императрицы, 14 и 15 лет»²⁷, но и материальное положение родителей многих из них далеко не всегда было бедственным, позволявшим отнести их к разряду малообеспеченных семей, представительницам которых должно было отдаваться предпочтение²⁸. А.В. Стерлигова, урождённая Дубровина (1839 – не ранее 1878), считавшая, что «родилась в богатой семье» (её отец «имел полторы тысячи душ крестьян... и более десяти тысяч десятин земли»)²⁹, вспоминала слова, адресованные «гофмаршалом двора Его Императорского Высочества» В.Д. Олсуфьевым её матери: «Эх, матушка, отбросьте гордость и взглядитесь хорошенъко: все богатые, имеющие связи, помещают своих детей на казённый счет; мой вам совет, пользуйтесь случаем поместить детей»³⁰. На памяти мемуаристок среди институток были девочки «из богатых и знатных семей»³¹.

При этом особой заботы со стороны государства удостаивались девушки-сироты, «отца или матери лишенные»³². Судя по женским и мужским мемуарам, именно их, утрачивавших родительское попечение, главным образом и отправляли на воспитание в институты³³: «Рано потерявши родителей, оставшись без всякого состояния, она ((княжна Гагарина). – А.Б.) воспитывалась сначала у дяди, князя Меньшикова, потом в институте»³⁴. Тот факт, что некоторые провинциальные дворянки, осиротевшие в раннем возрасте, попадали впоследствии на воспитание в

²⁵ ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

²⁶ Там же. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

²⁷ Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 93.

²⁸ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 743; ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

²⁹ Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 69.

³⁰ Там же. С. 79.

³¹ Там же. С. 93.

³² ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

³³ Ржевская Г.И. Памятные записки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц... С. 35–36, 37; Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 69, 79, 88; Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц... С. 131; Водовозова Е.Н. На заре жизни // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц... С. 218, 233.

³⁴ Чичерин Б.Н. Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы. (1826–1856)... С. 249.

столичные институты, находил подтверждение и в литературных источниках, отражавших исторические реалии первой половины XIX в.: «Марья Дмитриевна (в девицах Пестова) еще в детстве лишилась родителей, провела несколько лет в Москве, в институте, и, вернувшись оттуда, жила в пятидесяти верстах от О..., в родовом своем селе Покровском, с теткой да с старшим братом»³⁵. В данном случае описан типичный сценарий жизни дворянок-сирот, которые могли вернуться в имение и не должны были зарабатывать преподаванием. Определение в закрытое учебное заведение считалось лучшим способом обеспечить должный уход таким девочкам и получение ими образования, поэтому, согласно нормативным предписаниям, при отборе кандидаток им должны были отдавать безусловное предпочтение.

С точки зрения социального происхождения и имущественного положения родителей провинциальные дворянки составляли непосредственную целевую аудиторию абитуриенток благодаря особой социокультурной ситуации в российской провинции в конце XVIII – середине XIX в. Провинциальное дворянство в известной мере было представлено людьми родовитыми, но мелкопоместными. Причина этого заключалась в том, что знатное и богатое дворянство, которое могло позволить себе более затратную, чем в провинции, жизнь, тяготело к столицам. Туда же (в первую очередь в Петербург) устремлялись дворяне, имевшие скромное происхождение, поскольку связывали свое жизненное благополучие главным образом со службой и часто не являлись владельцами недвижимых имений. Что же касается многих обладателей провинциальных поместий, то они в основном были потомками родовитых российских дворян (например, Аболешевы, известные с середины XVI в., были внесены в VI часть родословной книги Тверской губернии³⁶), пожалованных некогда за служебные заслуги земельной собственностью и стремившихся впоследствии равномерно разделить ее между всеми детьми. Многочисленность наследников в каждом новом поколении дворянского рода приводила к тому, что в определенный момент их потомки становились средне- или мелкопоместными дворянами. Именно таким провинциальным дворянам официально предлагалось отправлять дочерей для получения образования в столичные институты.

Преимуществом, связанным с оплатой обучения, пользовались дворянки, отцы которых являлись кавалерами ряда орденов Российской империи. Именным указом Александра I от 25 августа 1803 г. устанавливалось ежегодное перечисление из Капитула российских императорских и царских орденов (специального учреждения, в ведении которого находилась их выдача³⁷. – А.Б.) полученной в виде процентов с

³⁵ Тургенев И.С. Дворянское гнездо // Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 т. / ред. кол.: М.П. Алексеев и Г.А. Бялый. М., 1976. Т. 2. С. 131.

³⁶ Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: биографии: в 12 т. Репринт. изд. / отв. ред. В.М. Карав, М.Н. Хитров. М., 1991. Т. 1. С. 27.

³⁷ См., напр.: Дворянские роды Российской империи. СПб., 1993. Т. 1. С. 77–78.

капитала денежной суммы в размере ста тысяч рублей в женские образовательные учреждения на содержание и воспитание дочерей малообеспеченных дворян, награжденных орденами св. Анны 2-й и 3-й степени, св. Георгия 3-й и 4-й степени, св. Владимира 3-й и 4-й степени и владевших не более чем ста душами крепостных³⁸. Из этих девушек государственным попечением пользовались в первую очередь сироты. Такая мера была своего рода знаком царского уважения к отмеченным орденами служебным заслугам отдельных представителей русского дворянства, в том числе и провинциального.

Согласно этому же указу, Капитулу вменялось в обязанность рассматривать поступавшие от отцов – кавалеров орденов или, в случае их смерти, от родственников дворянских девушек прошения о принятии их в то или иное учебное заведение, прежде всего в «Училище Ордена Святой Екатерины», и подтверждавшие достоверность содержавшихся в этих прошениях сведений документы от соответствующего военного или гражданского начальства. Если в ходе производившейся Капитулом проверки устанавливалась подлинность информации о самом кавалере ордена, его имущественном положении и наличии у него дочери, то материалы направляли на утверждение императрице Марии Фёдоровне, выносившей окончательное решение относительно приема в образовательные учреждения тех девушек, которые удовлетворяли общим требованиям, предъявлявшимся к претенденткам. Невостребованная в силу тех или иных причин часть выделявшейся Капитулом денежной суммы подлежала обращению в проценты, в результате накопления которых должен был образовываться специальный фонд для награждения впоследствии по усмотрению императрицы выпускниц институтов. Перечисление денег из Капитула российских императорских и царских орденов на оплату институтского образования дочерей малообеспеченных кавалеров осуществлялось, согласно указу императора, с 1 января 1804 г.³⁹.

Материалы частных архивов тверского дворянства позволяют проиллюстрировать содержание нормативных актов примерами из жизненной практики конца XVIII – первой половины XIX в. Мария Логгиновна Манзей (1787–1875), дочь Логгина Михайловича Манзея (1741–1803), род которого был внесён во II часть дворянской родословной книги Тверской губернии⁴⁰, упомянута в одном из писем в 1797 г. в качестве «новопринятой кофейной»⁴¹ (т. е. ученицы самого младшего класса, носившего одежду коричневого цвета⁴²) «Воспитательного Общества благородных девиц». Вероятно, особую роль при помещении ее в это Общество сыграло то обстоятельство, что отец её был кавалером ордена, хотя указ о льготном содержании дочерей кавалеров, как выше

³⁸ ГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 82. Л. 3.

³⁹ Там же. Л. 3–3 об.

⁴⁰ Там же. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 27. Л. 1 об. – 2 об.

⁴¹ Там же. Д. 45. Л. 8–8 об.

⁴² ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 743.

отмечалось, был подписан позднее, а вся их семья находилась в бедственном материальном положении.

13 июля 1787 г. Л.М. Манзей, имевший в то время чин коллежского советника, т. е. 6-го класса Табели о рангах, и занимавший должность советника Вышневолоцкой конторы водяных коммуникаций, был пожалован императрицей Екатериной II «во уважении на усердную службу... радение в должности и сохранение места вверенного... в порядке» орденом святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени⁴³. 15 июля 1787 г. ему были отправлены «знаки сего ордена для возложения на себя»⁴⁴, а 31 августа 1787 г. – «экземпляр Орденского Статута»⁴⁵.

В декабре 1792 г. Логгин Михайлович, намереваясь выйти в отставку по состоянию здоровья, обращался к своему непосредственному начальству с просьбой ходатайствовать о выделении ему материального пособия для исправления «тесного положения домашних дел»⁴⁶. Возникновение финансовых трудностей он объяснял многими причинами: «малым» жалованием на гражданской службе, на которую вынужден был перейти из-за полученных на военной службе ран, необходимостью содержать большую семью, насчитывавшую девятерых детей, задолженностью, залогом крепостных из имения жены Прасковьи Ильиничны Манзей, урождённой Языковой (1761–1818), для погашения долгов и, наконец, сделанным в Государственном банке займом, на уплату процентов по которому шли доходы от имения, принадлежавшего его жене и детям, по причине отсутствия у него самого недвижимой собственности⁴⁷. Картина, убедительно нарисованная Л.М. Манзеем, позволяет составить ясное представление об уровне материального благосостояния его семьи. При этом пять дочерей нуждались в получении образования, достойного дворянских девушек того времени. Материалы семейного архива позволяют удостовериться, что «старшие дочери, Вера и Мария, учились с приложением в Смольном институте»⁴⁸.

Другой пример касается вышеупомянутой Л.И. Суворовой. В январе 1805 г. её деду по отцовской линии, поручику Евграфу Васильевичу Суворову, была выдана заверенная тверским губернским предводителем дворянства и уездными дворянскими депутатами грамота, свидетельствовавшая о том, что его род был внесён в VI часть дворянской родословной книги Тверской губернии⁴⁹. Отец девочки, поручик, а позднее

⁴³ ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Л. 1.

⁴⁶ Там же. Д. 41. Л. 1 об.

⁴⁷ Там же. Л. 1–1 об.

⁴⁸ Гурьянова В.В. Логин Михайлович Манзей – директор вышневолоцкой конторы водных коммуникаций, помещик Вышневолоцкого уезда Тверской губернии // Дни славянской письменности и культуры: сб. докл. и сообщений. Тверь, 1998. Вып. 4. С. 65.

⁴⁹ ГАТО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

штабс-ротмистр Иван Евграфович Суворов, 2 ноября 1812 г., служа в то время прапорщиком Воронежского пехотного полка, был награждён «за отличие» орденом святой Анны 4-й степени⁵⁰. Кроме того, послужной список её отца был отмечен участием в нескольких боевых операциях русской армии и тяжёлым ранением в ногу⁵¹. Все эти обстоятельства – и древнее дворянское происхождение, и служебные заслуги отца – должны были способствовать тому, что Л.И. Суворову зачислили во второе отделение «Училища Ордена Святой Екатерины»⁵².

В первой половине XIX в. роль этого училища в распространении институтского образования среди провинциальных дворянских девушек была особенно велика. Губернским и уездным предводителям дворянства направлялись специальные запросы о дворянах, желавших отдать своих дочерей или воспитанниц на обучение в «Училище Ордена Святой Екатерины», и тексты условий конкурсного отбора, а также вменялось в обязанность довести содержание этих документов до сведения провинциального дворянского общества. Они же, в свою очередь, возлагали задачу непосредственного оповещения дворян и получения соответствующих расписок на земские суды⁵³.

Судя по нормативным документам, девочкам-сиротам, «оставшимся после кавалеров убитых в сражении или умерших от полученных ран»⁵⁴, при отборе претенденток отдавалось безусловное предпочтение. Данную меру следует рассматривать как одно из важнейших проявлений государственной политики в области институтского образования, которое, как и домашнее, отличалось неразрывной связью с воспитанием. Причём если при создании Смольного института провозглашалась смена парадигмы воспитания, провозглашенная формулой И.И. Бецкого о необходимости создания «новой породы или новых отцов и матерей»⁵⁵, то со временем всё больше утверждался идеал милосердия в воспитательном процессе, которым охватывались в первую очередь сироты, лишённые «естественного» источника воспитания в лице одного или обоих родителей.

Конкурсный отбор в закрытые учебные заведения производился по результатам медицинского освидетельствования⁵⁶. При поступлении в Екатерининский институт девушка наряду с такими документами, как заявление от родителей или родственников, свидетельства о рождении и крещении, «о Дворянстве с означением, в какую именно часть родословной книги занесен род отца» или «о чине» отца, «об учении» и «о недостаточном состоянии», должна была представить заключение лекаря о том, что она была полностью здорова и что её физическое самочувствие удовлетворяло

⁵⁰ ГАТО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 56. Л. 14, 16.

⁵¹ Там же. Л. 16–16 об.

⁵² Там же. Д. 3. Л. 1.

⁵³ Там же. Ф. 695. Оп. 1. Д. 82. Л. 1, 2; Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–3 об., 8, 9.

⁵⁴ Там же. Д. 82. Л. 2.

⁵⁵ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12103. С. 669.

⁵⁶ Там же. № 12154. С. 743; ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

требованиям, предъявлявшимся в этой связи к будущим воспитанницам⁵⁷. Устав «Воспитательного Общества благородных девиц» и правила приема в Екатерининский институт включали в себя перечень заболеваний, наличие которых у дворянки лишало её возможности обучаться в этих образовательных учреждениях. К числу таких заболеваний относились, в частности, разнообразные нарушения зрения (слепота, «бельма наглазныя и вообще все глазныя болезни»), слуха (глухота), правильного телосложения (увечье, горбатость, «кривобокость»), «все золотушныя болезни», предрасположенность к туберкулезу и другим болезням, опасным с точки зрения возникновения эпидемии⁵⁸. В первой половине XIX в. «золотуху» определяли как «прирожденную болезнь худосочия, в которой особенно болеют железы»⁵⁹. По определению конца XX в., понятие «золотуха» – то, что «частично соответствует современному представлению о туберкулезе кожи и лимфатических узлов у детей с экссудативным диатезом»⁶⁰.

При зачислении дворянских девушек в институты в отношении каждой из них выяснялось, была ли ей к этому времени привита оспа⁶¹. Особую роль в профилактике данного заболевания играла именно вакцинация, фактическое начало которой в России было положено личным примером императрицы Екатерины II, пожелавшей подвергнуть прививке себя и своего сына, будущего императора Павла I⁶², и массовое распространение которой затронуло детскую возрастную группу.

Согласно правилам приёма в «Училище Ордена Св. Екатерины» к участию в конкурсном отборе допускались только по одной из нескольких сестёр, одновременно претендовавших на поступление, и совсем не допускались девушки, сёстры которых уже воспитывались в этом заведении на казённый счёт⁶³. Введение такого ограничения становится понятным, ведь дворянские семьи в конце XVIII – середине XIX в. в большинстве своём были многодетными и многодевичьими, и заботы по воспитанию сразу нескольких дочерей не могли быть возложены полностью на государство.

Тем не менее получение институтского образования часто превращалось в своего рода семейную традицию, когда представительницы нескольких поколений ближайших родственников в разное время помещались в то или иное закрытое учебное заведение. Как говорилось выше, А.В. Кафтырева в 1803–1812 гг. воспитывалась в Смольном институте, где позднее, в 20–30-е гг., обучались Анна Алексеевна,

⁵⁷ ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 4–5об.

⁵⁸ Там же. Л. 6 об.; ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 743.

⁵⁹ Даль В.И. Указ. соч. М., 1981. Т. 1. С. 692.

⁶⁰ Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А.М. Прохоров (пред.). М., 1981. С. 472.

⁶¹ ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 4; ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 743.

⁶² Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. Репринтное воспроизведение издания 1885 г.: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 650; Ковригина В.А., Сысоева Е.К., Шанский Д.Н. Медицина и здравоохранение // Очерки русской культуры XVIII века / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1988. Ч. 3. С. 71.

⁶³ ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6–6 об.

урождённая Редзикова, её родная племянница, и Софья Петровна, урождённая Капцевичева, девушка, в воспитании которой она принимала непосредственное участие, а другая её племянница, Александра Алексеевна, урождённая Редзикова, была отдана в «Московский Институт»⁶⁴. В роду дворян Манзеев, кроме В.Л. и М.Л. Манзей, получивших образование в Смольном в последней четверти XVIII – начале XIX вв., в 30–40-е гг. XIX в. в институты были определены их родные племянницы – Елена Николаевна, урождённая Манзей, и Юлия Ивановна, урождённая Мельницкая⁶⁵.

Наконец, при приёме в женские образовательные учреждения от абитуриенток требовалась предварительная интеллектуальная подготовка. В конкурсном отборе в Екатерининский институт могли участвовать только дворянские девушки, знавшие наизусть общеупотребительные повседневные молитвы и десять заповедей, умеющие читать и писать на русском, французском или немецком языках, а также имевшие навыки счета⁶⁶.

В письме к знаменитому генералу и видному государственному деятелю, герою войны 1812 г. (портрет которого находится в Военной галерее Зимнего дворца), первому генерал-губернатору Западной Сибири Петру Михайловичу Капцевичу (1772–1840) от 15 февраля 1829 г.⁶⁷ А.В. Кафтырева подробно описывала домашние занятия его дочери Софьи, готовившейся под её наблюдением к поступлению в «Воспитательное Общество благородных девиц». Этот уникальный в своём роде документ даёт представление не только об объёме знаний, необходимых дворянской девушке для того, чтобы быть принятой в государственное учебное заведение, но и вообще о содержательной специфике женского образования в первой половине XIX в. К числу предметов, подлежавших освоению Софьей Капцевичевой, относились Закон Божий, история, география, словесность и музыка: «На прошедшей неделе она кончила Катехизис, и Отец Петр начал с нею повторение онаго, после чего намерен заняться истолкованием ей Литургии. История на некоторое время оставлена, чтобы более заняться Географией, которая идет довольно хорошо. В словесности, Сонюшка, начинает порядочно излагать мысли свои, которые прежде сего, она никак не могла привести в должный порядок; она сочиняет письма на разные предметы, и из оных, некоторыми Осип Якимович был доволен. Музыка также идет порядочно: екзерисы повторяются каждый день по очереди один за другим; сверх сего мы играем с Сонюшкою Тирольскую с вариациями à quatre mains (в четыре руки, пер. с фр. мой. – А.Б.), которой музыка весьма хороша...»⁶⁸. Как видно из письма, особое внимание уделялось религиозному образованию, направленному на изучение основ христианского вероучения, содержания и смысла православного богослужения. Также в образовательной программе дворянской девушки

⁶⁴ ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 37, 82 об., 94–98 об.

⁶⁵ Там же. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 15–16 об., 34 об.

⁶⁶ Там же. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6 об.

⁶⁷ Там же. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 80–81 об.

⁶⁸ Там же. Л. 81.

определенное место занимали дисциплины гуманитарного и естественного профиля, наряду с занятиями, развивавшими её творческие способности и таланты на литературном и музыкальном поприщах. Судя по письму А.В. Кафтыревой, употребление понятия «образование», подразумевавшего приобретение известной совокупности знаний, в отношении юной дворянки было привычным явлением («... одними только желаниями и возможными стараниями и попечениями, способствуя образованию Сонюшки, могу я несколько изъявить вам живейшую мою признательность»⁶⁹). Очевидно, в первой половине XIX в. женское образование уже воспринималось общественным сознанием как вполне самоценное.

Наряду с приглашением учителей для домашних занятий существовали и другие способы подготовки дворянских девушек, в том числе и провинциальных, к поступлению в институты. По словам М.Л. Манзей, её сестра Любовь Логгиновна Мельницкая, урождённая Манзей, намеревалась отдать свою дочь Юлию сроком на один год учиться к некой «мадам Львов», под именем которой имелось в виду заведение либо представлявшее собой пансион, либо напоминавшее его. Причём, по мнению Марии Логгиновны, такая форма обучения была предпочтительнее найма случайной гувернантки с точки зрения как оплаты, так и качества образования: «Она (Любовь Логгиновна. – А.Б.) едет более для Юлины, нежели для Миши, хочет отдать ее к Mme Львов на год до Института, и мне кажется, что это будет лучше, чем брать неизвестную гувернантку, которая будет стоить гораздо дороже и ничего не выучит...»⁷⁰. Для придания большей убедительности своему суждению Мария Логгиновна ссылалась на опыт другой племянницы, некогда получившей такую же образовательную подготовку, – Анны Степановны Рыкачевой⁷¹, дочери Надежды Логгиновны Рыкачевой, урождённой Манзей: «... а вы помните, как Аннушка Рыкач:*ева* была у неё («Mme Львов». – А.Б.) хороша...»⁷². 19 июня 1836 г. М.Л. Манзей сообщала сестре В.Л. Манзей о том, что их племянница Юлия Ивановна Мельницкая находилась уже на попечении известной им обеим «мадам Львов»: «Любовь Лог:*гиновна* пишет, что Юлину уже отдала к M:*адам* Львов, которая на лето уехала с ней в Парсолово»⁷³. Образование провинциальной дворянки могло быть, что называется, «комбинированным», если принимать во внимание не только ее обучение в институте, но и домашнюю или «пансионскую» подготовку к нему.

Из некоторого условного числа дворянских девушек наибольший шанс быть помещённой в закрытое учебное заведение имела та, которая находилась в возрасте шести–семи («Воспитательное Общество благородных де-

⁶⁹ ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 80 об.

⁷⁰ Там же. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 34 об. – 35.

⁷¹ Черняевский М.П. Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год, с алфавитным указателем и приложениями. Тверь, 1871. Л. 165 об.

⁷² ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 35.

⁷³ Там же. Л. 38.

виц») или десяти–двенадцати («Училище Ордена Святой Екатерины») лет, происходила из древнего дворянского рода, обладала сравнительно крепким здоровьем и достаточной интеллектуальной подготовкой, родители которой относились к категории мелкопоместных дворян, а сестры не претендовали одновременно с ней на получение институтского образования за государственный счёт. При этом провинциальные дворянки сравнительно легко могли соответствовать критериям отбора абитуриенток. Часто дворянские девушки из провинции имели родовитых, но небогатых родителей, отличаясь в лучшую сторону состоянием своего здоровья в силу жизни «на природе», обладали необходимыми начальными познаниями в области вероучения, чтения, письма, арифметики и иностранных языков.

Тем не менее в конце XVIII – середине XIX в. институтское образование не пользовалось «ажиотажным спросом» среди провинциальных дворян. Об этом свидетельствуют, в частности, документы земских судов, связанные с многократным оповещением уездных дворян о предоставившейся им государством возможности отправить дочерей учиться в санкт-петербургский институт ордена Святой Екатерины. Определение дворянских девочек в закрытые образовательные заведения было, скорее, вынужденной мерой, обусловленной финансовой, физической или моральной неспособностью родителей дать дочери домашнее образование.

Таким образом, специфика целевой аудитории обучающихся на примере зачисления дворянок из Тверской губернии в столичные образовательные учреждения определялась следующими требованиями к матрикуляции: возрастной ценз не старше шести–семи лет для Смольного и десяти–двенадцати для Екатерининского института в Санкт-Петербурге; древность дворянского происхождения; кавалерство отца как особое преимущество; финансовый дефицит родителей; удовлетворительное состояние здоровье в сочетании с прививкой против оспы; отсутствие сестер, обучающихся в этом же институте за государственный счет; первоначальные знания вероучения, чтения, письма, арифметики и иностранных языков. Государственная стратегия женского институтского образования, несмотря на имевшее место на первых порах организации «Воспитательного Общества благородных девиц» стремление к копированию западноевропейского образовательного стандарта, со временем была адаптирована к региональным потребностям сохранения российского родовитого дворянства как особой социальной общности. Возможность обучения провинциальных дворянок в столичных институтах была обусловлена заинтересованностью государства в обеспечении «полноценного» образования представительницам малоимущего родовитого дворянства, особенно сиротам, которые не могли рассчитывать на заботу о них родителей. Государственные затраты в этой связи оправдывались тем, что дворянки, «проходившие» через институты и возвращавшиеся потом в «родовые гнезда», не только являлись хранительницами собственно дворянского культурного этоса, но и вносили весомый вклад в созидание в целом культуры российской провинции.

Список литературы:

1. Белоусов А.Ф. Институтка // Школьный быт и фольклор: учеб. мат-л по русскому фольклору: в 2 ч. / сост. А.Ф. Белоусов; отв. ред. С.Н. Митюров. Таллинн: Таллиннский педагогический институт им. Э. Вильде, 1992. Ч. 2: Девичья культура. С. 119–159.
2. Брикнер А.Г. История Екатерины Второй: в 2 т.: репринт. воспр. изд. 1885 г. М.: Современник, Товарищество Русских Художников, 1991. Т. 1. 431 с.: ил.; Т. 2. – 499 с.: ил.
3. Гурьянова В.В. Логин Михайлович Манзей – директор Вышневолоцкой конторы водных коммуникаций, помещик Вышневолоцкого уезда Тверской губернии // Дни славянской письменности и культуры: Сб. докл. и сообщений. Тверь: ТвГУ, 1998. Вып. 4. С. 57–67.
4. Демков М.И. Очерки по истории русской педагогики. М., 1909. – 152 с.
5. Дружинин Н.М. Массовое антикрепостническое движение и внутренняя политика царизма в 1826–1852 гг. // История СССР с древнейших времен до наших дней / отв. ред. А.В.Фадеев: в 12 т. М., 1967. Серия первая. Т. IV. Гл. 7 (кроме § 6). С. 256–300, 306–314.
6. Ковригина В.А., Сысоева Е.К., Шанский Д.Н. Медицина и здравоохранение // Очерки русской культуры XVIII века: в 4 т. / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: МГУ, 1988. Ч. 3: Наука. Общественная мысль. 400 с.: ил. С. 50–84.
7. Озерская Ф.С. Женское образование // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. М.Ф. Шабаева. М.: «Педагогика», 1973. Раздел 3. Гл. XIV. С. 255–269.

Об авторе:

БЕЛОВА Анна Валерьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31), e-mail: Belova.AV@tversu.ru

Requirements for Matriculation in Women's Institutes in Russia in the Late 18th – Mid 19th Centuries (On the Example for the Enrollment of Noble Women from the Tverskaya Province into the Capital's Education Institutions)

A.V. Belova

Tver State University, Tver, Russia

The article is devoted to the requirements for matriculation in women's institutes in Russia in the late 18th – mid-19th centuries. Based on the study of regulatory prescriptions and real stories of enrollment of noblewomen from the Tver province in the capital's educational institutions, are analyzed the qualitative aspects of the state strategy regarding the educational profile of representatives of the privileged class, are revealed the specifics of the target audience of students, a significant

proportion of whom were girls from the provinces. It is concluded that the requirements for matriculation characterized women's institute education in Russia as a kind of social care for poor noblewomen, a contribution to the preservation of the community of the noble nobility as a special category and the reproduction of its cultural ethos.

Keywords: *women's education, women's institutions, women's everyday life, women's family memory, women's history, noblewomen.*

About author:

BELOVA Anna Valeryevna – Doctor of History, Professor, Head of the Department of General History, Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31), e-mail: Belova.AV@tversu.ru

References

- Belousov A.F., *Institutka, Shkol'nyj byt i fol'klor: ucheb. mat-1 po russkomu fol'kloru: v 2 ch.* / sost. A.F. Belousov; otv. red. S.N. Mityurev, Tallinn, Tallinnskij pedagogicheskij institut im. E. Vil'de, 1992. CH. 2: Devich'ya kul'tura. S. 119–159.
- Brikner A.G., *Istoriya Ekateriny Vtoroj: v 2 t.: reprint. vospr. izd. 1885 g.*, M., Sovremennik, Tovarishchestvo Russkih Hudozhnikov, 1991. T. 1. – 431 s.: il.; T. 2. – 499 s.: il.
- Gur'yanova V.V., *Login Mihajlovich Manzej* – direktor vyshnevolockoj kontory vodnyh kommunikacij, pomeshchik Vyshnevolockogo uezda Tverskoj gubernii, Dni slavyanskoj pis'mennosti i kul'tury: Sb. dokl. i soobshchenij, Tver', TvGU, 1998, Vyp. 4, S. 57–67.
- Demkov M.I., *Ocherki po istorii russkoj pedagogiki*, M., 1909, – 152 s.
- Druzhinin N.M., *Massovoe antikrepostnicheskoe dvizhenie i vnutrennyaya politika carizma v 1826–1852 gg.*, Istorya SSSR s drevnejshih vremen do nashih dnej / otv. red. A.V. Fadeev: v 12 t., M., 1967. Seriya pervaya. T. IV. Gl. 7 (krome § 6). S. 256–300, 306–314.
- Kovrigina V.A., Sysoeva E.K., Shanskij D.N., *Medicina i zdraovoohranenie, Ocherki russkoj kul'tury XVIII veka: v 4 t.* / pod red. B.A. Rybakova, M., MGU, 1988, Ch. 3: Nauka. Obshchestvennaya mysl'. 400 s.: il. S. 50–84.
- Ozerskaya F.S., *Zhenskoe obrazovanie, Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR: XVIII – pervaya polovina XIX v.* / otv. red. M.F. Shabaeva, M., «Pedagogika», 1973. Razdel 3. Gl. XIV. S. 255–269.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

УДК 94(47):37-055.2”18”+057.4-055.2
DOI 10.26456/vthistory/2025.3.020–033

К вопросу об образовании первых российских женщин-учёных в 1850 – 1860-х гг.: семейный аспект

О.А. Валькова

ФГБУН Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
РАН, г. Москва, Россия

В статье анализируется характер образования, которое в 1850-е гг. получали женщины – представительницы первого признанного научным сообществом поколения российских женщин-ученых. В этот период поднимался вопрос о допуске женщин к обучению в российских университетах, однако в начале 1860-х гг. он был решен отрицательно. В итоге никто из россиянок, избранных в конце XIX – начале XX в. почётными членами или членами-корреспондентами Императорской академии наук, в том числе С.В. Ковалевская, княгиня П.С. Уварова, О.И. Срезневская, О.А. Федченко, не имел официального высшего образования и научной степени, кроме С.В. Ковалевской. При отсутствии доступа к общественному образованию решающее значение в получении необходимых знаний молодыми женщинами и привлечении их к научной деятельности сыграли их семьи.

Ключевые слова: история женского образования, женщина-ученый, семья, С.В. Ковалевская, П.С. Уварова, О.И. Срезневская, О.А. Федченко.

В 2025 г. научное сообщество отмечает 175 лет со дня рождения Софьи Васильевны Ковалевской (1850–1891), не только первой россиянки, получившей международное признание её современников-математиков, но и одной из первых женщин Европы, удостоенных в XIX в. университетского диплома доктора философии, и первой европейки, ставшей профессором университета в Новейшей истории. К поколению С.В. Ковалевской принадлежит ещё несколько выдающихся отечественных женщин-учёных, заслуживших признание и отечественного, и международного научных сообществ, каждая в своей области, и, как и С.В. Ковалевская, удостоившихся ещё в XIX – начале XX вв. избрания в состав Императорской академии наук даже если и не в качестве действительных членов, а в качестве почётных или членов-корреспондентов. Однако ни у кого из них, кроме С.В. Ковалевской, не было диплома о высшем образовании и, насколько известно в настоящее время, никто из них даже и не пытался его получить. Стремление к получению официального, университетского высшего образования, распространявшееся среди российских барышень из так называемых образованных словий в 1860-е – 1870-е гг., не затронуло никого из них, хотя пришлось на времена их юности.

В 1859 г. Петербургский, Киевский и Харьковский университеты впервые в российской истории распахнули свои двери перед женщинами, желавшими получить высшее образование¹. В 1861 г. некоторые из этих смелых дам обратились к университетскому начальству с просьбой разрешить им держать экзамены на право получения дипломов². Правительство, однако, отнеслось неодобрительно к подобным инициативам и поспешило свести их на нет³. В последовавшие затем 60-е – 70-е гг. XIX в. современники могли наблюдать упорную и в основном безрезультатную борьбу части русских женщин за право получать высшее образование, ставшую в конце концов борьбой за политическое и экономическое равноправие женщин.

История этого процесса – иногда драматического, иногда трагического – изучена достаточно подробно⁴. В двух словах можно сказать, что количество женщин, желавших получить высшее образование, год от года увеличивалось; правительство смотрело на это неодобрительно, а общество спорило и ломало копья, пытаясь решить, насколько новое явление для него хорошо или, наоборот, плохо, и к чему может это привести впоследствии.

Мы упоминаем об этом явлении в настоящей статье, поскольку в отечественной историографии научно-исследовательская работа женщин во второй половине XIX – начале XX вв. неразрывно связана с развитием в стране высшего женского образования. Между возможностью получить высшее образование и желанием профессионально заниматься наукой в историко-научной литературе ставится знак равенства. Приведём здесь только один, но зато типичный пример подхода к данной проблеме: «В 1859 г. для женщин, стремящихся к систематическим занятиям наукой, открыл двери Петербургский университет»⁵ или: «Против доступа женщин к высшему образованию и занятиям наукой выступали не только политические деятели, но также и мужчины-учёные...»⁶.

Нам кажется, что такое объединение двух различных тем (хоть, несомненно, и связанных между собой) не оправдано, особенно для России 1860-х – 1880-х гг. XIX в. Возможно, для поколения, родившегося в 1880-е гг. XIX в., получившего образование на Высших женских курсах в 1900-е гг., для поколения, расцвет деятельности которого пришёлся уже на 1920-е – 1930-е гг., получение систематического высшего образования и последу-

¹ Тишкин Г.А. Женский вопрос и правительственная политика 60 – 70-х годов XIX в. // Вопросы истории России XIX – начала XX века: межвузовский сборник. Л., 1983. С. 161.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 165.

⁴ См., например: Пушкирева Н.Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–200: Материалы к библиографии. М., 2002; Юкина И.И. История женщин России: Женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы. Материалы к библиографии. СПб., 2003.

⁵ Агамова Н.С., Аллахвердян А.Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и научноведческие аспекты (к 150-летию со дня рождения С.В. Ковалевской) // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 142.

⁶ Там же. С. 143.

иющее занятие научной деятельностью действительно являлись двумя неразрывными частями единого процесса. Но это было совсем не так для женщин, родившихся в 1840-е гг. и завоевавших право называться учёными (в современном понимании этого слова) в 1880-е гг.

Попытаемся обосновать нашу точку зрения.

Если обратиться к толкованию самого выражения «учёная женщина» (именно так употреблялось данное словосочетание в указанный период времени), то не трудно будет обнаружить, что под ним подразумевалась женщина, получившая некоторое образование, помимо навыков рукоделия, «танцований», знания французского языка и правил этикета, а совсем не женщина, зарабатывающая на жизнь научной работой или хотя бы посвящающая этому виду деятельности большую часть своего времени.

Весьма характерна также аргументация в публицистических статьях, официальных обращениях, речах и пр., написанных самими женщинами, ратовавшими в 60-е – 70-е гг. XIX в. за допуск «женского пола» к высшему образованию. Великолепный пример подобной риторики представляет собой обращение группы женщин к I Съезду русских естествоиспытателей 2 января 1868 г.: «Где нам учиться, чтобы быть в состоянии воспитывать наших детей?... Состоя под покровительством г. Министра Народного Просвещения, съезд имеет... возможность ходатайствовать перед Правительством о проведении в жизнь той или другой меры, которую он сочтет наилучшею для того, чтобы сделать русских матерей не номинальными, но действительными руководителями первоначального образования их детей...»⁷.

Мотивировка необходимости допуска женщин к высшему образованию, поскольку без него они не могут выполнить своё основное предназначение и воспитать из своего ребенка достойного члена общества, доминирует в литературной полемике того времени. Она прекрасно соглашается с официально одобренной точкой зрения на роль женщины, сформулированной принцем П. Ольденбургским в «Наставлении для образования воспитанниц женских учебных заведений»: «Главное назначение женщины есть семейство; женщина, как создание нежное, назначенное природою быть в зависимости от других, должна знать, что ей суждено не повелевать, а покоряться мужу, и что строгим лишь исполнением обязанностей семейных, она упрочит свое счастье и приобретет любовь и уважение, как в кругу семейном, так и вне оного»⁸. Таким образом, девица получает образование, дабы «впоследствии, могла быть наставницею детей своих или тех, которых она призвана будет обучать»⁹, а вовсе не для того, чтобы заниматься исследованием мироздания. «Наставление» подписано Николаем I 24 февраля 1852 г. «Прекрасно; и душевно благо-

⁷ Протокол второго общего заседания. 2 января 1868 года // Труды первого съезда русских естествоиспытателей в С.-Петербурге, происходившего с 28 декабря по 4 января 1868 г. СПб., 1868. С. 30.

⁸ Ольденбургский П. Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб., 1852. С. 9.

⁹ Ольденбургский П. Указ. соч. С. 7.

дарю за полезный труд», – написал император¹⁰.

Однако в воспоминаниях, созданных в более поздний период, на склоне лет, многие участницы событий 60–70-х гг. XIX в. приводили совсем другие мотивы своего стремления к высшему образованию. Вот что пишет, например, Н.В. Стасова, бывшая в своё время одним из лидеров женского движения: «Общественный строй переменился. После освобождения крестьян дворянские семьи обеднели, надо было искать труда, родители не были в состоянии ни воспитывать дома детей, ни выписывать из-за границы гувернанток, платя им тысячи. Надо было поневоле отдавать девочек в общественные гимназии. Но дети чувствовали, по выходе оттуда, свое малое знание, а вместе росло сильное желание самостоятельности и желание зарабатывать, да к тому толкала тоже и сама необходимость»¹¹. Никаких намёков на то, что девушки стремились получить образование, дабы потом заниматься воспитанием детей, впрочем, как и наукой, здесь нет.

Действительно, женщины, родившиеся в 40-е гг. XIX в., первыми из россиянок добились получения официальных дипломов (и сопутствовавших им научных званий), но это были преимущественно дипломы врачей и юристов. Так, в декабре 1867 г. совет Цюрихского университета присвоил степень доктора медицины, хирургии и акушерства Н.П. Сусловой (1843–1918)¹²; в 1876 г. этой степени удостоилась В.А. Кашеварова-Руднева (ок. 1842–1899); в 1877 – Е.Д. Гончарова, Ю.И. Заволожская; в 1880 – М.П. Мордвинова и др. Диплом доктора прав Лейпцигского университета в 1875 г. получила А.М. Евреинова (1844–1919)¹³. Как видно, все это очень практические специальности, дающие возможность их обладательницам (по крайней мере теоретическую) зарабатывать на вполне обеспеченную и независимую жизнь.

Но среди женщин этого поколения мы не найдём дипломированных естествоиспытателей, историков или филологов. Исключение составляют две женщины-математика: С.В. Ковалевская (1850–1891), доктор философии Геттингенского университета 1874 г., и Е.Ф. Литвинова (1845–1919), доктор философии Бернского университета 1878 г.

Тем не менее вторая половина XIX в. подарила России нескольких выдающихся женщин-ученых, некоторые из которых достигли наивысшего научного признания, возможного в нашей стране: будучи избраны членами-корреспондентами или почётными членами Петербургской Академии наук. Среди них:

¹⁰ Ольденбургский П. Указ. соч. С. 1.

¹¹ Цит. по: Стасов В. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 158.

¹² Тишкин Г.А. Женский вопрос и правительственная политика 60 – 70-х годов XIX в. // Вопросы истории России XIX – начала XX века: Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 167.

¹³ Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889; Пономарева С.И. Наши писательницы. СПб., 1891.

- избранные иностранными членами-корреспондентами: Софья Васильевна Ковалевская (1850–1891), математик, член-корреспондент по разряду математических наук (математика) Физико-математического отделения с 2 декабря 1889 г.; Мария Склодовская-Кюри (1867–1934), физик, химик, член-корреспондент по разряду физическому Физико-математического отделения с 1 декабря 1907 г. (почётный член с 4 декабря 1926 г.);
- избранные почётными членами: графиня Прасковья Сергеевна Уварова (1840–1924), археолог, почётный член с 3 декабря 1894 г.; принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская (1845–1925), минералог, почётный член с 2 декабря 1895 г. по 1918 г.;
- и, наконец, избранные членами-корреспондентами: Ольга Измаиловна Срезневская (1845–1930), филолог, член-корреспондент по Отделению русского языка и словесности с 2 декабря 1895 г.; Ольга Александровна Федченко (1845–1921), ботаник, член-корреспондент по разряду биологическому Физико-математического отделения с 2 декабря 1906 г.

Как упоминалось выше, никто из них, кроме С.В. Ковалевской (мы не ведем здесь речь о М. Склодовской-Кюри, поскольку она не была гражданкой России, кроме того, она значительно моложе всех остальных наших героинь и фактически принадлежит уже к другому поколению), не имел не только учёной степени, но и диплома о высшем образовании. Никто из них не состоял на государственной службе, не занимал официальных должностей в научных учреждениях. Тем не менее жизнь каждой из упомянутых женщин (исключая разве что принцессу Е.М. Ольденбургскую) целиком и полностью посвящена науке; каждая внесла весомый вклад в развитие научного знания, каждую с полным основанием можно назвать выдающимся ученым.

Посмотрим далее, стечие каких обстоятельств привело их к выбору данного жизненного пути, что повлияло на их решение и каким образом они получили необходимое образование.

Старшая из перечисленных выше дам – графиня П.С. Уварова, урождённая княжна Щербатова. Д.Н. Анучин писал: «Жизнь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой естественно делится на две половины. Первая – с 1840-го по 1885-й год – это период роста, обучения, выхода в свет, выхода замуж, сотрудничества мужу, подготовления к дальнейшей деятельности, и вторая – следующие тридцать и – надеемся – ещё длинный ряд других лет – служения Московскому Археологическому Обществу в звании его председателя, трудов по собиранию, сохранению, изучению, изданию древних памятников, и вообще неустанной работы для познания старины и успехов русской археологической науки»¹⁴.

Графиня родилась (28-го марта 1840 г.) и прожила первые двенадцать лет своей жизни в Лебедянском уезде Харьковской губернии, в селе Боб-

¹⁴ Анучин Д.Н. Графиня П.С. Уварова в ее служении науке о древностях на посту председателя Императорского Московского Археологического Общества // Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. М., 1916. С. IX.

рики, родовом имении князей Щербатовых. Её отец – отставной военный, князь Сергей Алексеевич Щербатов. У П.С. Уваровой было две сестры и шестеро братьев. Семья переехала в Москву, когда мальчикам пришло время поступать в гимназию. Сама Прасковья Сергеевна получила классическое (для девушки) домашнее образование. Хотя надо отметить, что после переезда в Москву с ней частным образом занимались такие преподаватели, как профессор Ф.И. Буслаев (русской литературой и искусством), Н.Г. Рубинштейн (музыкой), А.К. Саврасов (рисованием и живописью)¹⁵. Однако в 16 лет (1856 г.) образование будущей графини завершилось, и её вывели в свет. Никаких сведений о том, что юная княжна проявляла в этот период интерес к науке, не сохранилось, зато все биографы единодушно пишут о том, как она блестала на балах, покоряя восхищённых поклонников, одним из которых был, например, Л.Н. Толстой.

Вспоминая об этом времени, Н.В. Стасова с возмущением, близким к отчаянию, писала: «Все было закрыто. Возьмешь газету – ты синий чулок, хочешь учиться не по “дамским” учебникам – куда тебе! Ничего не сообщалось, ничего нельзя было достичь. Все стремление состояло в том, чтобы найти жениха, и ступай опять в кабалу с закрытыми глазами»¹⁶. Подобные вопросы, судя по всему, не волновали Прасковью Сергеевну. Во всяком случае, она очень скоро (1859 г.) вышла замуж за графа А.С. Уварова, сопровождала его в заграничных поездках, постепенно увлеклась его идеями. Графиня никогда не скрывала, что её научные интересы были сформированы или даже, точнее, вызваны её мужем. В своей предназначавшейся для публикации автобиографии П.С. Уварова писала: «Граф не любил и не находил желательным работать в одиночестве; он привлекал и призывал всех к общей дружной работе и потому, призывая всех, возбуждая дремлющие силы по уезду и губернии, он не мог не найти нужной помощи у себя дома и не привлечь к своей постоянной напряженной работе как ученой, так и гражданской, свою жену, которая таким образом и стала рука об руку заниматься и древностями, и искусством, и земством, и школами, а впоследствии и интересами основанного графом Московского Археологического Общества и Всероссийскими Археологическими Съездами»¹⁷.

Однако несмотря на деятельную помощь графу в его организационной, да, по-видимому, и в научной работе, несмотря на то что в последние годы совместной жизни Прасковья Сергеевна проводила уже самостоятельные исследования¹⁸, при жизни мужа графиня П.С. Уварова не опубликовала ни одной научной работы. Её активная научная деятельность началась только после смерти её супруга в 1884 г.

Ольга Александровна Федченко родилась 18 ноября 1845 г. в Москве,

¹⁵ Анучин Д.Н. Указ. соч. С. XI.

¹⁶ Цит. по: Стасов В. Указ. соч. С. 174.

¹⁷ Уварова, графиня Прасковья Сергеевна // Императорское московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). Т. II / Под ред. П.С. Уваровой, И.Н. Бороздина. М., 1915. С. 372.

¹⁸ Анучин Д.Н. Указ. соч. С. XV–XVI.

в здании Московского университета. Её девичья фамилия Армфельд, а её отец – профессор Московского университета А.О. Армфельд. В семье Ольги Армфельд, как и в семье Прасковьи Щербатовой, было девять детей. До 11 лет Ольга Александровна, как и Прасковья Сергеевна, получала домашнее образование. Однако в возрасте 11 лет (1857 г.) Ольга Александровна поступила в московский Николаевский сиротский институт, инспектором которого состоял её отец.

В это время Николаевский институт выпускал «по степени педагогического образования», получаемого воспитанницами и «соподразмерно развитию природных их способностей» наставниц трех степеней: «1) Собственно домашние Наставницы или так называемые Кандидатки, получающие дипломы на свое звание из Университета». На «отделении, приготовляющем кандидаток, преподается высший педагогический курс наук, языков и искусств», – отмечалось в отчёте Института за 1856 г.¹⁹ О.А. Федченко окончила курс Николаевского института в 1864 г., пройдя весь курс и получив диплом кандидатки. Но, кроме этого, дома она продолжала заниматься рисованием, музыкой и английским языком.

По окончании института, вместо того чтобы окунуться в светские развлечения и заняться поисками мужа, О.А. Федченко, «не нуждаясь в материальных средствах, но желая трудиться по убеждению, в течение трех лет (с 1864 по 1867 г.) занималась переводами и уроками. Учила истории и языкам французскому и немецкому, рисованию и музыке. Переводила с французского, немецкого и английского разные статьи для журнала Садоводства... Делала некоторые рисунки на заказ, но больше рисовала для собственного усовершенствования, масляными красками, цветы и плоды с натуры и училась рисовать карандашом виды с натуры», – писал А.П. Богданов в посвящённом ей биографическом очерке, со слов самой Ольги Александровны²⁰.

Помимо этого, О.А. Федченко писала в своей автобиографии, что «уже в институтские годы заинтересовалась... естествознанием и, живя летом в родовом имении... занималась собиранием естественноисторических коллекций, из которых ботаническая представила серьезный научный интерес...»²¹. Собранный Ольгой Александровной гербарий Можайской флоры оказался настолько интересным, что профессор Н.Н. Кауфман использовал его при написании своей знаменитой «Московской флоры»²², причём «для

¹⁹ Отчет императорского московского воспитательного дома. М., 1856 // ЦГА Москвы. Ф. 108. Оп. 3. Д. 28. Л. 6, 6 об.

²⁰ Богданов А.П. Ольга Александровна Федченко // Богданов А.П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцати пятилетие (1850–1887 г.). М., 1888. Т. 1. Л. 26–1 об.

²¹ Липский В.И. Федченко Ольга Александровна // Императорский С.-Петербургский Ботанический Сад за 200 лет его существования (1713–1813). Ч. IV: Липский В.И. Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Императорским Ботаническим садом. Пг., 1915. С. 92.

²² Кауфман Н.Н. Московская флора или описание высших растений и ботанико-

Можайского уезда, данные О.А. являются единственными», – вспоминал сын О.А. Федченко, Б.А. Федченко, также ставший известным ботаником²³.

Итак, ещё в институтские годы Ольга Александровна собирает свои первые коллекции, регулярно посещает Зоологический музей Московского университета и пользуется его собраниями для своей работы, наконец, входит в небольшой кружок студентов и молодых преподавателей университета, задумавших организацию нового естественно-научного общества. В 1864 г. её избирают членом-основателем Общества любителей естествознания при Московском университете (впоследствии – Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии). Таким образом, её научные интересы уже полностью сформированы. Тем не менее вместо того, чтобы присоединиться к движению за право доступа женщин в университеты или продолжить своё образование за границей (именно это немного позднее сделала её младшая сестра, Наталья Александровна Армфельд, увлекшаяся впоследствии народническим движением), О.А. Армфельд в 1867 г. выходит замуж за А.П. Федченко, с которым она познакомилась во время своих научных занятий, и вскоре уезжает вместе с ним в экспедицию в только что присоединённый к России Туркестан (1868 г.), где полностью отвечает за сбор ботанических коллекций, выполняет работу художника экспедиции, ведёт всю иностранную деловую переписку с коллегами-учёными и помогает мужу в сборе его зоологических, преимущественно энтомологических, коллекций (Подробно научную биографию О.А. Федченко см.: *Валькова О.А.* Ольга Александровна Федченко (1845–1921). М.: Наука, 2006). Правда, подробный разбор истории организации Туркестанской экспедиции показал, что, возможно, именно О.А. Федченко являлась ключевой фигурой этого предприятия и без её участия экспедиция не смогла бы состояться или, по крайней мере, не смогла бы достичь некоторых из наиболее важных поставленных перед ней целей (см.: *Валькова О.А.* «Научная семья» в России в середине XIX века // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности / отв. редакторы: З.З. Мухина, А.В. Белова, Н.А. Белова, С.В. Каныкин. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 54–64). В последующие годы Ольга Александровна повсюду сопровождает своего супруга, является его первой и самой активной помощницей, а после его трагической гибели (1873 г.) берёт на себя работу по подготовке к печати многотомных трудов Туркестанской экспедиции, которые и выпускает в свет под именем (и от имени) А.П. Федченко. Правда, в 1875 г. Парижский Международный географический конгресс присуждает ей медаль за «Путешествие в Туркестан», – первую международную награду за научную деятельность, полученную российской женщиной, но она проходит совершенно незамеченной, и даже сама медаль пылится забытая в кабинете Русского географического общества несколько лет, пока ее случайно не находят во время разборки старых бумаг и не просят владелицу забрать

географический обзор Московской губернии. М., 1866.

²³ Федченко Б.А. К биографии О.А. Федченко // Известия Главного ботанического сада РСФСР. Т. XXIII. Вып. 2. Л., 1924. С. 85.

(см.: Валькова О.А. Ольга Александровна Федченко, 1845–1921. М. 2006. С. 120–121). И только в 1880-е гг. она возвращается к своим ботаническим исследованиям, принесшим ей славу выдающегося ботаника и звание члена-корреспондента Императорской академии наук.

Ольга Измайлова Срезневская, практически ровесница О.А. Федченко, родилась 27 сентября 1845 г. в семье И.И. Срезневского, вскоре после рождения Ольги избранного академиком Петербургской академии и переехавшего с семьей на жительство в Петербург. Ольга Измайлова, как и П.С. Уварова, была старшим ребенком, после неё в семье родились ещё три дочери и четыре сына. Она получила домашнее воспитание: «Под руководством отца О.И. Срезневская получила весьма разностороннее филологическое образование, совсем необычное в те годы, когда было принято считать, что женское обучение не должно превышать пределов программы институтов “благородных девиц”», – писал Н.А. Мещерский²⁴. Заметим, что это образование включало свободное владение примерно десятком иностранных языков, в том числе достаточно редких, знание которых могло быть полезным для исследований её отца. В пятнадцать лет (1860 г.) она сдала экзамен в Петербургском университете, получив диплом домашней наставницы, после чего в течение многих лет оставалась секретарем и первым помощником отца. Её собственные научные работы в этот период немногочисленны и большей частью либо не опубликованы, либо опубликованы анонимно, а иногда под именем И.И. Срезневского. После смерти отца (1880 г.) она взялась завершить задуманную им работу по составлению «Материалов для словаря древнерусского языка», для которого сам И.И. Срезневский успел подготовить материалы только на буквы А и Б, да и те были значительно дополнены Ольгой Измайловой. В этом ей помогали её братья и сестра. Знаменитый и ничем не заменимый до настоящего времени словарь дети опубликовали под именем отца. Имя его истинного автора – О.А. Срезневской, как и имена помогавших ей братьев и сестры, нигде не упоминалось. Тем не менее, как отмечал Н.Н. Никольский, «самый крупный её вклад в науку – издание материалов для словаря древнерусского языка, собирание которых было начато её отцом, получил известность как его труд»²⁵, и именно за эту работу её избрали членом-корреспондентом Императорской академии наук: научное сообщество того времени, по-видимому, прекрасно понимало, кто именно является автором (авторами) этого фундаментального труда, однако в последующих поколениях память об этом как-то стёрлась. Завершив издание словаря, Ольга Измайлова продолжала заниматься языкоизнанием, однако подписанные её именем публикации крайне немногочисленны.

Самая младшая из перечисленных нами женщин, Софья Васильевна Ковалевская, родилась 15 января 1850 г. Она первой из них была избрана членом-корреспондентом Петербургской академии (правда, иностранным),

²⁴ Мещерский Н.А. Продолжатели дела отца // Русская речь. 1987. № 3. С. 93.

²⁵ Никольский Н.Н. О.И. Срезневская. Некролог // Известия АН СССР. Серия VII. Отделения общественных наук. 1931. № 7. С. 777.

и единственная имела официальный диплом и степень доктора философии. Отец С.В. Ковалевской – отставной генерал-лейтенант артиллерии В.В. Корвин-Круковский жил с семьёй в своём имении Палибино Невельского уезда Витебской губернии. В детстве С.В. Ковалевская, как и упоминавшаяся выше дамы, получала домашнее образование. К сожалению, ей повезло меньше, чем им: блестящее гуманитарное образование С.П. Уваровой не противоречило общим требованиям, предъявлявшимся к образованию юной девушки, а её муж сам вовлекал её в научную работу; О.А. Федченко удачно увлеклась именно ботаникой, «из всех естественных наук» считавшейся «наиболее свойственной для девиц», поскольку «они естественно должны любить и лелеять то, что необходимо для жизни и в особенности при суровости нашего климата в зимнее время, доставляет столь невинное утешение»²⁶, кроме того, её отец, профессор судебной медицины, не видел вреда в научных занятиях дочери, публично выступал за разрешение допуска женщин в университеты (см.: *Валькова О.А.* Дискуссия о высшем женском образовании в Московском университете (1861 г.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. Т. 27. №. 4. С. 82–96), а муж воспринимал как должное; отец же О.И. Срезневской сам занимался её образованием, стремясь воспитать толкового помощника.

Сферой интересов С.В. Ковалевской оказалась математика. В уже цитировавшемся выше «Наставлении» принца Ольденбургского по поводу обучения девиц этой дисциплине (точнее, арифметике) замечалось следующее: «сначала воспитанницы упражняются в умственном исчислении, и в изучении таблицы умножения; потом, узнав четыре правила с дробями, переходят к именованным числам и к решению задач с применением тройного правила, и, наконец упражняются в ведении приходно-расходных книг, столь необходимых для правильного и бережливого хозяйства, и знакомятся с определением и измерением главных плоскостей тел»²⁷. Большине существующими традициями не предусматривалось. Неудивительно, что, заметив повышенный интерес дочери к математике, В.В. Корвин-Круковский, по воспоминаниям С.В. Ковалевской, «имевший вообще сильное предубеждение против учёных женщин», решил, что надо прекратить уроки математики²⁸. Позднее Софья Васильевна писала: «Так как целый день я была под строгим надзором гувернантки, то мне приходилось пускать в дело хитрость. Идя спать, я, при тусклом свете лампады или ночника, зачитывалась по целым ночам. При таком положении вещей я, разумеется, не смела и мечтать о продолжении правильных занятий моим любимым предметом...»²⁹. И только вмешательство соседа, профессора Тыртова, убедило отца позволить дочери брать уроки математики.

С.В. Ковалевская была твёрдо намерена продолжать образование и для

²⁶ Ольденбургский П. Указ. соч. С. 25.

²⁷ Там же. С. 27.

²⁸ Ковалевская С.В. Воспоминания детства и автобиографические очерки. М; Л., 1945. С. 125.

²⁹ Ковалевская С.В. Указ. соч. С. 126.

этого вступила в фиктивный брак с В. Ковалевским (впоследствии известным палеонтологом), позволивший ей выехать за границу (1868 г.). Преодолев множество трудностей, завоевав научную известность и получив степень доктора философии, Софья Васильевна вернулась в Россию (1874 г.), где, однако, её знания и её звание оказались одинаково невостребованными. Она писала об этом так: «Здесь я занималась далеко не так ревностно, да и условия жизни гораздо менее способствовали моим научным занятиям, чем в Германии. Я работала с большими и частными перерывами, так что едва успевала даже следить за наукой. Вообще за время пребывания в России я не сделала ни одной самостоятельной работы... В России от серьезных научных занятий меня отвлекали различные обстоятельства: и само общество, и те условия, в которых приходилось жить...»³⁰. И только уехав вновь за границу (1882 г.), С.В. Ковалевская вернулась к научной работе, постепенно завоевав полное признание научного сообщества, получив несколько престижных премий и, наконец, удостоившись избрания иностранным членом-корреспондентом Императорской академии наук.

Итак, бросив краткий взгляд на жизнь четырёх русских женщин, добившихся научного признания во второй половине XIX в., можно отметить несколько закономерностей в их судьбах.

Все они происходили из весьма обеспеченных семей. Поэтому выбор жизненного пути обуславливается не необходимостью содержать себя или свою семью и даже не стремлением к независимости, а природными склонностями, влиянием среды и особенностями воспитания. Именно членам своих семей эти женщины были обязаны образованием, достаточным для начала научной деятельности. Так или иначе семья каждой из женщин (в лице отца или мужа) поддержала её стремление к научным исследованиям или даже подтолкнула к ним: каждая из них начинала свою научную работу в качестве помощницы отца или мужа (иногда в ущерб собственным научным интересам, как О.И. Срезневская и О.А. Федченко) и оставалась в этой роли вплоть до смерти близкого человека; каждая из них считала своим долгом продолжить (или завершить) дело отца или мужа, часто публикуя результаты собственного труда под их именами и отказываясь, следовательно, от заслуженного признания. Несмотря на основополагающую роль, сыгранную их семьями на начальном этапе – этапе получения образования – наиболее плодотворный период научного творчества у всех упоминавшихся в нашей статье дам приходится на то время, когда они оказались свободными от обязательств перед семьей, по странному совпадению – это 1880-е – 1900-е. гг. Никто из них не зарабатывал себе на жизнь (во всяком случае в России) научной деятельностью. Наоборот, после гибели в 1873 г. А.П. Федченко его вдова осталась без средств к существованию и была вынуждена оставить науку и содержать себя и сына, занимаясь переводами и математическими подсчётами в Земском комитете вплоть до 1877 г., когда ей в виде исключения назначили пенсию за умершего супруга.

³⁰ Ковалевская С.В. Указ. соч. С. 127.

га. Никто из этих дам никогда не занимал никаких официальных должностей в российских научных учреждениях и организациях (имеются в виду государственные учреждения).

Таким образом, изо всех наиболее знаменитых российских женщин-ученых второй половины XIX в. только С.В. Ковалевская была озабочена получением формального высшего образования, диплома и научной степени. Возможно, именно потому, что хотела доказать своим близким – её увлечение математикой не случайная прихоть, не каприз. Как писал её учитель, известный немецкий математик Карл Вейерштрасс, объясняя своему другому ученику и коллеге, профессору Геттингенского университета Иммануэлю Фуксу (1833–1902) её желание получить докторскую степень, «Стремление изучать математику, столь необычное у молодой женщины, живущей в блестящих условиях, и с полным сознанием того, чего будет ей стоить это решение, естественно, сначала вызвало противодействие со стороны ее родных... Поэтому именно теперь, когда после 5-летней студенческой... жизни, в которой для неё стал слишком чувствителен недостаток обычного домашнего комфорта, она намерена возвратиться на родину и к семейной жизни, для нее очень важно получить осознательный для всякого документ, доказывающий, что не ради каприза, а из-за действительного стремления к науке она, отказываясь от всего, что привлекает молодую женщину (ей теперь 23 года), осуществила свое решение с силой воли, находящейся в едва объяснимом противоречии с чрезвычайной женственностью ее натуры»³¹.

Изо всех перечисленных нами учёных-женщин только С.В. Ковалевская в конце концов зарабатывала себе на жизнь благодаря полученным знаниям и официальным дипломам. Только она не провела первую половину своей жизни в роли сотрудницы и помощницы отца или мужа и с самого начала подписывала свои работы своим именем, заявив о себе как о самостоятельном исследователе. И именно её биография – одна из немногих биографий женщин-учёных XIX в. – хорошо известна сегодня.

Однако следует признать, что в своём поколении она являлась исключением, которое, как известно, только подтверждает правило. Научная же работа большинства её ровесниц обуславливала любовью к науке, влиянием родственников, а вовсе не стремлением к независимости. И потому им были не нужны официальные дипломы о высшем образовании, да и случись они у этих женщин, их (то есть дипломы) было бы некуда употребить (Подробнее об истории интеграции женщин в профессиональную научную деятельность см.: Валькова О.А. Штурмуя цитадель науки: женщины-учёные Российской империи. М., 2019). Таким образом, возвращаясь к тезису, высказанному нами в начале настоящей статьи, можно с уверенностью утверждать, что научно-исследовательская деятельность женщин во второй половине XIX в. зависела далеко не только от возможности или не-

³¹ Письма Вейерштрасса Фуксу о Софье Ковалевской // Ковалевская С.В. Научные работы. М., 1948. С. 347.

возможности получения ими высшего образования, а стремление поступить в университет не обязательно означало намерение стать профессиональным учёным.

Список литературы:

1. Агамова Н.С., Аллахвердян А.Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и научоведческие аспекты (к 150-летию со дня рождения С.В. Ковалевской) // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 141–153.
2. Мещерский Н.А. Продолжатели дела отца // Русская речь. 1987. № 3. С. 92–95.
3. Тишкин Г.А. Женский вопрос и правительственная политика 60 – 70-х годов XIX в. // Вопросы истории России XIX – начала XX века: Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 160–181.
4. Юкина И.И. История женщин России: Женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы. Материалы к библиографии. СПб., 2003.

Об авторе:

ВАЛЬКОВА Ольга Александровна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, отдел истории физико-математических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (Россия, 125315, г. Москва, ул. Балтийская, 14), e-mail: o-val2@yandex.ru

**On the Issue of the Education of the First Russian Women Scientists
in the 1850s-1860s: the Family Aspect**

O.A. Valkova

S.I. Vavilov Institute for the History of Natural Sciences and Technology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The article analyzes the nature of the education that women representatives of the first generation of Russian women scientists recognized by the scientific community received in the 1850s. During this period, the issue of women's admission to Russian universities was raised, but in the early 1860s it was resolved negatively. As a result, none of the Russian female scientists elected honorary members or corresponding members of the Imperial Academy of Sciences in the late 19th and early 20th centuries, including S.V. Kovalevskaya, Princess P.S. Uvarova, O.I. Sreznevskaya, O.A. Fedchenko did not have an official higher education or a scientific degree, except for S.V. Kovalevskaya. In the absence of access to public education, their families played a crucial role in gaining the necessary knowledge for young women and involving them in scientific activities.

Keywords: *history of women's education, female scientist, family, S.V. Kovalevskaya, P.S. Uvarova, O.I. Sreznevskaya, O.A. Fedchenko.*

About the author:

VALKOVA Olga – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Department of the History of Physical and Mathematical Sciences, S.I. Vavilov Institute for the History of Natural Sciences and Technology of the Russian Academy of Sciences (Russia, 125315, Moscow, Baltiyskaya str., 14), e-mail: o-val2@yandex.ru

References:

- Agamova N.S., Allahverdyan A.G., *Rossijskie zhenshchiny v nauke i vysshej shkole: istoriko-nauchnye i naukovedcheskie aspekty (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya S.V. Kovalevskoj)*, Voprosy istorii estestvoznanija i tekhniki, 2000. № 1, S. 141–153.
- Meshcherskij N.A., *Prodolzhateli dela otca*, Russkaya rech', 1987, № 3, S. 92–95.
- Ponomareva S.I. Nashi pisatel'nicy. SPb., 1891.
- Tishkin G.A., *Zhenskij vopros i pravitel'stvennaya politika 60 – 70-h godov XIX v.*, Voprosy istorii Rossii XIX – nachala XX veka: Mezhvuzovskij sbornik. L., 1983. S. 160–181.
- Yukina I.I., *Istoriya zhenshchin Rossii: Zhenskoe dvizhenie i feminizm v 1850–1920-e gody. Materialy k bibliografii*, SPb., 2003

Статья поступила в редакцию 17.05.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

УДК 94(571.13)"19":377.031.4-055.2+378.14+378.18

DOI 10.26456/vthistory/2025.3.034–049

Учебная и внеучебная повседневность студенток Омского политехнического института в первой половине 1980-х годов¹

А.В. Жидченко

ФГБУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук,
г. Москва, Россия

Статья посвящена одному из малоизученных эпизодов женской истории – анализу особенностей учебной и внеучебной повседневности студенток в первой половине 1980-х гг. по материалам женской устной истории – неструктурированным автобиографическим интервью, собранным автором. В качестве примера технического вуза был выбран Омский политехнический институт как один из крупнейших учебных заведений подобного профиля в Сибири, размещавшийся в одном из районов индустриально развитого города – Омска. Исследование показало, что, с одной стороны, девушки испытывали ряд сложностей, связанных с поступлением в этот вуз и обучением здесь. С другой стороны, обучение в вузе с явной гендерной диспропорцией в сторону мужской аудитории давало ряд преимуществ как в учёбе, так и в выборе дальнейших жизненных стратегий.

Ключевые слова: женское образование, повседневность, социальная память, город, Омский политехнический институт

Женская социальная память о повседневной жизни локального социума, ограниченного пространством города, посёлка или отдельной организации, предприятия или института – тема малоизученная и начавшая привлекать внимание социальных историков лишь в ходе антропологического переворота в гуманитарных науках. Важным этапом в развитии исторического знания стало и раздельное рассмотрение воспоминаний о прошедшем женщин и мужчин неким особым императивом². Женская коллективная память – сложный социально-психологический конструкт, связанный и с реальными событиями, и с несколько преувеличеными переживаниями,

¹ Выполнено в рамках проекта РНФ 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия».

² Пушкарева Н.Л. Об эмпатии в антропологии и важности раздельного описания и изучения мужской и женской повседневности // Женщина в российском обществе. 2014. № 1 (70). С. 3–12.

окрашивающими индивидуальный опыт³. Предлагаемое исследование – часть масштабного историко-компаративного проекта, посвящённого женской повседневности новых городов СССР, построенных в середине – второй половине XX в. (наукоградов и промышленных центров).

Период доперестроечных 1980-х гг. остается малоизученным в советской женской истории, а это особый период, отмеченный переменами в бытовой жизни незаметных акторов крупных исторических процессов (см.: Пушкирева Н.Л., Жидченко А.В. «Все давалось большим трудом и при любой погоде»: женская память о бытовой неустроенности // *Via in tempore*. 2022. Т. 49. № 2. С. 425–432). Другим важным направлением исследования, также достаточно мало изученным в отечественной историографии, становится женское образование. В частности, техническое образование, которое традиционно свойственно женщинам в относительно меньшей пропорции, чем мужчинам. К проблеме учебной и внеучебной повседневности студенток Омского политехнического института (ОмПИ) в первой половине 1980-х гг. мы подходили с желанием понять: как именно женщины, которые были студентками технического университета, вспоминают то время? Что может сказать исследователю анализ социальной коллективной женской памяти того поколения женщин, если нарративы будут собраны не в столичном городе, в котором социальная инфраструктура развивалась стремительно и успешно, а в провинциальном типовом городе центральной части РСФСР⁴?

В предлагаемой работе мы обращаемся к истории образования сквозь призму женской повседневности и женской коллективной и индивидуальной памяти с точки зрения анализа основного источника: собранных автором неструктурированных автобиографических интервью студенток Омского политехнического института (неформально – «политеха») первой половины 1980-х гг.

В качестве основной гипотезы автор выдвигает мысль о том, что, выбирая политехнический институт как место учёбы, девушкам было особенно сложно, поскольку им приходилось менять собственные гендерные роли, борясь со стереотипами, осваивать те модели поведения (в учебной и во внеучебной деятельности), которые в большей степени были свойственны мужской аудитории, основной в вузе соответствующего профиля.

Для ответа на этот вопрос требуется анализ различных сторон женской повседневной жизни сквозь призму социальной памяти. Этим продиктовано и наличие следующих разделов статьи: история Омского политехнического института и его расположение в соответствующем городском социокультурном ландшафте, формирующем городскую среду для женской повседневности; анализ причин выбора девушками технического ин-

³ Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей. М., 2013. С. 25–67.

⁴ Рыжсенко В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект: монография. Омск, 2010. С. 56.

ститута в качестве места обучения; сложности учебы студенток в техническом вузе; отдых и неформальные практики повседневности; общественно-политическая жизнь СССР в воспоминаниях студенток ОмПИ; рождение ребенка как фактор трансформации студенческой жизни; окончание института и распределение по предприятиям.

Из истории омского «Политеха». История Омского государственного технического университета началась в годы Великой Отечественной войны, когда в декабре 1941 г. в Омск прибыл эвакуированный Ворошиловградский вечерний машиностроительный институт. Вместе с ним в сибирский город приехала группа студентов 1, 2 и 3-го курсов и два преподавателя⁵.

Уже в 1942 г. было принято решение о реорганизации Ворошиловградского вечернего машиностроительного института в Омский машиностроительный с двумя факультетами: технологическим и механическим. Набор студентов на дневное отделение состоялся в 1942/1943 учебном году в количестве 125 человек. С первых месяцев работы института действия преподавателей и обучающихся были направлены на помочь фронту. В 1944 г. решением местных властей вузу было выделено первое здание на улице Долгирева. Это была полуразрушенная школа, которую восстанавливали своими силами студенты и преподаватели⁶.

В 1950-е гг. институт активно сотрудничал с заводами Омска, наращивал масштабы: создавались новые факультеты, кафедры. В 1963 г. Омский машиностроительный институт был переименован в Омский политехнический институт (ОмПИ). Тогда же было начато строительство современного институтского комплекса на проспекте Мира в омском Городке Нефтяников, в возведении которого принимали активное участие студенты-стройотрядовцы. Уже в конце 1960-х гг. был пущен в эксплуатацию учебный комплекс Омского политехнического института общей площадью 24 000 кв м⁷.

В 1970-е гг. ОмПИ шёл по пути расширения и укрепления связей с различными отраслями народного хозяйства. Решались вопросы более широкого участия отраслевых министерств в укреплении материальной базы института, использования площадей и оборудования соответствующих предприятий и организаций, создания на их базе лабораторий и базовых профилирующих кафедр.

К началу 1980-х гг. Омский политехнический институт обладал серьёзной научно-технической базой, стал одним из крупнейших институтов своего профиля в Сибири, формировал кадры для разных отраслей промышленности Омска и всего СССР. Традиционно инженерные специальности института пользовались особым спросом среди молодых людей, од-

⁵ 50 лет Омскому политехническому институту. 1942–1992 гг. Омск, 1992. С. 17.

⁶ Полканов В.Д., Букин А.Ф. К вопросу об истоках образования ОмГТУ // Омский научный вестник. 2002. № 2. С. 15–18.

⁷ Там же. С. 119.

нако число девушек–студенток всегда колебалось от 10 до 15 процентов от всех обучающихся⁸.

Во многом возможность обучения девушек в Омском политехническом институте сформировала городская среда. Именно здесь, в рабочем районе (Городок Нефтяников), проживало много выпускниц школ сильной физико-математической и химической предметно-образовательной базой (продиктованной профилем самого района).

В целом и «коллективная социальная память»⁹ на территории Городка Нефтяников остаётся достаточно развитой. С исторической точки зрения это можно связать с тем, что при строительстве обособленного района, в котором власти в середине XX в. стремились создать образцово-показательную городскую среду и соответствующие условия жизни, закладывались те нормы и стандарты проживания, а также образцы поведения, что сформировали устойчивую линию преемственности и особый культурный мир.

Этот культурный мир Городка Нефтяников сохраняется и сегодня. Особенностью района еще на рубеже 1960–1970-х гг. стало наличие здесь большого числа высших учебных заведений, а следовательно, и студентов. В конце 1960-х гг. были построены корпуса автодорожного, политехнического и медицинского институтов, а в 1974 г. открылся самый большой на сегодняшний день вуз города Омска – Омский государственный университет. Большинство студентов этих вузов не живут постоянно в Городке Нефтяников, являются либо уроженцами районов Омской области, либо жителями других районов города. И примечательно, что представители современной студенческой молодёжи называют давно поменявшие свои названия места так, как они назывались раньше. Например, остановку общественного транспорта «Советский райисполком» называют по-прежнему, название поселка Юбилейный также многие из них меняют на более традиционное – Лукьянновка¹⁰, сменивший своё название Политехнический институт на Технический университет по традиции называют Политехом. Наконец, парк культуры и отдыха «Советский», несмотря на смену общественно-политического режима, очень сложно представить с другим названием. Как пишут многие журналисты и отмечают краеведы, этот парк действительно остался старым «советским» парком, прия в который, многие могут почувствовать возвращение в СССР. Дворец культуры им. А.М. Малунцева, который до смерти первого директора нефтезавода назывался ДК «Нефтяник», – центральное сооружение всего района и по сей день – имеет сегодня два название. При этом Дворцом культуры «Нефтяник» его называют едва ли не чаще, хотя уже несколько десятков лет у него другое официальное название.

⁸ Полканов В.Д., Машкарин М.И., Хроменкова Н.И. История ОмГТУ в лицах: они наша гордость // Омский научный вестник. 2009. № 1. С. 16.

⁹ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о пошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М., 2004. С. 117.

¹⁰ Гусева Г.Ю., Гурьев Е.Н. Улицы города Омска. Справочник. 2001. С. 17.

Причины выбора девушками технического института. Анализ воспоминаний студенток Омского политехнического института первой половины 1980-х гг. позволяет сделать вывод о том, что в основном, причиной выбора такого направления высшего образования и последующей жизни становился совет подруг и друзей. Так, ряд респонденток прямо говорили о том, что решили поступать в политех по рекомендациям старших подруг, которые уже были студентками этого института.

Большую роль играл совет родителей. Поскольку Омск в 1980-е гг. был городом с развитой промышленностью, в семьях инженеров омских заводов родители хотели, чтобы и дочери продолжали профессию отцов (реже – матерей), а политехнический институт предлагал самый широкий спектр инженерных профессий для омской промышленности.

Для нескольких респонденток определяющим фактором стала близость к дому. Две выпускницы школы № 84 в омском Городке Нефтяников выбрали политехнический институт, поскольку остальные вузы (например, Институт инженеров железнодорожного транспорта, ныне – Омский государственный университет путей сообщения) находились на противоположном конце города, численность населения которого еще в 1977 г. перевалила за 1 миллион жителей.

Поступали в политехнический институт и девушки из рабочих семей, где у обоих родителей не было высшего образования. Единичными были случаи, когда сюда поступали девушки из деревень: «Все девчонки домашние были, только одна из общежития, из деревни...»¹¹.

В небогатых семьях, где родители зарабатывали немного, перед девушками был сложный ценностный выбор – идти работать, становиться независимой и помогать родителям или продолжать учиться ещё пять лет. Зачастую выбор в таком случае делали родители. «... Я маме говорила – давай я пойду работать. А она сказала – пока я жива, иди учись...»¹².

Большинство не задумывалось о будущей специальности, поскольку все они по большей части касались разных сфер производства. Были факультеты, на которые, по воспоминаниям, очень тяжело было поступить. В их числе Факультет автоматических установок (ФАУ). «... Там студенты писали конспекты, и им даже их нельзя было выносить из института – всё было секретно...»¹³.

Выбор факультета некоторые девушки могли сделать осознанно, так как поступали в политех после техникума. Реже девушки приходили в институт после 10-го класса школы. «Математика у меня хорошо шла, после техникума. В (институтской. – А.Ж.) олимпиаде по химии второе место заняла»¹⁴.

Среди абитуриенток бытовало объективное мнение о том, что легче всего было поступить на полиграфический факультет, который нефор-

¹¹ Воспоминания Респондента 1. 1963 г.р. // Омск. Авторский архив (далее – Омск. АА). 10.08.2025.

¹² Воспоминания Респондента 2. 1963 г.р. // Омск. АА. 09.08.2025.

¹³ Воспоминания Респондента 3. 1962 г.р. // Омск. АА. 07.08.2025.

¹⁴ Воспоминания Респондента 8. 1961 г.р. // Омск. АА. 06.08.2025.

мально считался наименее популярным. «... С Любой мы вместе пошли как подружки. Мы хотели идти на полиграфический факультет, так как туда всегда был недобор, и туда было легче поступить...»¹⁵.

Наконец, определённым мотивом для абитуриенток Омского политехнического института начала 1980-х гг. становились семейные отношения. Были случаи, когда девушки шли учиться вслед за женихом или мужем, а были и случаи, когда наоборот, уговаривали мужей учиться здесь ради будущего семьи. «... Сестра закончила техникум, а когда вышла замуж, то решила мужа уговорить идти на вечернее, и учились вместе. Они к тому времени работали...»¹⁶.

Подобно историям о поступлении в театральный институт или кастингам на главную роль в кино, поступление в Омский политехнический институт тоже даёт много ярких примеров того, как девушка, которая не собиралась учиться, но пошла за компанию с подругой, поступила, а друга нет. «Я математику на четверку написала, русский язык сочинение – четыре, и физику на четверку. Математика ещё устная была отдельно. Аттестат был 4,5. И у меня 20,5 баллов всего, а у Любы 18,5. Мы пришли на комиссию по зачислению, и она не прошла, а я прошла. Средний балл зачисления был 20. Она расстроилась, а потом пошла на полиграфический документы подавать, а туда её тоже не взяли, так как там был набор. Она пошла на рабфак, в Политехстрой. Утром работала на мебельной фабрике, а вечером училась. И так два года, а потом перешла на дневной и на второй курс. Там половина предметов уже перезачли, но училась она на год больше. Я закончила в 1985-м, а она в 1986-м»¹⁷.

Выбор для поступления Факультета холодильных машин (ФХМ) тоже был не случаен. Туда девушки в 1980-м г. пошли тоже по совету старшей подруги. «С нами была еще одна подружка, на год нас старше, она уже училась на ФХМ. И она нас отговорила учиться на полиграфическом, и мы пошли на ФХМ»¹⁸. Пользовался популярностью среди девушек этот факультет еще и потому, что негласно ФХМ расшифровывался как Факультет хороших мальчиков.

Сложности учёбы студенток «Политеха». Первые два года учебы в основном были посвящены общетеоретическим знаниям с уклоном на физику, математику, химию, а также общегуманитарным дисциплинам (философию, историю КПСС, иностранному языку, экономике и т. д.) и физкультуре. С третьего курса, как правило, начинались узкопрофильные дисциплины соответствующей специальности.

Одна из респонденток была студенткой ФХМ. Специальность – «Компрессорные машины и установки». «... В нашей группе было 7 девушек из 25 студентов. Всего на потоке 175 человек – 5 групп по 25 человек в

¹⁵ Воспоминания Респондента 2. 1963 г.р. // Омск. АА. 09.08.2025.

¹⁶ Воспоминания Респондента 4. 1965 г.р. // Омск. АА. 04.02.2024

¹⁷ Воспоминания Респондента 5. 1963 г.р. // Омск. АА. 11.08.2025.

¹⁸ Воспоминания Респондента 2. 1963 г.р. // Омск. АА. 09.08.2025.

каждой...»¹⁹. Из семи групп четыре обучались по специальности «Холодильные машины» и три по специальности «Криогенная техника». Даже само по себе сложное техническое название (для учёных-гуманитариев) – «Криогенная техника» – продиктовало и гендерный перекос. В отличие от специальности «Холодильные машины», где в среднем было по семь девушек в каждой группе, здесь было всего по одной девушке в группе (всего три на три группы).

Закономерный вопрос, связанный с бытовой повседневностью, к выпускнице подобного факультета – «может ли дома женщина починить холодильник?» – вызвал неожиданный ответ: «... Нет, холодильник я не починю. Мы же изучали промышленное оборудование – насосы всякие изучали, компрессора...»²⁰.

Особо сложными для студенток политеха в те годы были такие предметы, как «Сопротивление материалов» (неформально – «сапромат»), «Математический анализ» (неформально – «матан») и «Начертательная геометрия» (у студентов – «начерталка»)²¹. «... Никогда не знала начертательную геометрию, и до сих пор не знаю, еле-еле на троичку сдала. А некоторые не сдавали, и их отчисляли. Там сопряжение деталей, мне это все неинтересно было – я молодая, столько парней, погулять охота было, учиться не очень хотелось...»²². При этом мотивация хорошей учебы была достаточно высокой, поскольку стипендия составляла сорок рублей в месяц. «Я стипендию не получала всего два семестра. Первый раз из-за начертательной геометрии. А второй из-за высшей математики – тоже тройка»²³. Однако в условиях сложной учёбы мало кому удавалось сдать сессию без троек, и стипендию могли выдать даже с одной удовлетворительной оценкой. Это спасало многих студентов, поскольку без стипендии они просто могли бросить институт и пойти работать.

Также, согласно воспоминаниям, на получение стипендии влиял фактор вовлечённости в общественную жизнь института, от которой большинство студенток были далеки.

Сложные предметы и требовательные преподаватели становились причинами отчисления студентов: на первых курсах много отсеивалось, причём как парней, так и девушек. Некоторым приходилось уходить в академический отпуск. Чтобы сдать самые сложные дисциплины, в которых молодым девушкам особенно трудно было разобраться, писали шпаргалки, просили помочь однокурсников и просто, по студенческой традиции, молились в ночь перед экзаменом, несмотря на то, что это были времена последних лет «брежневского застоя» и «андроповской реакции». «... Сапромат у меня четвёрка. Я так его боялась сдавать. Мне его завтра сдавать – я его учила, учила, писала шпаргалки. Я лежу, и уснуть не могу, и не знаю,

¹⁹ Воспоминания Респондента 2. 1963 г.р. // Омск. АА. 09.08.2025.

²⁰ Там же.

²¹ Воспоминания Респондента 8. 1961 г.р. // Омск. АА. 06.08.2025.

²² Воспоминания Респондента 3. 1962 г.р. // Омск. АА. 07.08.2025.

²³ Там же.

как я завтра сдам. Если сдам его даже на тройку – буду счастливая, молилась Господу. На следующий день пошла, и у нас было 2 преподавателя, один серьезный, Киселев, а второй аспирант местный, с кафедры, молодой парень кудрявый, с красными щеками, в очках. Вызывают, я все списала, села отвечать. И мне повезло, что я к аспиранту села...»²⁴. Пожалев девушку, молодой аспирант решил поставить респондентке оценку «хорошо», но не убедил профессора, который решил дать ей ещё одну задачу, сложнее. Аспирант помогал – подсказал формулу и часть решения. И когда задача была решена, профессор согласился: «... Ну ладно, хорошо, четвёрку поставлю. Я люблю, когда занимаются плохо, а потом соображают...»²⁵.

Среди студентов в этот период были поговорки, которые воспринимали самые сложные предметы как некое «боевое крещение». Например, «Начерталку сдал, студентом стал» или «Сапромат сдал – можешь жениться»²⁶.

Некоторым девушкам, склонным к техническим наукам, наоборот, сложно давались гуманитарные дисциплины, самое важное место среди которых, как и в других институтах в советский период, занимали «История КПСС» и «Философия». С этим связан интересный эпизод воспоминаний одной из респонденток: «... на летней сессии мы загорали с подружкой на пляже и учили философию. А на след. день на экзамене говорят – сразу видно, что вы не учились, а загорали. Но четвёрку поставили...»²⁷. Этот фрагмент воспоминаний также характеризует городское культурно-историческое пространство Городка Нефтяников – соседство политехнического института с парком культуры и отдыха «Советский» и одноимённым пляжем на берегу Иртыша, где любили проводить досуг студенты ОмПИ.

В отличие от относительно похожих друг на друга технических дисциплин, экзамены по философии в женской социальной памяти нашли наибольший отклик. Однако, возможно, именно интересный образ преподавателя философии становился причиной того, что воспоминания об этом эпизоде студенческой жизни стали особенно яркими. «Философию вела интересная женщина. Зимой на новый год экзамен был 2-го января. Мы пришли, а её нет и нет, преподавателя. Пошли её разыскивать в общежитие. А она говорит – ой, я вообще забыла, что у нас экзамен. А ведь сама его на 2-е поставила. Ладно, ждите, сейчас приду. Пришла, и говорит – раз я сама виновата, то поставлю всем автоматами. Только не всем пятерки, кто что заслужил. А если не согласны – буду спрашивать вопросы. Мне хотела тройку, я не согласилась, потом задала вопрос, я на четверку ответила...»²⁸.

Один из сложных предметов на ФХН назывался «Детали машин». Молодым студенткам странный и непонятный предмет казался лишним, нико-

²⁴ Воспоминания Респондента 2. 1963 г.р. // Омск. АА. 09.08.2025.

²⁵ Там же.

²⁶ Казнина Е. Сопромат – это проще, чем свадьба // Советская Чувашия. 2013. № 1. С. 4.

²⁷ Воспоминания Респондента 6. 1964 г.р. // Омск. АА. 12.08.2025.

²⁸ Воспоминания Респондента 2. 1963 г.р. // Омск. АА. 09.08.2025.

гда в работе и в жизни не нужным. «Мы сидели за партой с подружкой, и один парень с нами сел, на самый верхний ряд. Трепимся, хохочем, а он всё говорит–говорит, раз замечание нам сделал, два сделал. Профессор Шмирельзон Яков Фраимович, еврей. Сказал – выйдите вон! Позор, стыд. Думала, ну точно не сдам...»²⁹. Ещё со строгой школьной жизни 1970-х гг. (см.: Жидченко А.В. Дом, семья и быт как факторы социальной памяти советского города в 1950–1960-е гг. // Домашняя повседневность населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции. Отв. редактор В.А. Веременко. Санкт-Петербург, 2022. С. 62–68), где воспитывалась дисциплина и беспрекословное уважение к учителю, быть выгнанной из аудитории для девушек означало что-то недопустимое.

По этому же предмету в конце семестра студенты сдавали курсовую работу. «... Расчёт ведешь, выстраиваешь “плечи”, и они должны сойтись в одной точке. Я что-то понадела, и у меня, конечно, не сошлось. Мы с подружкой сидели подгоняли-подгоняли, но не сошлось. Пришли на экзамен, он посмотрел на меня, сразу понял, что у меня там халава, и никогда я это не выучу. И четвёрку поставил. А подружке пятерку поставил. У неё папа был инженер на каком-то предприятии...»³⁰. Этот фрагмент воспоминаний свидетельствует о том, что и сами преподаватели понимали, насколько сложно девушкам освоить предмет, и, возможно, по-отечески жалели юных студенток, не требуя от них невозможного и не ломая им судьбу.

Если в школе закладывалась хорошая база по определённым предметам, то студенткам было проще в ОмПИ сдать соответствующую дисциплину. Например, химию или физику. «По химии мне повезло с учительницей в школе. У меня в институте пять автоматом было...»³¹. «Преподаватели были ещё той закалки, которые вдалбливали нам. Знания были другие, не то, что сейчас – все в интернете, и никто ничего не знает»³².

Отдых и неформальные практики повседневности. Студенческая внеучебная жизнь первой половины 1980-х гг. была веселой и разнообразной, но ограниченной нормами доперестроечной советской действительности. Так, с одной стороны, были официальные формы досуга (например, танцы во Дворце культуры «Нефтяник», Клуб веселых и находчивых, викторины и студенческие посвящения). А были и неформальные практики, связанные с кассетами с запрещённой музыкой, распитием алкоголя, драками и т. д. Девушки в последних, согласно воспоминаниям, почти не участвовали. Но становились свидетельницами того, как из-за девушки парни могли подраться друг с другом прямо у стен института или в общежитии.

Одна из респонденток вспоминала, как в общежитии появились уже кассеты с песнями зарубежных групп Boney M, «Смоки», «Чингисхан», «Абба», «Арабески». Люблили в это время слушать и советских исполните-

²⁹ Воспоминания Респондента 3. 1962 г.р. // Омск. АА. 07.08.2025.

³⁰ Там же.

³¹ Воспоминания Респондента 6. 1964 г.р. // Омск. АА. 12.08.2025.

³² Воспоминания Респондента 3. 1962 г.р. // Омск. АА. 07.08.2025.

лей: ансамбли «Верасы», «Веселые ребята». С одной кассеты на другую переписывали целые концерты³³.

В целом женские воспоминания едины в одном: жизнь в общежитии была очень дружной. «На пятом этаже девчонки жили, на четвёртом мы, на третьем механико-технологический факультет, а на втором машиностроительный, на первом сборная. Варили, кашеварили, караулили на плитке»³⁴.

Как правило, все самые запоминающиеся моменты досуговых практик были связаны с общежитием. «Танцы на этаже устраивали – девчата, ребята. В небольшом зале всё было, в коридоре пели песни, общались. Всевали с другими факультетами – и из-за девчат»³⁵.

Время начала учёбы чередовалось каждый год: в первую или во вторую смену. Так, если в год поступления учились во вторую смену – начинали в 08:30, то в следующем году во вторую смену – пары начинались в 11:45 или в 12:00. Потом третий курс опять в первую смену. В условиях, когда отсутствовал будильник (например, был один на семью и стоял в комнате у родителей), использовали разные собственные изобретения. «... Чтобы в институт к 8 утра попасть, я ложилась спать и радио делала на среднюю громкость. В полночь оно переставало говорить, а в 6 начинало говорить, это было как будильник...»³⁶.

На переменах можно было перекусить в институтской столовой. Девушкам особенно запомнились пирожные, которые продавались в буфете. «В столовую бегали. Кормили котлетами. Было недорого, копейки. Были по 22 копейки пирожные. В буфете брали их с чаем – копейки 4 или 5»³⁷.

Омички проводили лето в городе. Однако в судьбе многих девушек сыграло роль участие в строительном отряде. Поскольку ОмПИ был одним из флагманских институтов в деле строительства БАМа, то, в первую очередь в мужской работе, и девушкам находилась роль. Они работали на строительстве магистрали поварами и сигнальщицами. «В стройотряд, когда ездили на БАМ, было посвящение, забивали гвозди в доски. На поясе болтался карандаш, и его надо было без помощи рук в бутылку засунуть. Запомнилось это потому, что фотокарточки остались»³⁸.

«Ездили в стройотряды, на БАМ, проводниками, на Сахалин. Это гремело, и партия поддерживала это. Стимул был сдать раньше сессию и поехать на БАМ. Все знали, что есть кровать в общежитии, есть куда вернуться»³⁹.

Некоторые студентки были вовлечены в творческую студенческую самодеятельность. «Я 5 лет ходила танцевать в танцевальный кружок, руководил им балетмейстер из музыкального театра. Пляски скоморохов,

³³ Воспоминания Респондента 3. 1961 г.р. // Омск. АА. 06.08.2025.

³⁴ Воспоминания Респондента 5. 1963 г.р. // Омск. АА. 11.08.2025.

³⁵ Воспоминания Респондента 3. 1962 г.р. // Омск. АА. 07.08.2025.

³⁶ Воспоминания Респондента 2. 1963 г.р. // Омск. АА. 09.08.2025.

³⁷ Воспоминания Респондента 3. 1962 г.р. // Омск. АА. 07.08.2025.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

Хачатуриана “танец с саблями”. Мы танцевали на студенческой весне, и у нас стипендии были»⁴⁰.

В выходные проводились культурные мероприятия. Каждое воскресенье в фойе общежития устраивались танцы. Студенты тех лет вспоминали о том, что в конце 1980-х гг. была очень популярной песня «Хмуриться не надо, Лада», которая звучала на каждом вечер танцев. Танцевали также под быстрые фольклорные песни и медленные вальсы. На Новый год в фойе ставилась ёлка, и танцы продолжались до утра, а в столовой накрывали праздничный стол.

Двери общежития закрывались в 23 часа, и строгий вахтер не пускал после этого времени. Но это правило чаще всего распространялось на студентов первого курса, так как второкурсников уже все знали, и они приходили и позже, но не злоупотребляли этой возможностью. Там же, на вахте, всегда лежали письма, которые приходили от родственников и друзей из Омской области и других городов. Двери в комнаты общежития никогда не закрывались, однако стоит заметить, что и воровство было.

В свободное от учёбы и работы время студенты также играли в футбол. Окна общежития, как и сегодня, выходили на футбольную площадку, где и проходили игры. Формировались как мужские, так и женские команды, чаще всего по принципу учебных групп. Зимой студенты бегали на лыжах. Лучшие спортсмены принимали участие в соревнованиях среди училищ. Любимым времяпрепровождением студентов были также походы. Во время походов устраивались пикники, пелись песни. Летом студенты часто ходили купаться на Иртыш. Пляж был в районе ДОКа. Недалеко от училища находился и новый парк, где можно было прогуляться вечером.

Студенты иногда ездили в центр города, чтобы сходить в кино, театр или цирк. Однако при этом возникали трудности с нарядной одеждой. Очень частым было то, что одна пара туфель или платьев была на всю женскую комнату. В воспоминаниях фигурирует пальто с подкладкой, которую снимали весной и вновь пристёгивали осенью.

А.Н. Яровая вспоминала: «Некоторые уезжали на выходные и на каникулы домой. А я часто оставалась, ведь внизу, в общежитии, телевизор был, а в институте хорошая библиотека. Такая жизнь, как у нас, была не во всех институтских общежитиях. Подруга с моей деревни училась в автодорожном институте, там такого, как у нас, не было»⁴¹.

Общественно-политическая жизнь СССР в воспоминаниях студенток ОмПИ. По традиции своего времени студенты ОмПИ становились участниками демонстраций 1-го мая и 7-го ноября. Однако участие в общественно-политической жизни респондентки почти не вспоминали.

Ярким эпизодом женской индивидуальной и коллективной памяти, пришедшемся на исследуемый нами период, стала кончина Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Под его правлением прошли годы

⁴⁰ Воспоминания Респондента 8. 1961 г.р. // Омск. АА. 06.08.2025.

⁴¹ Воспоминания Респондента 7. 1960 г.р. // Омск. АА. 08.08.2025.

взросления респонденток, их школьные годы, которые пришлись на стабильные 1970-е, и возникало ощущение неопределенности и даже тревоги. Вот фрагмент только одного устного рассказа, который передает эмоции по поводу случившегося: «В 1982 году, помню, мы с подружкой чертили что-то у меня дома и услышали по радио, что Брежnev умер, и думали – как мы теперь будем жить? В ноябре это было»⁴².

Последующие годы учёбы в политехническом институте пришлись у респонденток на время правления в СССР Ю.В. Андропова, которое отличалось строгостью и ужесточением дисциплины во многих сферах жизни, прежде всего в профессиональной сфере. Однако, по воспоминаниям, на повседневности студенток тогда это не особо отразилось. Студентки знали о том, что тунеядцев вылавливают на улицах, в общественном транспорте и в кинотеатрах, проверяют документы и устанавливают причину отсутствия на рабочем месте, но сами они свидетельницами таких эпизодов в Омске не были. «Слухи ходили, что вылавливают из кинотеатров безработных, но со мной такого ни разу. Мы и не ходили никуда. Не до того было – беременность, роды»⁴³.

И всё же, несмотря на трудности советской социально-экономической модели, отражавшиеся в повседневной жизни людей, студентов они мало коснулись. По крайней мере, это можно связать с относительно изолированной студенческой средой, беззаботным временем и общей ностальгией по молодости (с точки зрения социальной памяти). «Весело жили. Всегда было и что покушать и что выпить. Друг дружке помогали. Музыку слушали, магнитофоны были. У всех холодильники были полные. А все что говорят про СССР плохо, так это всё неправда»⁴⁴.

Рождение ребенка как фактор трансформации студенческой жизни. Поскольку особенностью политехнического института была гендерная диспропорция – на одну девушку приходилось по четыре-пять и более парней – чаще всего они выходили замуж ещё в студенческий период. Частыми были случаи, когда на старших курсах у студенток уже рождался ребёнок, и вставал сложный вопрос – продолжать учиться или заниматься семьёй и ребёнком.

Чтобы не потерять студенток, которые уже почти достигли цели и получили диплом, но становились будущими матерями, институт шёл навстречу им и предоставлял свободное посещение. «После третьего курса, когда перешли на четвертый, я была беремена Катей, и у меня было свободное посещение. Я ходила на практику, а на теорию не ходила. Куда, с таким пузом. Некоторые преподаватели на экзаменах жалели, некоторые нет – говорили: сама захотела...»⁴⁵.

После рождения ребенка, когда молодым матерям совсем становилось не до учёбы, на помощь приходили их мамы, которые забирали ре-

⁴² Воспоминания Респондента 5. 1963 г.р. // Омск. АА. 11.08.2025.

⁴³ Воспоминания Респондента 2. 1963 г.р. // Омск. АА. 09.08.2025.

⁴⁴ Воспоминания Респондента 3. 1962 г.р. // Омск. АА. 07.08.2025.

⁴⁵ Воспоминания Респондента 6. 1964 г.р. // Омск. АА. 12.08.2025.

бенка к себе. Так, для одной из респонденток помочь мамы сыграла решающую роль. Та не разрешила ей брать академический отпуск, взяв на себе большую часть забот о новорожденной. Спустя более чем сорок лет респондентка признаётся, что если бы тогда взяла академический отпуск, то так бы никогда и не окончила институт⁴⁶.

Другой сложный для девушек предмет – «автоматизация процессов», пришёлся как раз на время сразу после рождения ребенка одной из респонденток в 1984 г. Во время экзамена однокурсницы звонили друг другу с телефона-автомата, спрашивали, как прошёл экзамен. Тогда же сарафанным радио распространилась история о том, что одна девушка на экзамене попросила другой билет, ей преподаватель разрешил, а потом она ещё другой попросила. И тогда он перевернул все билеты и предложил выбрать тот, который она знает.

Услышав о лояльности преподавателя, студентка Л.Н. Сливина решила воспользоваться случаем и выучить один билет, спросив у подруги, какой достался ей и какие там были вопросы. Так, она отправилась на сложный экзамен только с одним выученным билетом № 2.

Понимая, насколько сложен для девушек этот предмет, преподаватель умышленно отвернулся, а студентка перевернула билеты, нашла нужный и взяла его. «Села, пишу на листке, расписываю. А он ходит сзади нас по аудитории. Мы все спиной к нему сидели, парты были расставлены по периметру. Он ткнул со спины – вот здесь формулу забыла. Ладно, говорит, хорошо. А почему на лекции не ходила? А я отвечаю – так у меня ребёнок маленький. Но у меня все лекции есть, я их переписала. И показала ему. Он сказал – ну ладно, молодец. Пятерку поставил...»⁴⁷.

Из-за рождения дочери Л.Н. Сливиной даже пришлось пропустить свой выпускной. «Сильно не отмечали. Катя был всего год. Поэтому некогда было»⁴⁸.

Окончание института и распределение. Важным этапом после окончания института становилось распределение на предприятия, что также нашло отражение в женской социальной памяти. Распределение шло целый день. Комиссия распределяла в первую очередь отличников, тех, кто набирал большее количество баллов. «... Они на север все поехали, отличники, деньги надо зарабатывать. Тогда был ещё советский-советский союз. А я где-то восьмидесятая шла. Мне сказали – завод Барабанова. В другой город не могли – у меня маленький ребёнок и муж здесь работал. Муж бы меня никогда не отпустил на тот завод. Он сказал, пойдёшь на завод “Пластмасс”. А так нельзя было. Я не иду и не иду. Месяца два прошло. Они начали меня разыскивать. Я взяла справку на ребёнка, пришла на завод и сказала, что не могу к вам идти работать. Они сказали, что мы тоже не можем просто так вас отпустить, это же все на государственном уровне.

⁴⁶ Воспоминания Респондента 2. 1963 г.р. // Омск. АА. 09.08.2025.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

Пишите в министерство высшего образования, чтобы вам дали свободное распределение. Я написала, приложила справку, и мне дали свободное распределение. Я отнесла ответ на завод...»⁴⁹.

Поскольку в период окончания института большинство выпускниц уже были замужем, то вопрос о распределении решался совместно, и чаще всего именно муж выбирал завод, на который шли работать супруги. Факторы зарплаты, коллектива, быстрого роста играли ведущую роль. Многие предприятия выбирались по рекомендациям друзей. «На заводе “Пластмасс” давали в новом районе квартиры. И мы втроем (с мужем и подругой – А.Ж.) пошли на завод “Пластмасс”. Дали места, мастеров, и начали работать на новом заводе. Там французское оборудование было, гремел этот завод...»⁵⁰.

Заключение. Таким образом, по материалам воспоминаний студенток Омского политехнического института первой половины 1980-х гг. удалось воссоздать картину учебной и внеучебной повседневности и подчеркнуть особенности именно женской социальной памяти относительно этого периода своей жизни.

Находясь в мужской социальной среде (по разным данным, от десяти до пятнадцати процентов составляло число девушек на факультетах ОМПИ, а на некоторых специальностях менее трёх процентов), девушки пользовались особым вниманием со стороны противоположного пола, находились на особом счету и у профессорско-преподавательского состава, который проявлял к ним снисхождение и заботу. Это проявлялось как в учебной, так и во внеучебной деятельности.

С другой стороны, они имели больше возможностей для выстраивания дальнейших жизненных стратегий: с одной стороны, всегда востребованная в промышленном городе и в прибыльных районах Крайнего Севера специальность инженера, с другой стороны, возможности для раннего замужества и создания своей семьи, а ещё – обеспечение социальными гарантиями со стороны государства (в отличие, например, от выпускниц Омского педагогического института, где дальнейшее трудоустройство не было многообещающим в плане зарплаты, обеспечения жильем и т. д.).

Список литературы:

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 226 с.
2. Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 25–67.

⁴⁹ Воспоминания Респондента 6. 1964 г.р. // Омск. АА. 12.08.2025.

⁵⁰ Воспоминания Респондента 5. 1963 г.р. // Омск. АА. 11.08.2025.

3. Полканов В.Д., Букин А.Ф. К вопросу об истоках образования ОмГТУ // Омский научный вестник. 2002. № 2. С. 15–18.
4. Полканов В.Д., Машкарин М.И., Хроменкова Н.И. История ОмГТУ в лицах: они наша гордость // Омский научный вестник. 2009. № 1.
5. Пушкарева Н.Л. Об эмпатии в антропологии и важности раздельного описания и изучения мужской и женской повседневности // Женщина в российском обществе. 2014. № 1 (70). С. 3–12
6. Рыженко В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010.

Об авторе:

ЖИДЧЕНКО Александр Владимирович – доктор исторических наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, ленинский проспект 32А), e-mail: travel822@yandex.ru

Everyday life of female students of Omsk Polytechnic Institute in the first half of the 1980s

A.V. Zhidchenko

N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

This article is devoted to one of the little-studied episodes of women's history - an analysis of the features of the daily life of female students in the first half of the 1980s based on women's oral history materials - materials of unstructured autobiographical interviews collected by the author. Omsk Polytechnic Institute was chosen as an example of a technical university as one of the largest educational institutions of this profile in Siberia, located in one of the districts of the industrially developed city of Omsk. The study showed that, on the one hand, the girls experienced a number of difficulties associated with entering this university and studying here. On the other hand, studying at a university with a clear gender imbalance towards male students provided a number of advantages both in studies and in choosing future life strategies.

Keywords: *female education, everyday life, social memory, city, Omsk Polytechnic Institute.*

About the author:

ZHIDCHENKO Alexander Vladimirovich – Doctor of Historical Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maklay of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Leninsky Prospekt 32A), e-mail: travel822@yandex.ru

References:

- Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti*, Per. s nem. M.M. Sokol'skoj. M., Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 226 s.
- Belova A.V. *Zhenskaya povsednevnost' kak predmet istorii povsednevnosti: istoriograficheskij i metodologicheskij aspekty*, Rossijskaya povsednevnost' v zerkale gendernyh otnoshenij, Sbornik statej, M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, S. 25–67.
- Polkanov V.D., Bukin A.F., *K voprosu ob istokah obrazovaniya OmGTU*, Omskij nauchnyj vestnik, 2002, № 2, S. 15–18.
- Polkanov V.D., Mashkarin M.I., Hromenkova N.I., *Istoriya OmGTU v licah: oni nasha gordost'*, Omskij nauchnyj vestnik, 2009, № 1.
- Pushkareva N.L., *Ob empatii v antropologii i vazhnosti razdel'nogo opisaniya i izucheniya muzhskoj i zhenskoy povsednevnosti*, Zhenshchina v rossijskom obshchestve, 2014, № 1 (70), S. 3–12.
- Pushkareva N.L., Zhidchenko A.V., «*Vse davalos' bol'shim trudom i pri lyuboj pogode*»: zhenskaya pamyat' o bytovoj neustroennosti, Via in tempore, 2022, T. 49, № 2, C. 425–432.
- Ryzhenko V.G., *Obrazy i simvolы sovetskogo goroda v sovremennyh issledovatel'skih opytah: regional'nyj aspekt: monografiya*, Omsk, Izd-vo Om. Gos. Un-ta., 2010.

Статья поступила в редакцию 17.06.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

УДК 94(470-25)“18”:37-055.2+316.343.32+37.018.1

DOI 10.26456/vthistory/2025.2.050–065

Женское образование в первой половине XIX в. (на примере московского дворянства)

О.И. Лисицына

ФБГОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

В статье характеризуется женское домашнее образование в первой половине XIX в. на примере Москвы – региона, имевшего в данный период существенную культурную специфику. Выделяются основные черты домашнего образования представительниц московского дворянства и причины его своеобразия. На основе источников различных видов определяются основные агенты домашнего обучения и роль матерей в нем. Также значительное внимание уделяется анализу феномена иностранного гувернера и роли гувернанток в воспитании и образовании девиц. Выявляются умения и навыки, формирование которых считалось наиболее важным для девушек, и оценивается их значение в контексте ценностных установок московского дворянства. Кроме того, освещаются меры законодательного регулирования домашнего образования в первой половине XIX в.

Ключевые слова: женское образование, домашнее обучение, московское дворянство, гувернерство.

Домашнее образование представительниц российского нобилитета впервые начинает законодательно закрепляться в XVIII в. в контексте петровских преобразований. Однако в первой половине века речь, как правило, шла о регламентации обучения дворянских детей в целом, в то время как собственно женское образование, оставаясь «на обочине», фактически не интересовало государственную власть. По петровскому законодательству предполагалось, что для девочек достаточно элементарных навыков чтения и письма, в то время как мальчиков следовало обучать «цифирному счету» и другим наукам в соответствии с их склонностями¹. Разумеется, это было связано с взаимообусловленностью «учения» и «службы», а также с расхожими представлениями не только о нецелесообразности, но и о вреде «образованности» для женщин. В правление Анны Иоанновны законодательно закреплено «в науках быть от 7 до 20 лет», после чего

¹ Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010. С. 101.

для дворянских юношей должно было наступать время службы². Как видим, законодательные меры были призваны регламентировать образование дворян именно в контексте государственной службы, поэтому и касались они обучения дворянских мальчиков.

Лишь при Екатерине II впервые обосновывается необходимость образования для девочек. По «Генеральному учреждению о воспитании обоего пола юношества», подготовленному И.И. Бецким, в качестве главной его цели выдвигается идея формирования «новой породы» людей – «новых отцов и матерей, которые могли бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить, какие получили они сами»³. Несмотря на то, что речь в «Учреждении» шла о юношестве в целом, в данном случае идея воспитания просвещённых родителей, которые впоследствии могли бы стать мудрыми наставниками для своих детей, явно актуализирует задачи женского образования, ведь очевидно, что в условиях традиционного общества забота о детях, в том числе и об их обучении, атрибутировалась именно женщине.

Следует сказать, что ещё в 1715 г. был принят указ, в соответствии с которым «всех знатных особ детей, от 10 лет и выше, велено выслать в школу С.-Петербургскую»⁴, однако, как бы активно ни развивалась система государственных образовательных учреждений, а также представление о том, что государственное образование предпочтительнее домашнего, уступка последнему всё же делалась ввиду невозможности принять всех дворянских детей в государственные учебные учреждения⁵. Особенно – если речь шла о юных представителях нестоличного дворянства.

К девочкам, разумеется, такого требования не предъявлялось, ведь первое казенное женское образовательное учреждение – Смольный институт благородных девиц – открылось в Петербурге лишь при Екатерине II в 1764 г. Вслед за ним было открыто и несколько других, в том числе Московский Екатерининский институт – в 1802 г. С середины XVIII в. функционировал и ряд частных пансионов⁶, что, впрочем, кардинальным образом картину не меняло: женских образовательных учреждений было в разы меньше, чем мужских, с связи с чем женское образование гораздо чаще, чем мужское, оставалось исключительно домашним⁷. При этом если в XVIII в. оно не носило ни систематического, ни массового характера, то к концу столетия си-

² Болотина М.В. «Российское юношество должно быть воспитываемо... хотя и в домах своих, но всегда в России»: семейное образование в России в первой половине XIX в. // Вестник РУДН. Серия «История России». 2008. № 2. С. 25.

³ Бецкой И.И. Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества конфирмованное Ея Императорским Величеством 1764 года марта 12 дня. [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.bim-bad.ru> (дата обращения: 29.05.2025).

⁴ Цит. по: Болотина М.В. Указ. соч. С. 24.

⁵ Там же.

⁶ Цит. по: Солодянкина О.Ю. Гувернантки в русских дворянских семьях // Вестник РУДН. Серия «История России». 2003. № 2. С. 39.

⁷ Соймонова Е.А. Дневники. Московское общество в 1833–1835 гг. / сост., вступ. ст., comment. О.В. Ткаченко; пер. А.В. Лазурского. М., 2023. С. 117

туация меняется: женское дворянское домашнее образование приобретает уже не только всеобщий, но и достаточно единообразный характер. О динамике его развития, институционализации, целях, основном содержании и региональной специфике пойдёт речь в данной статье.

Основной тенденцией домашнего образования в XVIII в. стало постепенное распространение института гувернёрства. В конце XVIII в. иностранные учителя и учительницы начинают играть всё большую роль в домашнем обучении дворянок, однако ключевая проблема заключалась в том, что зачастую они могли быть людьми случайными и некомпетентными (так, известен случай, когда французский посол узнал в одном из гувернёров, служивших в России, своего бывшего кучера⁸). По мнению О.Ю. Солодянкиной, не только в конце XVIII в., даже ещё и в XIX в. образовательный и интеллектуальный уровень иностранных учителей мог быть крайне невысоким⁹. Это было связано с тем, что в конце XVIII – начале XIX в. спрос на услуги гувернёров и гувернанток заметно вырос, но пополнялись их кадры по преимуществу из числа представителей реакционных слоев французского общества, бежавших в Россию после революционных событий 1789 г. и при этом далеко не всегда имевших высокое социальное происхождение и какое-либо образование, или бывших солдат «Великой армии», по различным причинам оставшихся на территории Российской империи и часто также не имевших никаких профессиональных компетенций, кроме владения французским языком и элементарного знакомства с каким-либо музыкальным инструментом¹⁰, столь востребованными в российской дворянской среде в этот период.

И всё же, начиная с последней трети XVIII в., ввиду отмены обязательной государственной службы казенное обучение постепенно перестаёт восприниматься как предпочтительное, а доверие к образованию домашнему возрастает как со стороны власти, так и со стороны общества. Вдобавок благодаря системе государственных и частных учебных заведений и ряду изданных в данный период педагогических трактатов у дворянских семей появляются, наконец, более чёткие ориентиры и представления о целях, наполнении и методах обучения девочек. Начинает формироваться перечень навыков, которыми должна владеть юная представительница дворянства¹¹, а также более конкретные требования к учителям и критерии, по которым они выбирались. Можно сказать, что в первой половине XIX в. женское домашнее образование начинает приобретать черты некоего един-

⁸ Муравьёва О.С. Как воспитывали русского дворянина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/mura/vye/va/> (дата обращения: 15.08.2025).

⁹ Солодянкина О.Ю. Указ. соч. С. 39.

¹⁰ Белова А.В. Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века: «корневое» и «иноземное» // Женский дискурс в литературном процессе России конца XX века / сост. Т.А. Клименкова, Е.И. Трофимова, Т.Г. Тройнова. М., 2002. [Электронный ресурс]. URL: https://az.ru/women_cd1/html/belova_b.htm#note40 (дата обращения: 15.08.2025).

¹¹ См.: Солодянкина О.Ю. Указ. соч. С. 39.

нообразия, складываются некие общие ориентиры, что из себя представляют «хорошее» женское образование и каков его необходимый минимум.

В то же время этот период характеризуется и формированием явных региональных особенностей, по крайней мере в организации процесса образования девочек. Так, в московской дворянской среде гораздо чаще, чем у представителей нестоличного дворянства, женское образование не ограничивалось приглашением в дом лишь одной гувернантки для девочки, а могло носить черты некоторой предметной специализации: часто имелись приходящие учителя, некоторые из которых могли быть весьма востребованными профессионалами, оказывающими услуги сразу множеству дворянских семей. В частности, у Гончаровых в доме не только жили иностранные гувернеры и гувернантки, но и дополнительно приглашались учителя по различным предметам¹². Впрочем, глубина такой предметной специализации зависела исключительно от предпочтений семьи, а точнее – матери, от её вкусов и представлений об идеале образованной барышни.

Могли девиц и самих водить к учителю. Подобные занятия вне дома в целом не были частой практикой, но в Москве первой половины XIX в. существовали такие общепризнанные педагоги и профессионалы, что для них делались исключения. В первую очередь к такого рода мастерам своего дела относился знаменитый учитель бальных танцев П.А. Йогель¹³. Помимо педагогической известности, Йогель прославился своими «детскими балами», которые считались самыми веселыми в Москве, а также воспринимались как уникальная в своем роде ярмарка невест, ведь там можно было увидеть барышень, которых ещё не начали вывозить в свет, а потому на других светских мероприятиях встретить их было невозможно.

Также иногда (как правило, не на постоянной основе) с московскими дворянками могли заниматься даже сверхкомпетентные лица. Так, судя по дневникам московской дворянки Е.А. Соймоновой, частыми гостями в их музыкальной гостиной на Малой Дмитровке были композитор, пианист, дирижер И.И. Геништа и педагог, пианист-виртуоз А.А. Герке¹⁴. Готовясь к совместным музыкальным вечерам, сестры Соймоновы получали иногда компетентные советы, а то и полноценные уроки музыки. Если первый был, действительно скорее гостем, то второй, являясь близким другом семьи и проводя в доме Соймоновых много времени, часто давал подобные импровизированные уроки – причём не только самим девицам, но и другим молодым гостям дома¹⁵, чём, похоже, даже несколько докучал дворянской молодёжи. А ведь его профессиональный уровень был таким, что при открытии Санкт-Петербургской консерватории он будет приглашён туда профессором, а одним из его учеников станет будущий композитор М.П.

¹² Ободовская И., Дементьев М. Наталья Николаевна Пушкина: По эпистолярным материалам. М., 1985. С. 35.

¹³ Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. М., 2003. С. 274.

¹⁴ Соймонова Е.А. Указ. соч. С. 57, 61, 64 и др.

¹⁵ Там же. С. 61.

Мусоргский¹⁶. При этом в доме Соймоновых также был свой постоянный учитель музыки – итальянец Ерколани, выступавший в ходе вышеупомянутых концертов и дирижером, и аккомпаниатором¹⁷. Разумеется, подобное было вряд ли доступно дворянским семьям, проживавшим в отдалённых имениях; в Петербурге же отношения были значительно более официальными и формализованными.

Здесь следует отметить известное своеобразие московского общества данного периода, являющегося как бы и столичным, и провинциальным одновременно. Особое место Москвы в дворянской «экосистеме» первой половины XIX в. неоднократно подчёркивалось современниками: «Москва женского рода, Петербург мужеского. В Москве всё невесты, в Петербурге всё женихи. Петербург наблюдает большое приличие в своей одежде, не любит пестрых цветов и никаких резких и дерзких отступлений от моды; зато Москва требует, если уж пошло на моду, то чтобы во всей форме была мода: если талия длинна, то она пускает её ещё длиннее; если отвороты фрака велики, то у ней, как сарайные двери»¹⁸; «Петербург прихожая, Москва девица, деревня же наш кабинет»¹⁹. Действительно, особая приверженность московской аристократии традициям, семейным и родственным связям, привычкам и старине заметно контрастировала со светской формализованностью общения, собранностью, принятыми в Петербурге, где, как правило, во главу угла ставились карьера и государственная служба.

Кроме того, в рассматриваемый период у Москвы была устойчивая репутация города невест: «в Москву, на ярмарку невест!»²⁰; «что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь; // В Москве ведь нет невестам перевода; // Чего? плодятся год от года»²¹ и подобные представления, по-видимому, были довольно расхожими. Так, лейтмотивом дневника Е.А. Соймоновой является ирония по поводу «пересудов» «городских кумушек»²², которые почти всегда врачаются вокруг темы заключения брачных союзов – реальных или мнимых: «Я очень признательна московскому обществу за то внимание, которое оно уделяет моей персоне, однако забавно, что меня выдают замуж за разных женихов, а мне, как лицу наиболее заинтересованному, об этом ничего неизвестно»²³. Характерно при этом, что молодое поколение дворянок – будь то барышни 1810-х или 1830-х гг. – активно ре-

¹⁶ Ткаченко О.В. Соймоновы и их окружение // Соймонова Е.А. Дневники. Московское общество в 1833–1835 гг. / сост., вступ. ст., коммент. О.В. Ткаченко; пер. А.В. Лазурского. М., С. 19.

¹⁷ Бутурлин М.Д. Записки графа М.Д. Бутурлина. Т. 1. М., 2006. С. 383–385.

¹⁸ Гоголь Н.В. Петербургские записки 1836 года // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. В 14 т. М.; Л. 1952. Т. 8. Статьи. С. 178.

¹⁹ Пушкин А.С. Роман в письмах [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v06/d06-041.htm> (дата обращения: 15.08.2025).

²⁰ Пушкин А.С. Евгений Онегин. М., 1976. С. 191.

²¹ Грибоедов А.С. Горе от ума / подг. Н.К. Пиксанов, А.Л. Гришуин. М., 1969. С. 42.

²² Соймонова Е.А. Указ. соч. С. 43.

²³ Там же. С. 47.

флексируют на тему «московских пересудов», иронизируют, а порой и откровенно осуждают подобное поведение «цензоров в чепцах и шалях»²⁴, тем самым противопоставляя себя старшему поколению московских знатных женщин²⁵ (впрочем, это касалось и других московских привычек – в первую очередь суеверий и предрассудков). Вероятно, подобный межпоколеческий разрыв (подобный конфлиktу Чацкого и Фамусова) был обусловлен неуклонным ростом образованности каждого последующего поколения московских дворянок по сравнению с предыдущим.

Можно сказать, что в семьях именно московского дворянства наиболее выражено было так называемое «множественное опекунство»: в той или иной степени в воспитании и образовании девочки принимает участие довольно широкий круг родственников, точнее – родственниц («Я, кажется, тебя крестила? // А я так на руки брала! // А я так за уши драла! // А я так пряником кормила!»²⁶), которые, помимо всего прочего, разделяют данные функции с нанимаемыми учителями и учительницами.

Однако собственно организацией процесса домашнего воспитания и образования юных дворянок, как правило, занималась мать (впрочем, как уже упоминалось выше, образование детей обоего пола в семье считалось её прерогативой, что, в принципе, актуализировало саму идею женского образования). Мать осуществляла общее руководство этим сложным процессом, в частности – поиском и подбором гувернеров и гувернанток, при необходимости подключая к этому других родственников или знакомых. Мать же впоследствии и осуществляла основное взаимодействие с гувернанткой и другими участниками процесса образования в дворянской семье.

Именно поэтому в случае смерти матери девочка зачастую передавалась в другие руки, а не оставалась у отца²⁷. Так, она могла быть сразу же передана на воспитание родственникам или даже «приятелям», в чьих домах были дочери-ровесницы или проживали женщины, которые могли бы позаботится о получении ею достойного образования: «В Москве матушка умерла... Приезжает батюшка и братья, а сестра оставлена в Москве у приятелей наших родителей, г-на К[аковинского]: они имели одну дочь, с коею [сестра] и жила вместе до тех пор, пока вышла дочь их замуж»²⁸. Так воспитывались многие дворянки в различных регионах Российской империи – от Е.Р. Дашковой до А.П. Керн, причём в случае последней это даже не было связано с фактом сиротства: наличие двоюродной сестры-ровесницы в данном случае было достаточ-

²⁴ Жукова М.С. Дача на Петергофской дороге [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/z/zhukowa_m_s/text_0040.shtml (дата обращения: 13.08.2025).

²⁵ См.: Дней прошлых гордые следы: Переписка Марии Аполлоновны Волковой. 1812–1813 годы. М., 2012. С. 271.

²⁶ Пушкин А.С. Евгений Онегин. С. 199.

²⁷ Белова А.В. Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29–31.

²⁸ Загряжский М.П. Записки. [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Zagrazskij/Zag-5.htm> (дата обращения: 02.04.2025).

ным аргументом, чтобы отправить девочку жить и воспитываться к родственникам. Также весьма распространённой практикой в случае потери матери являлось помещение девочек в казённое учебное заведение, где фактор сиротства являлся едва ли не ключевым при отборе воспитанниц²⁹.

Симптоматично в данном контексте высказывание Е.А. Соймоновой, которая, узнав, что мать многочисленных детей знакомого семейства скоро постижно скончалась, отмечает в дневнике: «Бедных детей Скрипицыных можно только пожалеть. Их отец никогда не уделял внимания домашним делам. Придётся ему начать осваивать эту науку в его 38 лет»³⁰. Причём из контекста становится ясно, что под «домашними делами» понимается именно забота о детях, и в первую очередь обеспечение им достойного образования.

Однако если в семье умирал отец, это уже могло заставить мать, в свою очередь, дистанцироваться от вопросов домашнего образования, поскольку, помимо этой непростой задачи, на неё ложились теперь все заботы об имении и благосостоянии семьи – «две обязанности, из которых каждая почти выше сил женщины»³¹. Причиной неучастия матери в воспитании детей мог становиться и «светский» образ жизни, который ей в силу её статуса приходилось вести. В дворянской культуре данный феномен получил название «модных жён»³², однако они не составляли большинства даже среди петербургского дворянства³³, среди же московских дворянок их было и вовсе незначительно число.

Вероятно, система матримониальных традиций и ожиданий, которая в Москве, как городе невест, была выражена более ярко, чем в других регионах, обуславливала основательность подхода московского дворянства и к женскому домашнему обучению. Ведь в начале XIX в. по-прежнему основной целью женского образования – и домашнего, и казённого – остается удачное, замужество, поэтому и набор тех знаний и умений, которые предполагалось сформировать в процессе, был хоть и достаточно специфическим, но при этом весьма универсальным. Здесь также следует ещё раз оговориться, что Москва, безусловно, зачастую давала для этого и значительно больше возможностей по сравнению с другими (нестоличными) городами, а уж тем более – по сравнению с деревней.

Как правило, дворянская семья затрачивала немало усилий и денежных средств для того, чтобы дать девочкам достойное домашнее образование. Так, семья Гончаровых, находившаяся в довольно затруднительном материальном положении³⁴, не стремилась при этом сэкономить на образовании своих дочерей. Мать семейства, Наталья Ивановна, сама, в обход

²⁹ Белова А.В. Без родительского попечения... С. 30.

³⁰ Соймонова Е.А. Указ. соч. С. 117.

³¹ Вульф А.Н. Дневник. [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/pushkin/vulf_dnevniki.html (дата обращения: 19.08.2025).

³² Дмитриев И.И. Модная жена. [Электронный ресурс]. URL: <http://ii-dmitriev.ousc.ru/modnaya-zhena.html> (дата обращения: 19.08.2025).

³³ Пушкирова Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М., 2012. С. 76.

³⁴ Ободовская И., Дементьев М. Указ. соч. С. 29–34.

мужа, обращается к свёкру с просьбой увеличить содержание их семьи, поскольку из сорока тысяч рублей в год не менее пятнадцати уходит только на нужны образования детей³⁵. По-видимому, образование дочерей было одним из приоритетов семьи, поскольку, с одной стороны, являлось маркером социальной состоятельности семьи, а с другой повышало шансы дочерей заполучить завидного жениха.

По этой же причине выбор гувернанток и учителей представлял собой событие особой важности и сложности и порой вовлекал широкий круг родственных связей дворянской семьи, в особенности – если речь шла о гувернантке, которая будет проживать в доме на постоянной основе. Характерно в этой связи письмо супругов Бахметевых (Анны Петровны и Алексея Николаевича) родителям мужа, свидетельствующее о вовлечении в процесс поиска и выбора домашних учителей не только обоих супругов, но и бабушек с дедушками, а также широкого круга друзей и знакомых³⁶. Можно заключить, что домашнее образование девочек было действительно важно не только для ее ближайших родственников, но и для семьи в целом.

А.В. Белова выделяет три основных критерия, которыми руководствовались представительницы нестоличного дворянства при выборе гувернанток: их «репутация, стоимость и качество образовательных услуг»³⁷. Похоже, что практически всегда стоимость услуг по значимости отодвигалась на последнее место, ведь в источниках личного происхождения мы практически не находим упоминаний о цене или оплате услуг домашних учителей, а вот беспокойство московских дворянок по поводу профессионализма гувернантки или гувернера – достаточно частое явление. Причём, ввиду специфики оказываемых гувернантками услуг, их репутация – в самом широком смысле этого слова – становилась едва ли не самым значимым критерием при выборе кандидатуры.

Это было обусловлено самой организацией процесса женского домашнего образования, сложившейся в начале XIX в., и роли гувернантки в нём. Так, зачастую гувернантка, проживавшая в дворянском доме, стремилась создать в нём для своей воспитанницы или воспитанниц некое изолированное – насколько это было возможно – пространство. Характерно, что идея «изолировать» юную воспитанницу с целью уберечь от возможных «пагубных влияний» вполне соотносилась с педагогическими принципами, провозглашёнными для закрытых учебных заведений на высшем государственном уровне и восходящими к идеям И.И. Бецкого о формировании «новой породы» людей. Это было связано с тем, что гувернантка должна была не столько передавать своей подопечной какие-либо знания, сколько фундаментально прививать ей определённую манеру поведения, фактически – определённый образ жизни, что достигалось путём постоянного сов-

³⁵ Цит. по: Ободовская И., Дементьев М. Указ. соч. С. 35.

³⁶ Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГАМ). Ф. 1845. Оп. 1. Д. 956.

³⁷ Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 166.

местного пребывания воспитанницы и гувернантки³⁸. В такой ситуации влияние иностранных воспитательниц на формирование личности юных дворянок сложно переоценить.

Если, с одной стороны, такая практика способствовала лучшему усвоению языка и манер – пожалуй, двух главных навыков, прививаемых гувернанткой, о которых подробнее ещё пойдет речь ниже, то с другой – влекло за собой невольное восприятие дворянской барышней «иноземных» этических норм и установок, транслируемых гувернанткой, скорее всего, неосознанно и без какого-либо умысла. Очевидно, что ценности западной культуры доходили до дворянства также и через литературу, и другими путями, однако влияние иностранных учителей явно было куда более определяющим, в связи с чем иностранное образование уже в начале XIX в. становится предметом пристального внимания со стороны государственной власти.

Вообще, как мы уже убедились, государство ещё с начала XVIII в. пыталось поставить под контроль воспитание юношества, но если тогда это по преимуществу касалось системы государственных учебных заведений, то в XIX в. распространяется и на частные пансионы, и даже на систему домашнего образования. Ещё в начале XIX в. министр народного просвещения А.К. Разумовский сетовал в докладе императору: «все почти пансионы в империи содержатся иностранцами... они юным россиянам внушают презрение к языку нашему и охлаждают сердца их ко всему домашнему и в недрах России из россиянина образуют иностранца»³⁹. Разумеется, всё вышесказанное могло быть при желании отнесено и к домашнему образованию.

По-видимому, во второй четверти XIX в. влияние иностранных гувернеров и гувернанток в среде российского дворянства было уже настолько ощутимым, что стало предметом целого ряда энергичных законодательных мер Николая I, направленных на противодействие иностранному влиянию и вполне выдержаных в духе «Теории официальной народности». Так, в изданном 18 февраля 1831 г. Указе «О воспитании Российского юношества в отечественных учебных заведениях» говорится о вредных последствиях «чужеземного» влияния следующим образом: «молодые люди возвращаются в Россию с самыми ложными о ней понятиями; не зная ее истинных потребностей, законов, нравов, порядка, а нередко и языка, они являются чуждыми посреди всего отечественного»⁴⁰ – в «отвращение этого» было постановлено: «российское юношество... должно быть воспитываемо предпочтительно в отечественных публичных заведениях, или, хотя и в домах своих, под надзором родителей и опекунов, но всегда в России»⁴¹. С одной стороны, данный Указ, по сути, окончательно уравнял по статусу домашнее образование с

³⁸ Белова А.В. Домашнее воспитание дворянок в первой половине XIX в. // Педагогика. 2001. № 10. С. 68–74.

³⁹ Цит. по: Солодянкина О.Ю. Указ. соч. С. 39

⁴⁰ Болотина М.В. Указ. соч. С. 26.

⁴¹ Цит. по: Там же.

государственным, но, с другой, наметил намерение государственной власти взять последнее под свой надзор и контроль.

25 марта 1834 г. был издан императорский Указ «О воспрещении принимать в должности по домашнему воспитанию иностранцев, не получивших аттестатов от Русских Университетов»⁴². В соответствии с ним гувернёры и гувернантки не имели права поступать на службу в дома, если они не предоставляли соответствующие аттестаты, подтверждающие успешное прохождение экзамена и фиксирующие, какими именно дисциплинами и в какой мере владеет гувернёр. Также предполагалось, что иностранцу было необходимо как-либо подтвердить свою репутацию и морально-нравственные качества⁴³. Весьма симптоматично выглядит обоснование этих мер: «мы уверены, что родительская нежность и здравый смысл любезнейших верноподданных Наших вполне открывают им всю важность и пользу сих мер; что каждый... разделяет Нашу заботливость о водворении по всему пространству Империи воспитания, согласно с духом Наших учреждений, и о *предохранении юных сердец от впечатлений, противных вере, нравственности и народному нашему чувству*»⁴⁴.

Следом, 1 июля 1834 г., принимается «Высочайше утверждённое Положение о домашних наставниках и учителях»⁴⁵. Его целью было «связать домашнее воспитание с публичным и поставить его под контроль государства»⁴⁶. Однако представляется значимым, что в нём знаниевый аспект (прохождение испытаний и присвоение соответствующих званий) вообще мыслится вторичным по сравнению с аспектом нравственным: «лица в звания сии поступающие, вообще должны быть Христианского вероисповедания, достаточно известные со стороны нравственных качеств. После сих общих условий, необходимых для желающего посвятить себя домашнему воспитанию юношества, науки и знания составляют вторую, столь же существенную потребность, по мере предназначения каждого из означенных званий»⁴⁷. В соответствии с этим положением те, кто не подходил по религиозным и нравственным критериям, до экзамена даже не допускались

⁴² Указ Сенату от 25 марта 1834 г. «О воспрещении принимать в должности по домашнему воспитанию иностранцев, не получивших аттестатов от Русских Университетов». [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 04.08.2025).

⁴³ Там же.

⁴⁴ Указ от 25 марта 1834 г. «О воспрещении принимать в должности по домашнему воспитанию иностранцев, не получивших аттестатов от Русских Университетов» [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 04.08.2025).

⁴⁵ 1 июля 1834 г. «Высочайше утвержденное Положение о домашних наставниках и учителях» [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 04.08.2025).

⁴⁶ Болотина М.В. Указ. соч. С. 27.

⁴⁷ 1 июля 1834 г. «Высочайше утвержденное Положение о домашних наставниках и учителях». [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 04.08.2025).

в принципе. Отныне от соискателей требуют одобрительные отзывы не только из оконченного ими учебного заведения или с предыдущего места жительства, но вводится даже практика ежегодных отзывов с текущего места службы⁴⁸. Видимо, столь явное ужесточение требований и усложнение процедуры получения звания, помимо прочего, имело своей целью сокращение числа иностранцев, прибывающих в Россию для преподавания в частных домах.

Удивительно при этом, насколько созвучны были ментальные установки иностранных гувернанток (особенно тех из них, кто имел английское происхождение и воспитывал из русских барышень «настоящих английских леди»⁴⁹), влияние которых так старалась ограничивать власть, с морально-нравственными установками, транслируемыми самим Николаем I и его двором. Ведь и в том, и в другом случае во главу угла ставится «нравственность», «непорочность», «чистота», попытка оградить от возможных «пагубных влияний».

О том, насколько определяющим критерием выбора гувернантки были её морально-нравственные качества, красноречиво свидетельствует и следующий фрагмент переписки между московскими дворянами: «[гувернанток] на примете у нас теперь несколько, но не поверите, как мудрено решить, с первого взгляду все почти нравятся, а о какой пойдешь [допрашивать] обо всех почти узнаешь весьма ненадежные отзывы. Одна М-т Вагнер к нам набивалась и сказала, что жила у [Факлези], мы было обрадовались, а там узнали, что она злая и капризная женщина. Княгиня Гагарина рекомендует одну немку весьма ученую и нравственную...»⁵⁰. Очевидно, важность данного критерия была обусловлена тем, что нравственность гувернантки напрямую влияла на нравственность ее подопечной, но похоже, что не последнюю роль играло и желание семьи взаимодействовать с покладистой (а не «злой» и «капризной») женщиной. Характерно, что данный аспект женского домашнего воспитания беспокоит даже мужчин: «живущая англичанка Рома самова беспокойного нздраву, и поминутные жалобы и ссоры»⁵¹. Очевидно, что данный критерий выбора гувернантки все же был решающим, однако он не был единственным.

Проживая в доме и постоянно взаимодействуя со своей подопечной, гувернантка прививала девочке и другие совершенно необходимые в свете навыки: правильную походку, умение вести себя за столом, навыки светской беседы, безукоризненные манеры и т. д., она же организовывала подопечной досуг, занимаясь с ней рисованием, рукоделием или музенированием.

⁴⁸ «Высочайше утвержденное Положение о домашних наставниках и учителях». [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 04.08.2025).

⁴⁹ Подробнее см.: Солодянкина О.Ю. Указ. соч. С. 40–41.

⁵⁰ ЦГАМ. Ф. 1851. Оп. 1. Д. 103. Л. 1. Орфография источника сохранена.

⁵¹ Волконский Д.М. Дневники. Письма. 1812 год. [Электронный ресурс]. URL: <https://militera.lib.ru/db/1812/02.html> (дата обращения: 04.08.2025)

нием⁵². Впрочем, как уже упоминалось, для занятий музыкой чаще всего приглашался отдельный учитель, который мог быть как приходящим, так и мог постоянно проживать в дворянском доме: «Там съедутся гости; уроки отложены. Девицы вздумают петь романсы – Карл Адамович аккомпанирует; соберутся танцевать – и Карла Адамовича на целый день за фортепьяно: играй французскую кадриль»⁵³, а отдельные навыки, такие как интонирование и голосоведение, барышне могла помогать развивать даже просто музыкально одаренная мать или сестра⁵⁴.

При этом из всего спектра музыкальных занятий, безусловно, самым необходимым было всё же не музенирование, которое воспринималось просто как один из способов организации досуга, а умение танцевать и непринуждённо держаться в свете, ведь этот навык был определяющим для того, чтобы заполучить жениха. «Я никогда не смогу вызвать страстную любовь, я это знаю. С моей внешностью и моей деревенской грацией невозможно очаровывать. Я и сама больше не способна испытывать страсть, но желание выйти замуж по расчету совершенно чуждо мне»⁵⁵, – пишет в своём дневнике Е.А. Соймонова, которая, к слову, так и не выйдет замуж. Весьма показательной в этой связи выглядит также и фраза Л.Н. Толстого, вложенная в уста Андрея Болконского: «... эта девушка так мила, так особенна, что она не протанцует здесь месяца и выйдет замуж...»⁵⁶. Как видим, между умением танцевать и успешным matrimonиональным поведением в рассматриваемый период фактически ставился знак равенства. Но как раз в Москве первой половины XIX в. для этих целей и были организованы уроки танцев при Московском университете благородном пансионе, Императорском Московском университете и Московском коммерческом училище, которые проходили при непосредственном участии уже упомянутого выше П.А. Йогеля и, по сути, не являлись частью собственно домашнего воспитания московских дворянок.

Ещё одним критически важным навыком, который необходимо было начать формировать у дворянской девочки с самого раннего детства, считалось, безусловно, свободное владение французским языком. Ведь в начале XIX в. он прочно входит в российскую дворянскую культуру в качестве основного языка светского общения. При этом характерно отношение к французскому языку именно как к языку «женскому». Безусловно, мужчины благородного происхождения тоже должны были в совершенстве изъясняться и писать по-французски, однако они использовали этот язык именно для общения с дамами. Между собой же, в дружеских, деловых и

⁵² Солодянкина О.Ю. Указ. соч. С. 40.

⁵³ Жукова М.С. Указ. соч.

⁵⁴ См.: Соймонова Е.А. Указ. соч.

⁵⁵ Там же. С. 49.

⁵⁶ Толстой Л.Н. Война и мир. Том второй // Собр. соч. в 22-х т. М., 1980. Т. 5. С. 213.

политических кругах мужчины использовали русский язык⁵⁷. Соответственно, не владея в должной мере языком светского общества, дворянка оказывалась крайне ограничена даже в тех немногих способах влияния на собственную матримониальную судьбу, которые у неё были.

Поэтому для хорошей семьи было важно, чтобы сама «madame» в должной мере владела именно французским языком: «княгиня Гагарина рекомендует одну немку весьма ученую и нравственную, но выговор дурной по французски, кажется, без[детна], а взять однокоже никак нельзя»⁵⁸. Вообще, гувернанток-немок ценили за их аккуратность и пунктуальность, но недостаточный уровень владения французским языком мог оказаться существенным препятствием для получения такой учительницей места именно в дворянском доме, однако немки часто нанимались в дома богатых купцов, где было важно научить девочек не светской учтивости, а умунию экономно и аккуратно вести хозяйство⁵⁹. Что же касается англичанок, приглашение к воспитанию девиц английской мисс или бонны обычно свидетельствовало о более высоких претензиях семьи, ведь автоматически предполагалось, что девочки будут обучены не менее чем двум языкам – английскому и французскому, иногда же в число языков могли входить также и итальянский или немецкий.

Как было показано выше, 1830-е гг. стали временем существенного ужесточения требований к нанимаемым в частные дома иностранцам, до этого же поры их компетенции явно оставляли желать лучшего. Хотя владение иностранным языком воспринималось как нечто само собой разумеющееся для его носителей, видимо, существенные проблемы у гувернеров могла вызывать грамматика и обучение именно письменной речи. Так, многие письма взрослых замужних московских дворянок, написанные по-французски, даже в 1830-е гг. содержат грамматические ошибки⁶⁰, что косвенно свидетельствует о недостаточном уровне компетентности тех гувернёров и гувернанток, которые были доступны московским дворянским семьям в 1810-е – 1820-е гг.

Безусловно, в обучении иностранному языку была особенно важна системность и долгосрочный результат. Так, при удачном стечении обстоятельств дворянская девочка уже к десяти годам свободно владела устной и письменной речью на французском языке, как, например Таша – Н.Н. Гончарова, написавшая брату в своём детском письме стихи на французском языке (предположительно, собственного сочинения)⁶¹. Однако сложности разного рода, заставлявшие семью отказываться от услуг недобросовестных гувернанток, могли существенно сказываться на качестве освоения этого важного навыка.

⁵⁷ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2006. С. 53.

⁵⁸ ЦГАМ. Ф. 1845. Оп.1. Д. 956. Л. 1. Орфография источника сохранена.

⁵⁹ Солодянкина О.Ю. Указ. соч. С. 40.

⁶⁰ См., например: ЦГАМ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 1002; Д. 1860; Ф. 1341. Оп. 1. Д. 783.

⁶¹ Ободовская И., Дементьев М. Указ. соч. С. 36.

Однако если определённый уровень владения языком всё же был достигнут при помощи носителя языка, то, по-видимому, барышня могла далее вполне успешно совершенствовать этот навык самостоятельно посредством чтения книг на французском языке⁶² и разговорной практике со сверстницами – сёстрами, кузинами, подругами.

Итак, начало XIX в. характеризуется бурным развитием женского образования. В данный период женское образование значительно чаще, чем мужское, было домашним. Главные тенденции в домашнем образовании данного периода – распространение института гувернёрства и формирование неких общих представлений о «правильном» воспитании девочек. Главные требования к нему заключались в обучении «манерам», французскому языку и танцам, так как данные навыки были необходимы для успешного замужества. Также в этот период Москва представляет собой довольно специфически культурный регион, имеющий существенные отличия в подходах к женскому образованию. Так, в московской дворянской среде гораздо чаще, чем у других представителей нестоличного дворянства, женское образование не ограничивалось приглашением в дом лишь одной гувернантки для девочки, а могло носить черты некоторой предметной специализации со множеством приходящих учителей. Однако главной фигурой в домашнем образовании девочек все же оставалась гувернантка. Она должна была не столько передавать своей подопечной какие-либо знания, сколько фундаментально прививать ей определенную манеру поведения и ценностные установки. В такой ситуации влияние иностранных воспитательниц на формирование личностей юных дворянок было крайне велико. Это приводит к тому, что при Николае I вводится ряд законодательных мер, направленных на уменьшение влияния иностранных воспитателей на дворянских детей. В связи с этим компетентность гувернёров и гувернанток существенно возрастает.

Список литературы:

1. Белова А.В. Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29–31.
2. Белова А.В. Домашнее воспитание дворянок в первой половине XIX в. // Педагогика. 2001. № 10. С. 68–74.
3. Белова А.В. Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века: «корневое» и «иноzemное» // Женский дискурс в литературном процессе России конца XX века / сост. Т.А. Клименкова, Е.И. Трофимова, Т.Г. Тройнова. М.: ООО «Мощные Компьютерные Технологии», 2002. 168 с. [Электронный ресурс]. URL: https://az.ru/women_cd1/html/belova_b.htm#note40 (дата обращения: 15.05.2025).
4. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 480 с. (Серия «Гендерные исследования»).

⁶² Белова А.В. Домашнее воспитание дворянок... С. 70–71.

5. Болотина М.В. «Российское юношество должно быть воспитываемо... хотя и в домах своих, но всегда в России»: семейное образование в России в первой половине XIX в. // Вестник РУДН. Серия «История России». 2008. № 2. С. 24–31.
6. Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в.. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 329 с.
7. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство – СПб, 2006. – 413 с.
8. Муравьёва О.С. Как воспитывали русского дворянина [Электронный ресурс]. URL: [http://www.booksite.ru/fulltext/mura/vye\(va/](http://www.booksite.ru/fulltext/mura/vye(va/) (дата обращения: 15.06.2025).
9. Ободовская И., Дементьев М. Наталья Николаевна Пушкина: По эпистолярным материалам. М.: Издательство «Советская Россия». 1985. – 368 с.
10. Пушкирева Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М.: Издательство «Ломоносовъ». 2012. – 208 с.
11. Солодянкина О.Ю. Гувернантки в русских дворянских семьях // Вестник РУДН. Серия «История России». 2003. № 2. С. 38–44.
12. Ткаченко О.В. Соймоновы и их окружение // Соймонова Е.А. Дневники. Московское общество в 1833–1835 гг. /сост., вступ. ст., comment. О.В. Ткаченко; пер. А.В. Лазурского. М.: «Кучково поле». 2023. С. 5–29.

Об авторе:

ЛИСИЦЫНА Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, Тверь, ул. Ул. Трёхсвятская, 16/31); e-mail: olglisitsyna@yandex.ru

Women’s Home Education in the First Half of the 19th Century (based on the Example of the Moscow Nobility)

O.I. Lisitsyna

The Tver State University, *Tver, Russia*

The article describes the women's home education of the first half of the 19th century on the example of Moscow, a region that had significant cultural characteristics during this period. It highlights the main features of the home education of the Moscow nobility and the reasons for its uniqueness. Based on various sources, the article identifies the main agents of home education and the role of mothers in it. Additionally, it provides a thorough analysis of the phenomenon of foreign governesses and their role in the upbringing and education of young women. The article identifies the skills and abilities that were considered most important for girls and evaluates their significance in the context of the values of the Moscow nobility. Additionally, it highlights the legislative measures that regulated home education in the first half of the 19th century.

Keywords: women's education, home education, Moscow nobility, governesses.

About the author:

LISITSYNA Ol'ga Igorevna – the Candidate of History, The Dept of General History, the Tver State University (16/31, Trekhsvyatskaya Street, Tver, 170100, Russia); e-mail: olglisitsyna@yandex.ru

References:

- Belova A.V. *Bez roditel'skogo popecheniya: provincial'nye dvoryanki v stolichnyh institutah*, Rodina, 2001, № 9, S. 29–31.
- Belova A.V. *Domashnee vospitanie dvoryanok v pervoj polovine XIX v.*, Pedagogika, 2001, № 10, S. 68–74.
- Belova A.V. *Domashnee vospitanie russkoj provincial'noj dvoryanki konca XVIII – pervoj poloviny XIX veka: «kornevoe» i «inozemnoe»*, Zhenskij diskurs v literaturnom processe Rossii konca XX veka / sost. T.A. Klimenkova, E.I. Trofimova, T.G. Trojnova, M., OOO «Moshchnye Komp'yuternye Tekhnologii», 2002. 168 s. [Elektronnyj resurs]. URL: https://az.ru/women_cd1/html/belova_b.htm#note40 (data obrashcheniya: 15.08.2025).
- Belova A.V. «*Chetyre vozrasta zhenshchiny*»: *Povsednevная zhizn' russkoj provincial'noj dvoryanki XVIII – serediny XIX v.* SPb., Aleteja, 2010. 480 s. (Seriya «Genderные issledovaniya»).
- Bolotina M.V. «*Rossijskoe yunostestvo dolzhno byt' vospityvaemo... hotya i v domah svoih, no vsegda v Rossii*»: *semejnoe obrazovanie v Rossii v pervoj polovine XIX v.*, Vestnik RUDN, Seriya «Istoriya Rossii», 2008, № 2, S. 24–31.
- Zaharova O.Yu. *Svetskie ceremonialy v Rossii XVIII – nachala XX v.* M.: ZAO Cen-trpoligraf, 2003. – 329 s.
- Lotman Yu.M. *Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)*. SPb.: Iskusstvo – SPb, 2006. – 413 s.
- Murav'yova O.S. Kak vospityvali russkogo dvoryanina [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/mura/vye/va/> (data obrashcheniya: 15.08.2025).
- Obodovskaya I., Dement'ev M. *Natal'ya Nikolaevna Pushkina: Po epistolyarnym materialam*. M.: Izdatel'stvo «Sovetskaya Rossiya». 1985. – 368 s.
- Pushkareva N.L. *Chastnaya zhizn' russkoj zhenshchiny XVIII veka*. M.: Izdatel'stvo «Lomonosov». 2012. – 208 s.
- Solodyankina O.Yu. *Guvernantki v russkih dvoryanskikh sem'yah*, Vestnik RUDN, Seriya «Istoriya Rossii», 2003, № 2, S. 38–44.
- Tkachenko O.V. *Sojmonovy i ih okruzhenie // Sojmonova E.A., Dnevnik. Moskovskoe obshchestvo v 1833–1835 gg.* /sost., vstup. st., komment. O.V. Tkachenko; per. A.V. Lazurskogo. M.: «Kuchkovo pole». 2023. S. 5–29.

Статья поступила в редакцию 27.06.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

УДК 93/94; 371.233; 371.235, 371.239
DOI 10.26456/vthistory/2025.3.066–080

Повседневная жизнь гимназисток российской провинции в 1860-е гг. (на материалах Смоленской губернии)¹

Н.А. Мицюк

ФГБУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Россия

На основе исследования документов Государственного архива Смоленской области представлена организация повседневной жизни женских гимназий российской провинции в период с 1860-х гг. по 1918 г. Масштабное открытие гимназических классов, ставших важными социокультурными центрами в губернских и уездных городах, происходило в 1910-х гг. Существенный рост учениц демонстрировал значимые изменения во взглядах на женские роли в обществе. Развитие навыков социальной коммуникации, милосердия, эстетических качеств реализовывалось за счет организации спектаклей, музыкальных вечеров, совместных экскурсий, прогулок, вовлечения в благотворительные акции. Гимназистки активно включались в общественно-политическую жизнь начала XX в. Первая мировая война вызвала патриотический подъем и живой отклик среди них.

Ключевые слова: женская повседневность, история женского образования, повседневность гимназисток, Смоленская Мариинская женская гимназия, история благотворительности, медицинская служба гимназий, Первая мировая война.

Российская женская школа с середины XIX в. находилась в центре происходивших в стране социально-политических, социально-экономических и культурных трансформаций. За несколько десятилетий выстроилась многоуровневая система женского образования. Особое значение имели женские гимназии, которые были основаны повсеместно – в губернских и уездных городах, являясь не только образовательными учреждениями, но и важными социокультурными центрами в регионе. Они вносили вклад в формирование городской среды, являясь сосредоточением интеллектуальных ресурсов, инициативных проектов, благотворительного и меценатского движения.

¹ Текст подготовлен в рамках проекта РНФ «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия» (№ 24-18-00212).

В последние несколько десятилетий появилось значительное количество работ о дореволюционном женском образовании, что во многом обусловлено развитием женских исследований и истории повседневности². Историки обращаются к изучению различных сюжетов: реформы в области женского просвещения, уровни женского образования³, женские гимназии, епархиальные училища, пансионы, институты⁴, воспитательный⁵, педагогический процессы, бюджет учреждений⁶. Хорошо сохранившиеся архивные фонды училищных ведомств, отдельных женских гимназий и прогимназий позволяют в ярких красках презентировать повседневную жизнь рядовой провинциальной гимназии⁷.

Цель данной публикации как раз состоит в том, чтобы, привлекая разнородные по характеру источники, воссоздать структуры женского (девичьего) повседневного мира, области смыслов, особенностей социальных взаимодействий, возникавших в конкретном уголке российской провинции – в женских гимназиях Смоленской губернии с 1860-х по 1918 г. Эти процессы были типичными для регионов России, в связи с чем, используя микроисторический подход, вполне можно изучать макроисторические процессы трансформации российской образовательной системы дореволюционной России. Основу эмпирической базы исследования составили материалы Государственного архива Смоленской области, среди которых делопроизводственные документы, личная и деловая переписка, всевозможные юридические и финансовые документы. Наиболее ценными оказались фонд канцелярии губернатора (Ф. 1), фонд училищного ведомства (Ф. 45), фонды гимназий (Ф. 829, 579, 819, 80, 55, 54). Были использованы визуаль-

² Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97; Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сб. статей / ред. Н.Л. Пушкирева. М., 2013.

³ Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф. Среднее женское образование в России. М., 2009; Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. М., 2009.

⁴ Белова А.В. Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29–31; Ее же. Женское институтское образование в России // Педагогика. 2002. № 9. С. 76–83.

⁵ Белова А.В. Домашнее воспитание дворянок в первой половине XIX в. // Педагогика. 2001. № 10. С. 68–74.

⁶ Христофорова Н.В. Российские гимназии XVIII–XX вв.: на материале г. Москвы. М., 2002; Рыболова Е.А. История женских гимназий в России во 2-й пол. XIX в.– нач. XX в. (по материалам Московского учебного округа): автореф дис. ... канд. ист. наук. Москва. 2004; Цыганова А.В. Женское образование в Твери во 2-й пол. XIX – нач. XX в. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2020. № 3 (55). С. 157–170; Буслеева О.С. Становление и развитие женских гимназий в России в 1870-х гг. – феврале 1917 г. (на материалах Владимирской и Костромской губерний). Иваново, 2022.

⁷ Борисов С. Дворянки, гимназистки, красавицы! Чему и как учили в дореволюционных женских гимназиях // Родина. 2021. № 3. С. 102–105; Архангельская Л.В. Женские гимназии в годы Первой мировой войны (на примере Пермской губернии) // Вестник Пермского университета. История. 2016. № 2 (33). С. 70–78.

ные образы (фотографии учениц, классов, общежитий), а также материалы периодической печати, прежде всего газеты «Смоленский вестник» и отчеты земских собраний и городских дум.

Формирование сети женского гимназического образования в российских регионах. Началом становления системы среднего (гимназического) государственного женского образования в России принято считать конец 1850-х – начало 1860-х гг., хотя эти идеи обсуждались с 1820-х гг. как на государственном, так и региональном уровнях⁸. Ключевым событием в истории женского образования стало принятие «Положения о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения» 30 мая 1858 г. и 10 мая 1860 г.⁹ По утвержденным положениям государственные средние женские учебные заведения (I или II разрядов с трёх- и шестилетним сроком обучения соответственно) должны были открываться в каждом губернском и уездном городе¹⁰.

По аналогии с мужскими гимназиями, при женских училищах действовали попечительский и педагогический советы¹¹. В связи с тем, что на функционирование женских училищ не выделялось государственных средств, их существование зависело от общественных пожертвований, поиск финансирования лежал на плечах авторитетного состава попечительского совета. Педагогические советы должны были возглавить женщины, впервые получив возможность официально заниматься административной и руководящей работой. Открытие женских училищ в регионах во многом зависело от инициативности и активности местного общества, а также от его благосостояния. В связи с нехваткой финансирования в течение 1859–1865 гг. в Смоленской губернии были открыты женские училища лишь в Смоленске, Дорогобуже, Белом, Вязьме, Рославле.

24 мая 1870 г. было принято «Положение о женских гимназиях и прогимназиях МНП»¹². Введённое положение изменяло организационную и учебную структуру женских учебных заведений, предоставив попечительским советам больше функций. В их состав разрешили избирать женщин, «которые на деле докажут желание содействовать улучшению материального положения училища»¹³, а также была усиlena программа преподаваемых предметов. Женские училища постепенно стали преобразовываться в гимназии или прогимназии. Согласно положению, на частичное

⁸ Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО). Ф. 45. Оп. 1. Д. 208. Л. 1–1 об.

⁹ Женские гимназии и прогимназии МНП (1858–1905 гг.). СПб., 1905; Полное собрание законодательства Российской империи (далее ПСЗРИ). Т. XXXIII. № 33221. Положение о женских училищах ведомства МНП. 30 мая 1858. С. 689–691; ПСЗРИ. Т. XXXV. № 35780. Положение о женских училищах ведомства МНП. 10 мая 1860. С. 532–535.

¹⁰ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2132. Л. 12–13; Д. 1953.

¹¹ Там же. Ф. 1. Оп. 5. Д. 59. Л. 2.

¹² ПСЗРИ. Т. XXXIV. № 48406. Устав о женских гимназиях и прогимназиях. 24 мая. 1874. С. 701–710.

¹³ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2132. Л. 13об.

содержание гимназий и прогимназий государство впервые в истории женского образования стало выделять денежные средства (не более 2000 р. на гимназии и 1000 р. на прогимназии).

К началу XX в. в Смоленской губернии числилось только три женские гимназии (в Смоленске, Вязьме, Белом) и 12 прогимназий. Массовый перевод прогимназий в гимназии наблюдался в 1910-е гг. Женское гимназическое образование в Смоленской губернии обогнало по количеству гимназий и учащихся в них мужские гимназии. К 1917 г. в губернии насчитывалось 17 женских гимназий. В некоторых городах были открыты по две гимназии (в Смоленске и Вязьме). Помимо государственных, функционировали частные гимназии (Е.И. Ровинской и Е.Г. Швиттау в Смоленске), что свидетельствовало о высоком спросе на женское образование. Зачастую гимназии получали особое наименование, называясь в честь значимой личности: самого царя или членов его семьи (Гжатская Александровская женская гимназия, Вяземская женская гимназия под покровительством императрицы Александры Федоровны), ведомства императрицы Марии (Смоленская Мариинская женская гимназия), местных благотворителей и меценатов (Юхновская женская гимназия им. княгини Терезы Петровны Ольденбургской герцогини Лейхтенбергской, Рославльская женская гимназия Мухиных).

В целом в начале XX в. окончательно оформилась структура женского гимназического образования. Отдельной страницей в истории гимназий являлась организация повседневной жизни воспитанниц.

Повседневная жизнь провинциальных женских гимназий. Поступление. Дореволюционные гимназии включали в себя VII основных классов, а также VIII дополнительный педагогический класс. Прогимназии не имели строгого количества классов¹⁴. При гимназиях могли находиться «приготовительные классы» и начальные школы. Требования для поступления в гимназии и прогимназии с каждым годом усложнялись, не все желающие их выдерживали. В 1870–1880-х гг. для принятия в 1-й гимназический и прогимназический классы необходимо было обладать начальными познаниями по русскому языку, по арифметике – «счет до 100 и решение легких задач на все четыре действия, в пределах 20»¹⁵.

Система дореволюционного гимназического образования была устроена таким образом, что желающие девочки могли поступить в любой класс при условии успешной сдачи вступительных экзаменов. Среди состоятельных семей было распространено домашнее начальное обучение, затем девочки поступали в гимназические классы. Среди учениц гимназий I–III классов редко встречались девочки из дворянских семей, они в основном поступали в IV класс, преобладая в VII и VIII классах. Сословный состав гимназий губернии не был одинаков. В 1-й и 2-й Смоленских женских

¹⁴ Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1870–1903 гг. / сост. Д. Кузьменко. Смоленск, 1904. С. 4.

¹⁵ ГАСО Вяземский фонд (далее – ГАСО ВФ). Ф. 55. Св. 1. Д. 1.

гимназиях, частных женских гимназиях преобладали дети состоятельных родителей, дворянства и купечества, в то время как в уездных гимназиях – девочки из городского сословия.

В государственных гимназиях обязательным для гимназисток было ношение форменной одежды – коричневых платьев с высоким воротником и фартуками (черными в учебные дни, белыми – в праздничные). Парадная форма дополнялась белым отложным воротником. Специально для учениц Смоленской Мариинской женской гимназии был разработан особый нагрудный знак отличия, символизировавший принадлежность учениц к ведущей гимназии губернии. Знак представлял собой пересечение букв «М» и «Г», что означало «Мариинская гимназия». Циркуляром МНП от 28 февраля 1900 г. учителяницам, служившим в женских гимназиях и прогимназиях МНП, было предписано ношение форменной одежды. Их гардероб должен был состоять исключительно из платьев синего цвета.

Общежития. Одним из уязвимых мест в организации гимназического быта было отсутствие общежитий для иногородних учениц. К началу XX в. около 40 % учениц Смоленских женских гимназий были иногородними¹⁶. Иногородние ученицы проживали у родственников либо снимали квартиры. Аренда квартиры была затратным и хлопотным делом. Руководство гимназий вело постоянный надзор за содержателями квартир и их нравственными качествами. Зачастую начальницы, инспектируя съемные квартиры, признавали их «неудовлетворительное состояние», что требовало переселения девочек. Среди педагогического состава гимназий распространенным явлением было сдача своих комнат ученицам. Новой формой сдачи квартир для обучающихся стали так называемые «ученические квартиры», содержательницы которых одновременно предоставляли «пищу, движения, игры и отдых, соответствующие требованиям гигиены»¹⁷.

В 1884 г. Смоленским благотворительным обществом, среди членов которого значилось немало именитых особ, был проведён успешный эксперимент по устройству небольшого общежития для иногородних учениц смоленских гимназий¹⁸. В «общей квартире для гимназисток» разместилось 19 воспитанниц, 17 из которых происходили из дворянского сословия. Девочки находились под присмотром общества. В начале XX в. подобные общежития стали открываться и в других гимназиях. Следует отметить, что гимназисткам значительную помощь в преодолении материальных затруднений оказывали различные благотворительные общества и организации губернии. К началу века практически в каждом уездном городе функционировало общество, в целях которого значилось «вспомоществование

¹⁶ Журналы 30 очередного Смоленского уездного земского собрания 1894 г. Смоленск, 1895. С. 104; Журналы 39 очередного СГЗС 1902 г. Смоленск, 1903. С. 32–34.

¹⁷ Объявления // Смоленский вестник. 1882. № 83. С. 4.

¹⁸ Журналы 20 очередного Смоленского уездного земского собрания 1885 г. Смоленск, 1885. С. 459.

ученикам мужских и женских гимназий»¹⁹. Члены общества освобождали от платы особо нуждавшихся учениц, устраивали обеды для воспитанниц, снабжали их одеждой и обувью, выделяли «дорожные деньги», определяли ученические стипендии и др. Помогать учащейся молодёжи становилось добной традицией в среде провинциального общества.

Образовательный процесс: предметы и расписание. Учебный процесс в женских гимназиях и прогимназиях постоянно совершенствовался. При разработке тех или иных нововведений министерство народного просвещения часто входило в переписку с начальницами женских учебных заведений. Все предметы гимназического курса делились на обязательные и необязательные. В круг обязательных предметов гимназии включались закон Божий, русский язык, арифметика и основы геометрии (в VIII классе тригонометрия и теоретическая арифметика), всеобщая и русская география, всеобщая и русская история, основы физики и естествознания, чистописание, рукоделие, гимнастика²⁰. Обязательными предметами прогимназии являлись: закон Божий, русский язык, в сокращённом объёме русская история и география, арифметика, чистописание, рукоделие. К необязательным предметам гимназии и прогимназии причислялись иностранные языки (французский, немецкий), рисование, музыка, пение, танцы, латинский и греческие языки, педагогика²¹. За все предметы сверх обязательных ученицы должны были вносить особую плату. К примеру, в губернских гимназиях плата составила 30 руб в приготовительном классе, в I–VI классах – 40 руб, в V–VII – 50 руб. В связи с инфляцией ежегодно плата за обучение повышалась, поднявшись к 1911 году на 8 руб соответственно. Обучение было шестидневным, уроки длились 50 минут, заканчиваясь в 13 часов 45 минут.

В министерстве народного просвещения на протяжении второй половины XIX – начала XX в. проходили дискуссии о расширении курса предметов в женских гимназиях, благодаря чему появились дисциплины физика, педагогика, гигиена, гимнастика, литература, основы методики преподавания, космография. Обсуждался вопрос о введении курса природоведения, черчения, латинского языка.

Согласно утвержденному циркуляру министерства от 1901 г., в женских гимназиях Московского учебного округа разрешалось вводить преподавание закона Божьего «иноверческих вероисповеданий». Например, во 2-й Смоленской женской гимназии закон Божий в начале XX в. преподавался с позиции православия, католицизма, протестантизма. Преподавателями выступали приверженцы соответствующих ветвей христианства. Толе-

¹⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 148. Л. 11; Благотворительность и благотворительные учреждения в городе Вязьма. // Смоленский вестник. 1893. № 68. С. 3; Вязьма // Смоленский вестник. 1900. № 62. С. 2–3.

²⁰ ГАСО ВФ. Ф. 55. Св. 1. Д. 14.

²¹ Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1870–1903гг. / сост. Д. Кузьменко. Смоленск, 1904.

рантное отношение к вероисповеданию касалось исключительно христианства, другие религии не брались в расчёт.

С целью углубления патриотических чувств для младших учениц вводился курс «родиноведения». В течение года ученицам устраивались научные чтения с туманными картинками, «литературные утра», совместные прогулки и экскурсии по городу.

В гимназическом женском образовании впервые прослеживалась преемственность обучения. После окончания прогимназии, которая включала в себя как минимум три класса, выпускницы без экзаменов могли поступить в четвёртый класс женских гимназий. По завершении обязательного курса гимназии (VII классов) ученицы получали звание «первоначальных учительниц и учительниц народных училищ». После окончания VIII педагогического класса воспитанницы приобретали звание домашних учительниц; при наличии медали – домашних наставниц. Ученицы педагогического класса самостоятельно проводили «пробные уроки» в младших классах. В конспекте урока математики для I класса, составленном Лидией Назаревской и Надеждой Крыловой, расписаны все детали урока и поведения учителя: «Я войду в класс, вызову ученицу к доске, вызванная ученица записывает условия на доске, а остальные ученицы в тетради...», «Я спрошу, мне ответят верно», «Девочки, может быть, ответят, но не так точно», «Если они мне не ответят, то я скажу...»²².

Экзамены: переводные и выпускные. Переход из класса в класс сопровождался переводными экзаменами. Экзамены проводились в письменной и устной формах. В конце XIX в. было принято решение отказаться от переводных экзаменов²³ по причине того, что они вредят здоровью учениц и часто не отражают объективных результатов. Важным условием перехода в следующий класс было наличие положительных оценок за предметы. Если ученица имела оценку 2 более чем по двум предметам, по решению педсовета, утверждённому попечителем Московского учебного округа, её оставляли на повторный курс.

По окончании курса гимназистки сдавали выпускные экзамены. Экзамены проводились в условиях строжайшей дисциплины. Во время написания девочками письменных работ в здании гимназии не должно было быть посторонних. Возле экзаменационной комнаты, на лестницах, ведущих к ней, дежурили педагоги и надзирательницы. Ниже представлены варианты тем письменных работ за 1914–1915 гг. для VIII класса по некоторым предметам.

По первоначальному преподаванию русского языка:

1. Что нужно понимать под терминами: «быть грамотным и уметь читать»?
2. «Составление урока по картинке».

²² ГАСО ВФ. Ф. 55. Св. 1. Д. 1.

²³ Исторический очерк и отчет о деятельности Педагогического и Попечительского Советов Смоленской 2-й женской гимназии. 1886–1911 / сост. И.В. Федоров, В.А. Кестнер. Смоленск, 1911. С. 17.

По первоначальному преподаванию арифметики:

1. Цель преподавания арифметики в начальной школе России.
2. Обращение периодических дробей в обычные.

По педагогике и дидактике:

I. 1. Доводы сторонников классического образования в пользу их системы образования.

2. Образование характера (что такое характер).

3. Третья ступень развития самосознания.

II. 1. Осязательные ощущения и их деление на классы.

2. Перечисление тех видов и систем обучения, на которые обращено внимание в дидактике. Изложение достоинств домашнего обучения.

3. Нравственное воспитание по Коменскому и Локкю.

По истории:

Билет №1.

1. Землевладение во время удельной Руси.

2. Отношение Киевского вече к великокняжескому.

3. Взгляды историков на происхождение варягов Руси.

Билет №5.

1. Фабричная и заводская промышленность с Петра I и до Александра III и ее влияние на вопросы раскрепощения крестьян.

2. Отношение России к Кавказу (причины, поводы, результаты).

3. Указы о престолонаследии в России в XVIII в.

Ученицы, показавшие отличные успехи в обучении, награждались медалями. Было предусмотрено ограничение в поощрении учениц: не более двух золотых и трёх серебряных медалей для каждого выпуска. Отличившимся ученицам вручали похвальные листы и книги. Однако с 1905 г. в ряде гимназий было принято решение отказаться от этой меры для учениц, которые не являлись выпускницами, а переходили из класса в класс. Учителя считали, что предоставляемые награды портят учениц, так как вводят в их жизнь нездоровое соперничество, многие из получивших награды становятся чрезсчур высокомерными, а другие, напротив, замыкаются. О значимости окончания «годичных актов» в социокультурной жизни губернского города свидетельствовал состав участников торжеств, на которых присутствовали начальник губернии, епископ, ректор семинарии, директор гимназии, попечители учебных заведений, педагогический персонал и родители учениц. По окончании торжественных церемоний для учениц гимназии устраивались танцы, которые продолжались до утра.

Каникулы. На время каникул ученицам предоставлялись задания по предметам. Задания могли быть дифференцированными, слабым ученицам задавались дополнительные упражнения на лето. Особое внимание обращалось на чтение литературных произведений, список которых утверждался на педагогическом совете. Кроме этого, ученицы должны были решить немало математических упражнений. В качестве примера – темы для кани-

кулярных работ по русскому языку, чтению и истории для учениц IV–VI классов (в среднем ученицам по 11–15 лет) в 1915 г.²⁴

Каникулярные работы по русскому языку для IV класса:

1. Повторить свод правил о знаках препинания.
2. 25 объяснительных диктантов, не более 10–12 страниц каждый.
3. 10 проверочных диктантов, не более 15 страниц каждый.

Темы для чтения V класса:

1. Прочитать комедию Фонвизина «Недоросль».
2. Составить характеристику Митрофана.
3. Составить краткий конспект (для каждой отдельной сцены) драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов».

4. Написать сочинение «Как я провел день 29 июня 1915 г.».

Темы для чтения VI класса:

1. Прочесть по учебнику и составить краткий конспект следующих статей: «Умственные и литературные течения в Екатеринскую эпоху»; «Наказ, Педагогические сочинения Екатерины II», «Новиков. Сатирические журналы».
2. Написать сочинение на тему «Как я воспользовалась летними каникулами».

Забота о здоровье воспитанниц. С начала XX в. министерство народного просвещения стало обращать особое внимание на заботу о здоровье учеников. В стенах женских гимназий зарождалась медицинская служба. В учебных заведениях вводились должности врачей, в ряде гимназий работали дантисты. Каждая гимназия должна была иметь особую комнату для врачебного осмотра, а также лазарет для заболевших учениц. В связи с возникшими резонансными случаями в России по поводу осмотра воспитанниц врачами-мужчинами, а также с возмущениями родителей фактом обнажения девочек при осмотре, министерство в 1908 г. указало принимать на должность врачей по возможности женщин. Результаты врачебных осмотров вносились в особый журнал, где фиксировалось состояние здоровья воспитанниц. Среди отклонений в развитии и состоянии здоровья учениц наиболее часто встречались недостаточное питание, близорукость, искривление позвоночника, частые головные боли.

Нередко врачи выступали с критикой модных тенденций в одежде и обуви воспитанниц, плохо влияющих на здоровье. В своем отчете доктор Сычевской женской гимназии В.Д. Позднеев писал: «Находя, что высокие каблуки негигиеничны, неудобны, ибо мешают правильному росту неразвившейся ноги, препятствуя правильной циркуляции крови»²⁵. Педагогический совет принудил всех учениц носить низкие каблуки.

Улучшить здоровье детей были призваны новые предметы, введённые в курс обучения в начале XX в. Ученицы должны были регулярно заниматься гимнастикой. Большой редкостью считались квалифицированные

²⁴ ГАСО ВФ. Ф. 55. Св. 1. Д. 14.

²⁵ Там же. Д. 5.

педагоги по этой специальности. Появился курс гигиены, который зачастую читал гимназический врач. Для укрепления детского здоровья министерство народного просвещения предписало всем гимназиям организовывать для учениц «теплые завтраки и чаепития», а также указывало на возможность организации катаний на коньках, гребли в летнее время.

Воспитательный процесс и дисциплина. Большое значение в гимназиях уделялось воспитательному процессу и дисциплине. За поведением учениц наблюдали классные дамы и надзирательницы. В особые журналы вносились оценки за поведение и сведения о проступках учениц, среди часто встречавшихся – опоздания на урок, неаккуратность в одежде, письме, «невыдержанность». К провинившимся применялся широкий спектр гуманных по характеру наказаний, главная цель которых состояла в раскаянии и осознании своей вины. Наиболее распространенными наказаниями были одиночное сидение учениц в классе, «выговор классных преподавателей со внесением в штрафной журнал», оставление в учебном заведении на 1 час с уведомлением родителей, выговор от педагогического совета²⁶. Выговор осуществлялся в разных формах: перед учителями в учительской комнате, в присутствии одноклассниц или же в присутствии надзирательницы. При этом ученицы должны были сказать слова в свое оправдание и обещать «впредь не повторять поступков, подвергшихся осуждению».

Большой популярностью среди гимназисток пользовались литературно-музыкальные вечера. С особой трогательностью проходили литературные вечера в честь писателей Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, поэтов А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, С.Я. Надсона²⁷. Многие из вечеров носили благотворительный характер.

Особое внимание уделялось эстетическому развитию воспитанниц. Регулярно проводились театрализованные представления, вечера, совместные чтения, спектакли. Собранные средства с мероприятий переводились в пользу бедных учениц гимназии, учеников мужских учебных заведений, народных школ, раненых на фронте. Сборы были не малыми. В феврале 1907 г. проводившийся в губернской гимназии спектакль в пользу беднейших учениц собрал 553 р. 6 к.²⁸ Данная сумма могла быть годовым жалованием педагога гимназии.

В начале XX в. популярной формой внеклассной деятельности стали экскурсии, цель которых могла быть различной: познавательной, развивающей, собирательной, рекреационной. Одной из наиболее ярких экскурсий для гимназисток г. Вязьмы стала поездка в Крым в 1910 г. После окончания летних экзаменов 32 ученицы, сопровождаемые педагогами и некоторыми родителями, направились в длительное путешествие в специальном вагоне поезда.

В гимназии приглашались художники, хореографы, которые давали всем желающим мастер-классы. В губернских гимназиях устраивались

²⁶ ГАСО ВФ. Ф. 55. Св. 1. Д. 3.

²⁷ Пушкинская выставка. Вторая женская гимназия. Смоленск, 1912. С. 3.

²⁸ Городские новости // Смоленская газета. 1907. № 40. С. 2.

вернисажи ученических работ. Ежегодно по инициативе губернатора проводился бал для учащихся средних учебных заведений. Это исключительное по характеру публичное мероприятие, где могли встретиться представители мужских и женских гимназий.

Оригинальным мероприятием, введённым учителями Сычевской прогимназии, были «топографические прогулки»²⁹. Они состояли в осмотре наиболее интересных мест города, его памятников, ландшафта.

Участие гимназисток в общественно-политической жизни. Гимназистки и их педагоги не могли оставаться в стороне от происходивших в стране социально-политических процессов. Активизация провинциальной молодежи в общественно-политической жизни и попытки со стороны властей сдерживать эти увлечения оказывали влияние на повседневную жизнь обитателей учебных заведений. В 1880-х гг. из министерства народного просвещения по всем учебным заведениям распространялись циркуляры, призывающие брать подписки с учеников и учениц о невступлении в какие-либо общества³⁰. С начала XX в., в связи с ростом радикальных настроений молодежи, среди предписаний министерство всё чаще указывалось на необходимость вести негласный внеучебный надзор за учениками и ученицами гимназий и прогимназий³¹. Руководство женских гимназий без восторга воспринимало министерские предложения, зачастую они отказывались проводить внешкольный надзор, ссылаясь на отсутствие штатных единиц и средств на оплату их деятельности. Совет Смоленской прогимназии указывал на невозможность осуществлять надзор в каникулярное время, в связи с тем, что ученицы не носят школьной формы.

Первая русская революция 1905–1907 гг. способствовала росту нонконформистских настроений среди гимназисток и отчуждённости между преподавателями и воспитанницами. В отчётах гимназий не раз приводились примеры дерзости не только старшеклассниц, но и учениц средних классов гимназий. Гимназистки всё чаще попадали в сводки полиции. В частности, в одном из секретных донесений органов полиции Смоленска от 7 марта 1908 г. сообщалось о том, что гимназистки были замечены в составе тех, кто собирался «за городом под видом семейного вечера». Произведённый обыск показал «революционные настроения присутствующих»³². На педагогическом совете Рославльской женской гимназии в 1908 г. активно обсуждались вопросы внеучебного контроля жизни воспитанниц. Во многом данный факт объяснялся участвовавшими слухами о присутствии учениц на тайных молодёжных собраниях³³. Нарушивших установленные правила ждало исключение из гимназии. Появление учениц на улице в вечернее время было затруднено (после 6 часов вечера зимой и 9 часов вечера летом они не могли появ-

²⁹ ГАСО ВФ. Ф. 55. Св. 1. Д. 1.

³⁰ ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 227. Л. 2

³¹ Там же. Ф. 829. Оп. 1. Д. 34.

³² О незаконном собрании / из документального фонда Музея-Заповедника г. Смоленска. ВС 37 34/5. Л. 1

³³ ГАСО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 52.

ляться без сопровождения родителей), был введён запрет на посещение культурно-развлекательных мероприятий без разрешения начальства. Вводился запрет на оставление гимназии ученицами в учебное время.

Смоленская жандармерия отмечала, что к 1915 г. в мужских и женских гимназиях были организованы 20 кружков самообразования, заседания которых проводились, как правило, на частных квартирах, за чертой города.

Напряжённая обстановка всеобщего надзора и контроля, революционные потрясения в стране оказывали существенное влияние на детскую психику. Врачи гимназий фиксировали участившиеся случаи нервных срывов учениц: «Истерические припадки, усилившиеся особенно за последнее время среди учениц гимназии, имеют вредное влияние на здоровых учениц и мешают правильному течению занятий»³⁴. Ни врачи, ни педагоги не знали, что делать с такими ученицами. В итоге совет гимназии постановил отправлять таких учениц домой до тех пор, пока те не оправятся.

Первая мировая война также внесла существенные корректизы в повседневную жизнь женских провинциальных гимназий. Педагоги, ученицы гимназий проявили активное участие в организации помощи раненым и солдатам, собирая деньги, провиант, одежду, продукты, организуя пошив одежды³⁵. В прессе регулярно публиковались благодарности от военных: «С глубоким чувством и радостью были получены Ваши подарки нижним чинам, за которые шлют сердечное спасибо 2-й Смоленской женской гимназии»³⁶. В зданиях гимназий Смоленска, Вязьмы, Рославля были размещены госпитали и лазареты для больных и раненых³⁷. Под руководством учительниц осуществлялся пошив одежды, которая направлялась на фронт. Осуществлялись регулярные благотворительные сборы средств, одежды, продуктов. Гимназистки были среди тех, кто принимал активное участие во встрече раненых воинов, многие из выпускниц становились сестрами милосердия и направлялись на фронт. Распространённой практикой стали сборы средств на открытие «именных коек» для раненых в лазаратах³⁸.

Ввиду военного времени продолжительность учебных занятий сокращалась. Резко уменьшился бюджет гимназий, попечительные советы в условиях социально-экономического кризиса не могли обеспечивать сбор пожертвований. К 1914 г. плата за обучение значительно возросла, составив 25–80 руб в зависимости от класса. Педагогический совет, родительские общества обращали особое внимание на семейное положение учениц, освобождая от оплаты тех, чьи семьи едва сводили концы с концами³⁹. В августе

³⁴ Исторический очерк и отчет о деятельности Педагогического и Попечительского Советов Смоленской 2-й женской гимназии. 1886–1911 / сост. И.В. Федоров, В.А. Кестнер. Смоленск. 1911. С. 62.

³⁵ Алексеева А. Пожертвования // Смоленский вестник. 1914. № 256. С. 3.

³⁶ Благодарность // Смоленский вестник. 1914. № 313. С. 2.

³⁷ Лазареты в Смоленской губернии // Смоленский вестник. 1914. № 254. С. 3.

³⁸ От Смоленской общины сестер милосердия Красного Креста // Смоленский вестник. 1914. № 201. С. 3.

³⁹ ГАСО ВФ. Ф. 55. Св. 1. Д. 14.

1915 г. в губернии была образована окружная педагогическая комиссия для оказания педагогической помощи детям лиц, принимающих участие в войне.

Школьные отметки переставали иметь значение. В 1916 г. в ряде гимназий губернии происходил отказ от балльной системы оценок, учителя переходили на оценку знаний терминами «успевает» (У) и «не успевает» (НУ).

Гимназический набор 1917–1918 гг. явился последним. Принятый декрет «Об объединении учебных и общеобразовательных учреждений всех ведомств в ведомстве Народного комиссариата по просвещению» от 30 мая 1918 г. поставил точку в истории дореволюционной системы женского образования. Гимназии были расформированы, а вскоре повсеместно преобразованы в советские школы и училища.

Таким образом, в развитии среднего (гимназического) женского образования в Смоленской губернии можно выделить три основных периода. Первый период – 1860-е гг., он связан с появлением женских училищ министерства народного просвещения I и II разрядов. Второй этап приходился на 1870–1880-е гг., когда в массовом порядке женские училища преобразовывались в прогимназии. Третий этап, с 1900 по 1910 гг., характеризовался открытием гимназических классов и расширением курса преподаваемых предметов. Пространство женских гимназий являлось важным центром социокультурной жизни российской провинции. Учебный процесс отличался основательной организацией. Гимназистки получали фундаментальное образование, проводились эксперименты с введением новых предметов. Организация педагогического класса давала возможность получения профессиональных навыков и дальнейшего трудоустройства. Серьёзное внимание уделялось воспитанию гуманизма, патриотизма, сострадания и эстетических качеств у воспитанниц. Существовал индивидуализированный подход к ученицам, значительную роль в оказании финансовой помощи бедным ученицам играли многочисленные благотворительные общества. Гимназистки были чрезвычайно восприимчивы к общественно-политическим и социальным процессам, происходившим в стране.

Список литературы:

1. Архангельская Л.В. Женские гимназии в годы Первой мировой войны (на примере Пермской губернии) // Вестник Пермского университета. История. 2016. № 2 (33). С. 70–78.
2. Белова А.В. Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29–31.
3. Белова А.В. Домашнее воспитание дворянок в первой половине XIX в. // Педагогика. 2001. № 10. С. 68–74.
4. Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97.
5. Белова А.В. Женское институтское образование в России // Педагогика. 2002. № 9. С. 76–83.
6. Борисов С. Дворянки, гимназистки, красавицы! Чему и как учили в дореволюционных женских гимназиях // Родина. 2021. № 3. С. 102–105.

7. Буслаева О.С. Становление и развитие женских гимназий в России в 1870-х гг. – феврале 1917 г. (на материалах Владимирской и Костромской губерний). Иваново: ИвГУ, 2022. – 152 с.
8. Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф. Среднее женское образование в России. М.: Дрофа, 2009. – 285 с.
9. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. М.: Новый хронограф, 2009. – 349 с.
10. Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сб. статей / ред. Н.Л. Пушкарева. М.: НЛО, 2013. – 864 с.
11. Рыболова Е.А. История женских гимназий в России во второй половине XIX в. – нач. XX в. (по материалам Московского учебного округа): Автореф дис. ... канд. ист. наук. Москва. 2004. – 26 с.
12. Христофорова Н.В. Российские гимназии XVIII–XX вв.: На материале г. Москвы. М.: Греко-лат. каб. Ю.А. Шичалина, 2002. – 192 с.
13. Цыганова А.В. Женское образование в Твери во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2020. № 3 (55). С. 157–170.

Об авторе:

МИЦЮК Наталья Александровна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН», (Россия, 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а), email: nmitsyuk@gmail.com

The everyday life of gymnasium students in the Russian province in the 1860s–1918 (based on the materials of the Smolensk province)

N.A. Mitsyuk

RAS, Institute of Ethnology and Anthropology N.N. Miklukho-Maclay,
Moscow, Russia

The author of the publication, based on documents from the State Archive of the Smolensk region, reveals the organization of daily life of women's gymnasiums in the Russian province in the 1860s–1918. They became important socio-cultural centers in provincial and county towns. The significant growth of female students demonstrated significant changes in the views of provincial society on women's roles in society and their social identity. The development of social communication skills, charity, and aesthetic qualities was realized through the organization of performances, musical evenings, joint excursions, walks, and involvement in charity events. Female students were actively involved in the social and political life of the early 20th century. The First World War sparked a patriotic upsurge and a strong response among the female students.

Keywords: women's everyday life, the history of women's education, the everyday life of gymnasium students, Smolensk Mariinsky Women's Gym-

nasiум, the history of charity, the medical service of gymnasiums, the First World War.

About the author:

MITSYUK Natalia Alexandrovna – Doctor of Historical Science, Associate Professor, senior research fellow of FGBUN «Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maclaya RAS», (Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt, 32a), email: nmitsyuk@gmail.com

References:

- Arhangel'skaja L.V. *Zhenskie gimnazii v gody Pervoj mirovoj vojny (na primere Permskoj gubernii)*, Vestnik Permskogo universiteta. Istorija, 2016, № 2 (33), S. 70–78.
- Belova A.V. *Bez roditel'skogo popecheniya: provincial'nye dvoryanki v stolichnyh institutah*, Rodina, 2001, № 9, S. 29–31.
- Belova A.V. *Domashnee vospitanie dvoryanok v pervoj polovine XIX v.*, Pedagogika, 2001, № 10, S. 68–74.
- Belova A.V. *Zhenskaya povsednevnost' kak predmet istorii povsednevnosti*, Etnograficheskoe obozrenie, 2006, № 4, S. 85–97.
- Belova A.V. *Zhenskoe institutskoe obrazovanie v Rossii*, Pedagogika, 2002, № 9, S. 76–83.
- Borisov S. *Dvorjanki, gimnazistki, krasavicy! Chemu i kak uchili v dorevolucionnyh zhenskih gimnazijah*, Rodina, 2021, № 3, S. 102–105.
- Buslaeva O.S. *Stanovlenie i razvitiye zhenskih gimnazij v Rossii v 1870-h gg. – fevrale 1917 g. (na materialah Vladimirsкоj i Kostromskоj gubernij)*. Ivanovo: IvGU, 2022. – 152 s.
- Cyganova A.V. *Zhenskoe obrazovanie v Tveri vo vtoroj polovine XIX–nachale XX v.*, Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, 2020, № 3 (55), S. 157–170.
- Dneprov E.D., Usacheva R.F. *Srednee zhenskoe obrazovanie v Rossii*. M.: Drofa, 2009. – 285 s.
- Hristoforova N.V. *Rossijskie gimnazii XVIII–XX vv.: Na materiale g. Moskvy*. M.: Greko-lat. kab. Ju.A. Shichalina, 2002. – 192 s.
- Ponomareva V.V., Horoshilova L.B. *Mir russkoj zhenshhiny: sem'ja, professija, domashnij uklad*. M.: Novyy hronograf, 2009. – 349 s.
- Rossijskaja povsednevnost' v zerkale gendernyh otnoshenij*: Sb. statej, red. N.L. Pushkareva, M.: NLO, 2013. – 864 s.
- Rybolova E.A. *Istoriya zhenskih gimnazij v Rossii vo vtoroj polovine XIX v. – nach. XX v. (po materialam Moskovskogo uchebnogo okruga)*: Avtoref dis. ... kand. ist. nauk. Moskva. 2004. – 26 s.

Статья поступила в редакцию 27.05.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

УДК 396
DOI 10.26456/vthistory/2025.3.081–095

Исторический опыт раздельного обучения для женщин и отношение к нему в современной России¹

Н.Л. Пушкирова

ФГБУН Ордена дружбы народов Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия

Обзор истории раздельного образования лиц разного пола в России на протяжении десяти веков содержит ответ на вопрос, нужны ли женщинам обособленные классы и школы. Главный тренд высшего женского образования (домашнего вначале, с XIX в. – трёхступенчатого, т. е. дом – гимназия – высшая школа) – расширение круга предметов и культурного кругозора, проявление интереса к практической ориентированности, вопросам здоровья. После 1917 г. в России не было раздельного по полу обучения; возвращение к нему в 1943–1954 гг. не обнаружило преимуществ. Создание Пансиона воспитанниц Министерства обороны РФ в 2008 г. – свидетельство социального эксперимента, нацеленного на создание социального лифта для девочек из семей военных. Превращать этот уникальный учебный эксперимент в массовую практику не предполагается.

Ключевые слова: женское образование в России, половые асимметрии в социализации, раздельное обучение.

Практика обучения, при которой ученицы и ученики получают знания не в смешанных, а в раздельных учебных подразделениях или в разных учебных или учебно-воспитательных учреждениях, не нова. Она исторически первична, так как существовала издревле и была неоспоримой столетиями, поскольку столетиями не ставился вопрос о равенстве прав на одинаковое по содержанию образование всех классов и сословий и обоих полов. Однако вопрос этот как исследовательскую проблему стоит поставить, чтобы в пилотажном обзоре оценить историю раздельного (по полу) обучения в прошлом нашей страны и, исходя из этой оценки, сделать предположение о необходимости (или, напротив, бесперспективности) формирования разных по содержанию учебных и воспитательных программ в начальной, средней и высшей школе.

Источниками для такого пилотажного обзора исторического опыта

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РНФ 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия».

раздельного обучения для женщин в нашей стране могут стать и нарративные памятники всех времен, и это-документы, и нормативные акты, принимавшиеся для регулирования образовательного процесса. Примечательно, что общих исследований о всей истории специализированного (предназначенного именно для женщин или только для мужчин) образования как в дореволюционной России, так и в России советской и тем более постсоветской, нет. Есть отдельные публикации авторов, касавшиеся этой темы в связи с историей женского образования в отдельных регионах и губерниях страны (и такой вариант «рассыпанной историографии» и используется в данном тексте).

Информация о том, что в ранней русской (и западноевропейской) истории большинство образованных женщин принадлежало к социальной элите, троистична. Внучка Ярослава Мудрого, дочь великого князя киевского Всеволода Ярославича Анна (Янка) в 1088 г. основала при киевском Андреевском монастыре первую известную в нашей истории школу для девочек и, как записано в «Истории» В.Н. Татищева, «обучала писанию, тако же ремеслам, пению, швению и иным полезным им занятиям... разумети закон божий и трудолюбие» (см.: Пушкирева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 27). Известно, что деятельность Анны-Янки не была на Руси явлением уникальным. Монастырские школы, основателями которых были женщины княжеского сословия или имевшие духовный сан, возникали в XII–XIII вв., «приимши мниший чин», занимались списыванием книг, обучали девочек грамотности. Таковой была дочь полоцкого князя Святослава Всеславича Предслава Святославна (ум. в 1173 г.). Она постриглась в монахини под именем Евфросиньи, обучала грамоте «младых девиц», в том числе сестер Городиславу и Звениславу². Дома княжеским девочкам преподавали то же, что и княжичам: грамоту, математику, азы философии, «врачебной хитрости», календарной астрономии, «ритории», «глаголению инемними языками». Обучены письму были и древние новгородки (см.: Пушкирева Н.Л. Женщина в средневековом Новгороде XI–XV вв. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1983. № 3. С. 89).

Частные библиотеки в Московии не только в раннее время, но и в XVI–XVII вв. были редкостью, потому у женщин доступа к книгам почти не было. Григорий Котошихин – чиновник российского Посольского приказа, перешедший на службу в Швецию – заклеймил женскую неграмотность в 1666 г.: «Московского государства женской пол грамоте неученые, и не обычай тому есть, понеже от младенческих лет до замужества своего у отцов своих живут в тайных покоях»³. Действительно, в XVI–XVII вв. лишь узкий круг женщин, приближенных к царскому двору, имел возможность обучиться чтению, письму, но та же царевна Софья Алексеевна

² Евфросинья Полоцкая // Энциклопедыя гісторыі Беларусі ў 6 тамах. Том 3. Мінск, 1996. С. 358.

³ Котошихин Г. О России в царствование Алексия Михайловича <https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Kotosichin/frametext1.htm>

Милюславская (чьим воспитателем был просветитель и писатель Симеон Полоцкий) была неплохо образованна. Овладение средствами личностного самовыражения стало для русских женщин многовековым подвигом: женская письменная культура, умение написать свой дневник и автобиографию оказались завоеваниями эпохи вестернизации страны – петровского времени и гения императрицы Екатерины II.

Инициатором приобщения женщины к просвещению – безусловно, раздельно от мужчин – было в XVIII столетии государство. В 1711 г. Пётр I задумал реализовать проект посылки за рубеж знатных девиц в образовательных целях, но мечтам его не суждено было сбыться. Указом от 24 января 1724 г. он предписал монахиням воспитывать сирот обоего пола и обучать их грамоте, а девочек, сверх того, прядению, шитью и «иным мастерствам». В те же годы в Москве при лютеранской церкви в Немецкой слободе открылась первая частная школа для девочек. Чуть позже в комедии А.Сумарокова «Другой хор ко превратному свету», протагонист автора замечал: «За морем того не болтают: “Девушке-де разума не надо: учаться за морем и девки!”»⁴. Но прежде, чем «девки» начали учиться не только «за морем», но и в России, должно было пройти несколько десятилетий.

Благие помыслы «птенцов гнезда петрова» оставались сущим бумаготворчеством, пока за дело их осуществления не взялась в 1760-х гг. Екатерина II вместе с личным секретарем, Президентом Академии искусств И.И. Бецким. Благодаря им в педагогических представлениях русского общества произошёл переворот: была признана необходимость *светского* женского образования. В 1764 г. при Воскресенском Смольном женском монастыре было основано Воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт), главной целью которого было «образование сердца и характера» тех, кто учился в нем, обучение «кроме предметов, искусствам жизни, человечеству и гражданству потребным», девочек хотели научить «хранить в цветущем состоянии фабрики, способствовать заведению новых и, будучи матерями, лучие и рассудительнее воспитывать своих и чужих, вверенных детей, будучи в супружестве – прилежнее исполнять свою должность»⁵. Так было задумано и отражено в тексте составленного И.И. Бецким «Генерального учреждения о воспитании обоего пола юношества» (1763), которое провозгласило намерение «преодолеть суеверие веков»⁶ и создать «новых женщин», новой культурно-политической ориентации⁷.

Родители из небогатых, но знатных фамилий отдавали туда поначалу маленьких шестилетних дочек. Позднее стали набирать детей 9–11, а чаще – с 13–14 лет. Изменение возраста девочек отражало изменение социаль-

⁴ Михневич Вл. Русская женщина XVIII столетия. СПб., 1895. С. 94–120.

⁵ Бецкой И.И. Привилегия и Устав Имп. Академии трех знатнейших художеств. СПб., 1765. С. 15.

⁶ Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества. СПб., 1764.

⁷ Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII – нач. XIX в. М., 1983. С. 81.

ных представлений, с какого возраста домашнее образование «портит» ребенка⁸. Замыслы И.И. Бецкого, касавшиеся воспитания «новой породы отцов и матерей», были нацелены на воспитание девочек в *полном* отрыве от семьи, по интернатному принципу. Общество отнеслось к идеям Бецкого без энтузиазма.

«Иван Иваныч Бецкий
Воспитатель детский
В двенадцать лет
Выпустил в свет
Шестьдесят кур набитых дур...»⁹.

Действительно, взятых в 6 лет из дома и обучавшихся в течение следующих 6 лет в интернате институток не могли подготовить к реалиям жизни. Семья вынужденно давала им после института новые житейские знания. Многие родители позже писали в воспоминаниях о том, что испытывали «сердечную тоску при прощании» дочерьми и часто хотели «отменить намерение», «дать ей воспитание под своим надзором»¹⁰. Правда, родственники институток имели возможность навещать¹¹ их в определённые дни года и забирать на каникулы летом. Но эмоциональный стресс, испытанный практически всеми девочками, оказавшимися помещёнными в институты, мало способствовал воспитанию адекватных реакций на окружающее. Ни один «разумный распорядок» дня не заменял девочкам родительского тепла¹². Девочкам очень его не хватало, и именно этим объясняется сложившаяся в Смольном традиция называть воспитательниц «татан» (см.: Пушкирева Н.Л., Мицюк Н.А. Пробуждение женского как паттерн гендерной идентичности // Новое литературное обозрение. 2024. № 1. С. 69–87). Несколько удалось проект Бецкого по воспитанию «новых женщин» для новой России? Для выпускниц высшей удачей считалось попасть после института ко двору в качестве фрейлины императрицы или её приближённой, но такая судьба ждала немногих. Большинство стало воспитательницами или учительницами в созданных позднее женских же учебных заведениях. Идея создания особого элитного женского образовательного учреждения охватила лишь узкий круг столичных жительниц.

К концу XVIII в. Смольный был уже не единственным женским учебным заведением в России. С 1789 г. юные дворянки могли также обучаться в так называемых Екатерининских институтах в Петербурге и Москве. С 1812 г. открыл двери для воспитанниц Институт благородных

⁸ Белова А.В. Женское институтское образование в России // Педагогика. 2002. № 9. С. 76–83.

⁹ Греч Н.И. Записки // Русский архив. 1873. № 9. С. 75.

¹⁰ Ржевская Г.И. Памятные записки // Русский архив. 1871. Кн. 1. Вып. 1. С. 33.

¹¹ Белова А.В. Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29–31.

¹² Юровская Э.П. Утопические черты организации имп. Воспит. общ-ва благородных девиц // Екатерина Великая: эпоха Российской истории. СПб., 1996.

девиц в Харькове. Родственники барышень из сравнительно известных, но малообеспеченных дворянских семей видели в обучении «и танцам, и пению, и нежности, и вздохам» (А.С. Грибоедов) залог счастья дочек, их удачного замужества. Их если и учили азам наук и иностранным языкам, всё же в первую очередь нацеливали на ведение домашнего хозяйства, тихую семейную жизнь и воспитание детей (см.: Белова А.В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середины XIX в.): дис... д-ра ист. наук. М., 2009).

Девочки-мещанки могли в те же годы (с середины XVIII в. и позже) посещать Дома трудолюбия (возникали в столице с 1749 г.) и частные пансионы для дворянок и мещанок (их было десять с лишним в Москве и столице). Такие дома открывались иностранцами и иностранками (см. подробно: Пушкирева Н.Л. Этнография восточных славян в зарубежных исследованиях (1945–1990). СПб., 1997) и обучали в них «по-немецки и по-французски, шитью и домостроительству», «домосодержанию и что к тому принадлежит», а также «шитью и мытью кружев», «показывая при том благородные поступки»¹³.

«Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола», изданные в 1774 г., предусматривали даже обучение дворовых, чтобы «они умели нянчить барских детей», не портить их «свою грубостью и пороками»¹⁴.

После смерти правительницы заведование учреждёнными ею заведениями перешло к новой императрице, Марии Фёдоровне. Идею воспитания «новой породы» женщин в составе особых институтов Мария Фёдоровна считала бесполезной и даже вредной. Она хотела рациональности: в «составе благородного воспитания» на первое место было поставлено знание французского, умение танцевать и иметь хорошие манеры. Образование мещанок было нацелено на «приуготовление» учительниц и воспитательниц в дворянских домах.

В начале XIX в. эволюция женского образования стала неотделима от прогресса демократической мысли, индустриализации общества и начинавшегося в 1810-е гг. пробуждения женского социального самосознания. С развитием рынка труда в 1820–1840-е гг. число училищ, в которых могли обучаться девочки, увеличилось. В сельских училищах стали создаваться «женские отделения», первые классы для девочек (для государственных крестьян). Некоторые помещики также открывали такие классы в своих школах, но все это были единичные факты. Время белошвейк, матрон и светских дам сменилось эпохой женщин образованных. Но многовековая традиция раздельного по полу образования упорно сохранялась. Усовершенствование программ привело к тому, что не только начальное, но и по-

¹³ Пономарева В.В. «Мещанки» Смольного института: 1765–1800 // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 3 (63). С. 58–67.

¹⁴ Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России. М., 1949.

следующие ступени обучения стали постепенно предлагаться и мальчикам, и девочкам, но круг предметов всё же значительно разнился.

И в 1842 г. губернский съезд дворян в Нижнем Новгороде постановил начать сбор средств для строительства Института благородных девиц, в 1852 г. его открыли. Проект решения был утверждён Николаем I и назван Мариинским в честь невестки, жены Александра II – императрицы Марии Александровны. Мариинские училища для девочек постепенно появились во многих крупных городах – в Москве (в Хамовниках в 1853 г.), в Перми (в 1859 г.), Одессе, Казани (всего 30 институтов на страну). Училища давали дипломы на звание домашней учительницы, «дабы приобретать средства к жизни собственным трудом»¹⁵.

Родители из купеческого сословия не могли дать там образование дочкам: в 1850-е гг. туда зачислялись лишь дочери потомственных дворян. В институте изучались «Закон Божий, грамматическое познание и словесность языков российского, французского и немецкого», арифметика, естествознание, физика, география всеобщая и России, всеобщая история и история России, изящные искусства (рисование, пение, музыка, танцы), а также «рукоделие изящное и хозяйственное». Как и в Смольном, тут предполагался интернатный принцип. Девочки принимались в возрасте 10–12 лет, знавшие молитвы, умевшие читать и писать по-русски, знавшие арифметику.

Внутреннее управление и надзор за воспитанницами возлагались на начальницу института. Помимо неё, в институте работали классные дамы и пепиньерки (от франц. *pépinière* – питомник) из числа лиц, окончивших женские учебные заведения в России¹⁶. Прогрессивно мыслившие директрисы Института доказывали необходимость введения у девочек курса гимнастики, в идеале – на свежем воздухе, ведь девочки не гуляли, часто болели, по ночам испытывали чувство страха. Чтобы избежать «обожания» преподавателей мужского пола, в учителя институткам брали «точно на подбор, отживших стариков, навсегда сданных в архив – учительскую богадельню». После окончания учебы большинство девушек стремилось занять должности в женских институтах. Многие не порывали отношений со ставшим им родным учебным заведением. Ограничения в общении за пределами пансиона, строгий выбор круга чтения – всё это порождало склонность к аутоэротизму¹⁷.

С середины XIX в., с обсуждением в обществе женского вопроса, необходимость женского образования не только для высших, но и для не-

¹⁵ Попов Н.А. Историческая записка о 20-летней деятельности Мариинского женского училища попечительства о бедных в Москве. М., 1876.

¹⁶ Пономарева В.В. Женские институты Российской империи в формулировках нормативных документов // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 3. С. 110–129.

¹⁷ Лисицына О.И. Специфика воспитания дворянских девочек в закрытых учебных заведениях в конце XVIII – XIX в. // Российская гендерная история с «юга» на «запад». Нальчик, 2013. С. 199–201.

привилегированных слоёв общества стала очевидной¹⁸. В высших разрядах воспитательных женских институтов (всего их было четыре) часть внимания уделялась изучению девочками наук, другая часть – мало нужным в практической жизни рисованию, пению, музыке, танцам. В низких разрядах обучение было более практически-ориентированным. Но найти преподавательниц для естественных дисциплин в женские институты было сложней, чем учительниц пения и музыки. Чтобы организовать работу женского училища, требовались средства, государство не принимало участия в этом: и институты, и училища для девочек содержались за счет пощертований частных лиц, городских, купеческих и мещанских обществ.

Женское гимназическое образование – а первые женские гимназии в России возникли на волне либеральных реформ начала 1860-х гг. – давало примерно тот же круг знаний, что и Институты. В 1850–1860-е гг. были открыты училища во многих городах; им было дано право называться гимназиями, так как учебный курс их не отличался от мужских гимназий. Было и прогрессивное отличие: в женских гимназиях вместо «мёртвых» древних языков изучались языки новые. К 1874 г. в России уже было 189 женских гимназий с общим числом учащихся девочек 25,5 тыс. человек¹⁹. В женских гимназиях преподавались и предметы, привычные для мужских (география, естествоведение, математические дисциплины), плюс считавшаяся женской педагогики. В каждом классе было несколько юных барышень, «предназначающих» себя к наставнической деятельности: они могли продолжить учёбу в течение (восьмого) года на педкурсах после окончания гимназии²⁰.

Для непривилегированных классов посыпать девочек в школы, согласно традиции, всё ещё считалось не совсем удачным решением их судьбы. Дело в том, что начальные училища (школы) делились на городские и сельские. В сельских крестьянские дети разного пола обучались *вместе* и бесплатно. Крестьяне считали, что чем раньше ребёнок пойдёт в школу, тем лучше, а педагоги – что обучение эффективно лишь с 11–12 лет. Победило практичное крестьянское мнение. Мальчики в семьях крестьян были помощниками с раннего возраста, их отпускали поучиться только с октября по май, а тех, кто старше двенадцати даже зимой родители на учёбу не отпускали. Девочек же с 12 лет старались скорей выдать замуж, чтобы не кормить лишний рот. Городские же школы, где материальная сторона вопроса была решена, практиковали раздельное обучение мальчиков и девочек – в том числе и потому, что детям разного пола давали разные знания. Мальчики изучали численно больше предметов и готовились к продолжению обучения. Девочек готовили к материнству и супружеству, их науками

¹⁸ Кусбер Я. Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX в. М., 2018. С. 289.

¹⁹ Мицюк (Дмитриева) Н.А. Становление системы женского образования в Российской провинции. Автореф. дисс. к.и.н. Смоленск, 2008.

²⁰ Днепров Э.Д. Женское образование в пореформенной России // Федосова Э.П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России. М., 1980. С. 5–24.

не баловали, а в высшие учебные заведения до конца XIX в. не пускали вообще. Таким образом, различия в наполнении образовательных программ начальной и средней школы (о высшем образовании речь до конца XIX в. не шла) сохранялись и укреплялись.

Одновременно развертывалась борьба за получение высшего образования женщинами наравне с мужчинами. Запреты женщинам посещать университетские лекции не остановили их. Имевшие средства отправлялись получать образование за границей. Когда двери швейцарских университетов открылись для женщин, первая из поступивших и окончивших курс швейцарского университета (в Цюрихе) была уроженкой России. В 1872 г. из 63 студенток того же Цюрихского университета россиянок было 54. Опасаясь дальнейшего развития этого процесса, власти в мае 1873 г. отдали распоряжение о незамедлительном возвращении в Россию под угрозой преследования всех русских женщин, обучающихся за границей.

В 1878 г. в Петербурге для женщин открыли первые в отечественной истории высшие курсы, куда принимались окончившие женские гимназии и другие средние учебные заведения. Министр просвещения Д. Толстой, объясняя причины открытия женских курсов, писал: «Высшие женские курсы... могут служить к предотвращению прискорбных явлений – отбытия русских женщин за границу для обучения, причем они не могут не возвращаться обратно, иначе как с идеями и направлениями, не соответствующими строю нашей жизни»²¹.

Эпоха реакции после убийства Александра II ознаменовалась началом работы в 1884 г. особой комиссии – для улучшения постановки женского образования в империи, которое к рубежу XIX–XX вв. стало развиваться ускоренными темпами. Любопытно напомнить, что численно женские гимназии (873) стали в 2 раза преобладать к 1913 г. над мужскими (441)²². При этом разделение по полу соблюдалось неукоснительно; считалось, что мальчиков нужно готовить к профессиям учёного, государственного мужа, преподавателя, они получали широкий круг знаний, как гуманитарных, так и естественно-научных. Будущее девочек предполагалось в рамках традиционных женских ролей, обслуживающих по характеру: воспитательницы, матери, медсестры, горничной. Поэтому и образование женщины получали гуманитарное (иностранные языки, словесность).

Лишь в коммерческих училищах в начале XX в. могли быть сделаны попытки создания общих классов. Первые десятилетия XX в. были вообще отмечены быстрым ростом числа общественных и частных женских учебных заведений университетского типа, создаваемых по инициативе профессуры. Курсы, программы в них признавались равными университетским, так что их выпускницы допускались к экзаменам в государственных

²¹ Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России. Т. 4. СПб., 1901.

²² Хасбулатова О.А. Женщина и образование в России // ИВГУ 20 лет. Иваново, 1991. Ч. 1. С. 250.

испытательных комиссиях «для лиц мужского пола»²³. Это было очевидное сближение программ мужских и женских учебных заведений, бывшее ответом на запросы времени, но должно было произойти немало социальных потрясений (падение монархии, проведение буржуазно-демократических реформ, а также собственно политический переворот в октябре 1917 г.), чтобы вопрос о доступности образования для женщин наравне с мужчинами был снят в месяцы «кавалерийской атаки на капитал».

31 мая 1918 г. Наркомпрос РСФСР принял постановление о введении совместного обучения мальчиков и девочек во всех учебных заведениях. Речь шла о создании единой трудовой школы с единой для всех программой обучения. Открывать новые школы при раздельном обучении было бы сложнее, особенно в сельской местности.

Однако не успело пройти и двух десятков лет, как в педагогических кругах СССР вновь был поднят вопрос о возвращении раздельного обучения в школы. Аргументировалось это различием психологического и физического развития обучающихся девочек и мальчиков, а также тем, что неравенство в доступе к образованию мужчин и женщин уже преодолено и, следовательно, можно вернуться к старым установкам. Стремление реформировать обучение детей разного пола отражало общественные и идеологические процессы конца 1940-х гг, связанные с пересмотром официально-го подхода к культурному, идейному и даже политическому наследию довоенной эпохи.

В мае 1941 г. по личному указанию секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова Отдел школ ЦК ВКП(б) совместно с Наркомпросом РСФСР обязали подготовить рассмотрение вопроса на Оргбюро ЦК ВКП(б). Осуществлению этих планов помешало начало войны, но всё же к вопросу восстановления раздельного обучения вернулись довольно скоро, в 1943 г. Согласно докладной записке, подготовленной Отделом школ ЦК ВКП(б) и Наркомпросом РСФСР, «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в неполных средних и средних школах Союза ССР», совместное обучение детей разного пола «стало создавать затруднения педагогического и организационного порядка... Правильная организация учебно-воспитательной работы требует учёта особенностей физической природы и развития девушек, в соответствии с которыми и должна осуществляться подготовка к труду», так что введение раздельного обучения «будет содействовать укреплению дисциплины и устранит не всегда здоровые взаимоотношения между противоположными полами»²⁴, а также «может обеспечить более широкий охват девочек школой в национальных республиках, где ещё не преодолены старые бытовые предрассудки»²⁵. Иными словами, к

²³ Аристин В.Г., Башаева С.Г. История среднего специального образования в Российской империи // Университетское образование: культура и наука. Ульяновск, 2012. С. 17–19.

²⁴ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 18. Д. 54. Л. 21

²⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2997. Л. 1.

стремлению ввести раздельное обучение детей разного пола подталкивали особенности культурно-бытового поведения на окраинах СССР и желание дать всем детям базовое, хотя бы школьное, образование. Чиновники от педагогики обнаружили в правилах 1877 г. что-то очень им приглянувшееся и записали в докладной Наркомпросу в 1941 г.: «*В женских гимназиях ученицам запрещалось даже с родителями после 9 часов вечера находиться в общественных садах и парках, посещение в период учебных занятий всякого рода мест развлечений. Очень правильно был поставлен вопрос о том, чтобы гимназистки вели себя достойно, им не разрешалось иметь нескромную прическу, носить излишние украшения и предъявлялось строгое требование вести себя прилично, не причиняя своим поведением никому беспокойства*»²⁶. Разумеется, не всем в советском обществе нравилось возвращение правил дореволюционной школы. Жители Москвы, в частности, прямо возмущались: «*Что это за гимназии вы вводите?*»²⁷, но в годы военного лихолетья мало кто решался высказать негативное мнение. Реформу просто не спешили проводить в жизнь, так что раздельное обучение мальчиков и девочек было введено в семилетних и средних школах лишь в ряде крупных городов и промышленных центров СССР и в итоге коснулось малой части учащихся, например, для РСФСР число школ с раздельным образованием (мужских и женских школ в общей сложности) не превышало 2 % от их общего количества. Найти мужчин-педагогов для мужских школ в послевоенное время, выбившее целые поколения мужчин 1920-х гг. рождения, было очень трудно.

Школы, в которых существовали либо мужские и женские классы, либо разные смены (для девочек и мальчиков) не показали, по сравнению с совместным обучением, никаких преимуществ в организации педагогического процесса, зато быстро явили трудности в воспитательной работе. Мальчики и девочки, разделённые на период уроков, воссоединялись после школы и стремительно навёрстывали упущеные возможности, но уже «за глазами» учителей и родителей. Это отразил и послевоенный кинематограф: жанр советского «школьного кино» сложился именно в период раздельного обучения, когда проблемы образования и его организации стали восприниматься в обществе как имеющие самостоятельное значение и оказались предметом дискуссии²⁸.

Окончательно от раздельного обучения и создания специальных школ для девочек в СССР отказались после нескольких лет дискуссий научного сообщества и совещаний родительских комитетов. С 1 сентября 1954 г., за исключением уроков труда, раздельное обучение было отменено²⁹.

²⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 44. Д. 1088. Л. 57.

²⁷ Там же. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 2954. Л. 23.

²⁸ Гончарова Г.Д. Период раздельного обучения в СССР в 1943–1945 гг. и его отражение в литературе и кинематографе. М., 2013. С. 5–6.

²⁹ Раздельное обучение // Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. 2-е изд. Т. 35. М., 1955. С. 614.

Было принято решение отменить проведение реформы (по официальной формулировке, с учётом опыта работы школ, пожеланий родителей и мнения учителей). Постановление Совета министров СССР, восстановившее в 1954 г. совместное обучение мальчиков и девочек во всех школах, призвано было обеспечить развитие взаимоотношений полов под приглядом педагогических работников. При отсутствии у родителей свободного времени, необходимого для семейной жизни (оба родителя были нацелены на зарабатывание средств для пропитания семьи), школа оказывалась именно «школьной жизнью», где дети могли выработать основы (и стереотипы) межполовых отношений (при раздельном обучении на это время явно не хватало). С того же времени (середины – конца 1950-х гг.) в СССР была введена практика больших домашних заданий, дабы минимизировать свободное время у школьников за пределами школьного процесса, сделать так, чтобы практически всё время после школы они были заняты, проводили его за уроками. В летний период было предложено создавать трудовые и пионерские лагеря.

Так или иначе, но на протяжении полувека в СССР, а затем в постсоветской России женских школ или специальных женских учебных заведений для получения среднего или высшего образования не было. Однако с 2008 г. сегрегированное образование практикуется в Пансионе воспитанниц Министерства обороны РФ. Пансион является экспериментальной площадкой Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (РАО). Тема эксперимента – «Гендерный подход в образовании и полоролевой социализации воспитанниц». Других подобных учебных заведений нет ни в России, ни в мире. Порядки в пансионе крайне строгие, подразумевающие, кроме общепринятых норм поведения и соблюдения гигиены, информационные и социальные ограничения. Половое воспитание начинается с 5-го класса. Встречи девочек с мальчиками (воспитанниками училищ Минобороны РФ) проводятся под контролем взрослых на специально организованных мероприятиях. Патриотизм, светские манеры, материнские навыки – основные направления воспитания девочек из семей военнослужащих (которых, собственно, и берут в этот особый кадетский корпус). «*У нас растёт поколение, о котором мы мечтали*», – полагал С.К. Шойгу³⁰, однако с такой оценкой соглашаются далеко не все. Ориентация на жёсткое воспроизведение традиционных стереотипов означает, что не соответствующие им способности девочек в таких учебных заведениях будут подавляться, считают современные специалисты в области детской психиатрии³¹, что может привести к увеличению численности так называемых «латентных жертв» социализации. Ими становятся люди, которые не вписываются в общепринятые нормы, но которых система образования заставляет эти нормы соблюдать (социализация такого типа считается гендерно–нечувствительной и в современном мире не жизнеспособна,

³⁰ Роткевич Е. Шойгу и девочки // Город 812. 27 июля 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://gorod-812.ru/shoygu-i-devochki/> (дата обращения: 04.04.2025 г.).

³¹ Центр восстановительного лечения «Детская психиатрия» имени С.С. Мнухина. [Электронный ресурс]. URL: <http://cvldp.ru/> (дата обращения: 04.04.2025 г.).

так как может привести к дисфункциональным результатам). Система обучения и образования во всём мире приходит к персонализации и зависит не от половой принадлежности, а от особенностей и потребностей каждого отдельного ученика.

Исторический очерк раздельного обучения детей разного пола с преимущественным вниманием к девочкам и девушкам, на протяжении веков добивавшимся равных возможностей получения знаний, необходимых для профессиональной самореализации, убедительно доказал то, что вложенные усилия прежних поколений были не напрасны. Эти усилия всегда отражали общественные ожидания относительно гендерных ролей и места женщин (как и мужчин) в обществе. Наполнение образовательных и воспитательных программ могло быть различным в зависимости от культуры и эпохи, но в каждый исторический период на первое место выдвигал навыки, востребованные государством (для женщин – связанные с домашней жизнью, для мужчин – обеспечивающие будущую внесемейную, общественную активность). После 1917 г. в стране отказались от практик раздельного обучения, а возвращение к ним на короткий период 1943–1954 гг. не оправдало себя. Возрождение раздельных школ и классов для девочек могло обслуживать лишь отдельные общественные ожидания, ориентированные на развитие навыков, необходимых для замужества, материнства, защиты моральных устоев для девочек, а в постсоветское время путём внедрения раздельного обучения в особом кадетском корпусе МО РФ им прививаются определённые религиозные ценности. Однако основной общественный запрос на общественно-активную, самостоятельную женскую личность исключает формирование женских характеров в закрытых, сегрегированных от общественной жизни и общения с противоположным полом учебных заведениях.

Список литературы:

1. Аристкин В.Г., Башиева С.Г. История среднего специального образования в Российской империи // Университетское образование: культура и наука. Ульяновск: УГПУ, 2012. С. 17–19.
2. Белова А.В. Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29–31.
3. Белова А.В. Женское институтское образование в России // Педагогика. 2002. № 9. С. 76–83.
4. Гончарова Г.Д. Период раздельного обучения в СССР в 1943–1945 гг. и его отражение в литературе и кинематографе. М.: ИД ВШЭ, 2013. – 41 с.
5. Днепров Э.Д. Женское образование в пореформенной России // Федосова Э.П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России. М., 1980. С. 5–24.
6. Константинов Н. А., Струминский В. Я. Очерки по истории начального образования в России. М.: Учпедгиз, 1949 – 271 с.

7. Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII — начала XIX в. М.: МГУ, 1983. – 224 с.
8. Кусбер Я. Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX в. М.: РОССПЭН, 2018. – 613 с.
9. Лисицына О.И. Специфика воспитания дворянских девочек в закрытых учебных заведениях в конце XVIII–XIX в. // Российская гендерная история с «юга» на «запад». Нальчик: КБГУ, 2013. С. 199–201.
10. Мицюк (Дмитриева) Н.А. Становление системы женского образования в российской провинции (1800–1880 гг.): на материалах Смоленской губернии: автореф. ... дисс. к.и.н. Смоленск, 2008.
11. Пономарева В.В. «Мещанки» Смольного института: 1765–1800 // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 3 (63). С. 58–67.
12. Пономарева В.В. Женские институты Российской империи в формулировках нормативных документов // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 3. С. 110–129.
13. Хасбулатова О. А. Женщина и образование в России: исторический обзор // ИВГУ 20 лет. Иваново: ИВГУ, 1991. С. 31–35.
14. Юровская Э.П. Утопические черты организации имп. Воспитательного общества благородных девиц // Екатерина Великая: эпоха Российской истории. СПб.: СПб НЦ РАН, 1996. С. 108–110.

Об авторе:

ПУШКАРЕВА Наталья Львовна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН (119334, Москва, Ленинский пр., 32а), email – pushkarev@mail.ru

Historical Experience of Single-Sex Education for Women and the Attitude to it Modern Russia

N.L. Pushkareva

Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N.Miklukho-Maklay RAS, Moscow (Russia)

A review of the history of separate education of persons of different sexes in Russia over ten centuries contains an answer to the question: do women need separate classes and schools? The main trend of higher education for women (at first at home, since the 19th century – three-stage, home – gymnasium – higher school) is the expansion of the range of subjects and cultural horizons, the manifestation of interest in practical orientation, health issues. After 1917, there was no separate education by sex in Russia; a return to it in 1943–1954 did not reveal any advantages. The creation of the Boarding School for Girls of the Ministry of Defense of the Russian Federation in 2008 is evidence of a social experiment aimed at creating a social elevator for girls from military families. It is not intended to turn

this unique educational experiment into mass practice.

Keywords: *female education in Russia, gender asymmetries in socialization, separate education.*

About the author:

PUSHKAREVA Natalia Lvovna – Doctor of History, Professor, Head of the Department of gender studies, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Russia, 119334, Moscow, Leninskij, 32a), e-mail: pushkarev@mail.ru

References:

- Ariskin V.G., Bashayeva S.G., *Istoriya srednego spetsial'nogo obrazovaniya v Rossiyskoy imperii*, Universitetskoye obrazovaniye: kul'tura i nauka. Ul'yanovsk: UGPU, 2012. S. 17–19.
- Belova A.V. *Bez roditel'skogo popecheniya: provincial'nye dvoryanki v stolichnyh institutah*, Rodina, 2001, № 9, S. 29–31.
- Belova A.V. *Zhenskoe institutskoe obrazovanie v Rossii*, Pedagogika, 2002, № 9, S. 76–83.
- Goncharova G. D., *Period razdel'nogo obucheniya v SSSR v 1943–1945 gg. i yego otrazheniye v literature i kinematografie*. M.: ID VSHE, 2013. S. 5–6 – 41 s.
- Dneprov E.D., *Zhenskoye obrazovaniye v poreformennoy Rossii*, Fedosova E.P. Bestuzhevskiye kursy – pervyy zhenskiy universitet v Rossii. M., 1980. S. 5–24
- Khasbulatova O. A., *Zhenshchina i obrazovaniye v Rossii: istoricheskiy obzor*, IVGU 20 let, Ivanovo: IVGU, 1991, S. 31–35
- Konstantinov N. A., Struminskiy V. YA., *Ocherki po istorii nachal'nogo obrazovaniya v Rossii*, M.: Uchpedgiz, 1949, – 271 s.
- Krasnobayev B.I., *Russkaya kul'tura vtoroy poloviny XVII — nachala XIX v.*, M.: MGU, 1983, – 224 S.
- Kusber YA., *Vospitaniye elit i narodnoye obrazovaniye v Rossiyskoy imperii XVIII – pervoy poloviny XIX v..* M.: ROSSPEN, 2018. – 613 s.
- Lisitsyna O.I., *Spetsifika vospitaniya dvoryanskikh devochek v zakrytykh uchebnykh zavedeniyakh v kontse XVIII–XIX v.*, Rossiyskaya gendernaya istoriya s «yuga» na «zapad». Nal'chik: KBGU, 2013. S. 199–201
- Mitsyuk (Dmitriyeva) N.A., *Stanovleniye sistemy zhenskogo obrazovaniya v rossiyskoy provintsii (1800–1880 gg.): na materialakh Smolenskoy gubernii*. Avtoref. diss. Smolensk, 2008.
- Ponomareva V.V., «*Meshchanki*» Cmol'nogo instituta: 1765 – 1800, Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. 2022. № 3 (63). S. 58–67
- Ponomareva V.V., *Zhenskiye instituty Rossiyskoy imperii v formulirovakh normativnykh dokumentov*, Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya. 2021. № 3. S. 110–129.

- Pushkareva N.L., Mitsyuk N.A., *Probuzhdeniye zhenskogo kak pattern gender-noy identichnosti*, Novoye literaturnoye obozreniye. 2024. № 1. С. 69–87.
- Yurovskaya E.P., *Utopicheskiye cherty organizatsii imp. Vospitatel'nogo obshchestva blagorodnykh devits*, Yekaterina Velikaya: epokha Rossiyskoy istorii. SPb.: SPb NTS RAN, 1996. S. 108–110.

Статья поступила в редакцию 20.05.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

УДК 94(47)“19”:37-055.2
DOI 10.26456/vthistory/2025.3.096–110

Первый Всероссийский съезд по образованию женщин (1912–1913 гг.): проблемы организации и взаимодействия¹

О.И. Секенова

ФГБУН Ордена дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия

В статье автор реконструирует проблемы подготовки Первого всероссийского съезда по образованию женщин (26.12.1912–04.01.1913), опираясь на архивные документы, «Дневники съезда», отчёты Российской лиги равноправия женщин и публицистические статьи. Исследуются проблемы финансирования съезда и особенности получения разрешений на массовые мероприятия, организационные детали проведения учебной и промышленной выставки, трудности взаимодействия с министерствами и городскими властями. На основе полученных данных делаются выводы об особенностях организации Съездов женского движения начала XX века в контексте политической истории России. Съезд по образованию рассматривается как площадка взаимодействия представительниц женского движения, деятелей науки и образования, профессиональных политиков и представителей государственной власти.

Ключевые слова: образование женщин, Российская лига равноправия женщин, съезд, женское движение.

Начало XX в. в Российской империи ознаменовалось не только всплеском активности и ростом масштабов женского движения, но и развитием разнообразных форм политических и общественных объединений, задачей которых было продемонстрировать желание и возможность женщин участвовать в переустройстве общества на принципах равноправия и справедливости. Одним из первых коллективных мероприятий подобного рода стал Всероссийский съезд по образованию женщин 1912–1913 гг., организованный активистками Российской лиги равноправия женщин². Хотя исследователи женского движения не оставляли без внимания события и повестку съезда (наиболее подробно его исследовала И.И. Юкина, упоминания о

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта «Женский голос российской науки 1800-1980-х гг.» (№ 24-78-10005).

² Юкина И.И. От дам-патронесс до женотделовок: история женского движения России. М., 2024. С. 321.

съезде есть в работах Р. Стайтса³, Р. Ратчайлд⁴, О.А. Хасбулатовой⁵, Н.Л. и И.М. Пушкаревых⁶), Первый Всероссийский съезд по образованию женщин до сих пор не исследовался как массовое коллективное мероприятие, подготовка к которому отразила многочисленные проблемы взаимодействия активисток женского движения между собой и с органами власти, а проведение стало вызовом для организаторских способностей Российской лиги равноправия женщин. И.И. Юкина отмечала, что этот съезд был одним из первых коллективных действий «общедвиженческого масштаба». Исследовательница впервые в отечественной историографии реконструировала процесс подготовки съезда, а сам съезд рассматривает как площадку взаимодействия представительниц женского движения, деятелей науки и образования, профессиональных политиков и представителей государственной власти, и детали взаимоотношений между этими группами влияния изучает в контексте политической истории России начала XX в.

В Российском государственном историческом архиве сохранился комплекс делопроизводственных документов по истории Съезда (Ф. 751, оп. 1). Публичная информация о съездах вошла в отчёты Российской лиги равноправия женщин⁷. Хотя изданный по итогам съезда сборник трудов⁸ давно введен в научный оборот как значимый источник по истории женского образования⁹, издававшиеся ежедневно «Дневники съезда» – документ, почти не используемый в научной литературе. «Дневники съезда» отложились в архивах некоторых участниц (в частности, в статье мы обращаемся к печатной версии дневников из архива голландской учёной-славистки Анны Арнольдовны Круазе ван дер Коп (1859–1914). Именно благодаря «Дневникам» становится возможным реконструировать повестку Съезда и основные дискуссионные вопросы, по которым шла горячая полемика, а также восстановить процесс организации одного из первых массовых мероприятий женского движения. Источниками для исследования стали опубликованный днев-

³ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004. С. 152–184.

⁴ Ruthchild R.G. Equality & revolution: women's rights in the Russian Empire, 1905–1917. Pittsburgh, 2010. P. 172–175.

⁵ Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б. Женское движение в России: (Вторая половина XIX – начало XX в.). Иваново, 2003.

⁶ Пушкарева И.М., Пушкарева Н.Л. Становление женского политического движения в России (1891–1914 гг.) // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 114–128.

⁷ Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1911 год. Санкт-Петербург, 1912; Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1912 год. Санкт-Петербург, 1913.

⁸ Труды 1-го Всероссийского съезда по образованию женщин, организованного Российской лигой равноправия женщин в С.-Петербурге. СПб., 1914–1915. Т. 1: 1. Секция высшего образования; 2. Секция сельскохозяйственного образования. 1914.

⁹ Артемова С.И., Чуракова О.В. Подвижницы науки и просвещения. Проблемы научной работы женщин в докладах Первого Всероссийского съезда по женскому образованию // Никоновские чтения: Электронный сборник научных статей: в 2-х томах, Чебоксары, 22 апреля 2016 года. Т. 1. Чебоксары, 2016. С. 11–16.

ник председателя оргкомитета Съезда И.И. Толстого, в котором он делился многочисленными неурядицами и проблемами организаторов, а также статьи в прессе, освещавшие ход съезда.

Подготовка. Первый всероссийский съезд по образованию женщин проходил с 26 декабря 1912 по 4 января 1913 г. Вторая половина XIX – начало XX вв. в Российской империи ознаменовались организацией многочисленных крупных профессиональных, научных и общественных мероприятий – съездов. Согласно Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефона, подобные съезды представляли собой «явление весьма недавнего происхождения не только в России, но и за границей»¹⁰. Автор словарной статьи утверждал, что общая организация съездов похожа: занимались ею представители особого распорядительного комитета, программа которого в России должна утверждаться министром народного просвещения. Кроме общего собрания, съезды подразумевали частные или секционные заседания, выставки достижений, а протоколы и доклады должны были издаваться в особых «Трудах». Первыми на подобные мероприятия в Российской империи начали собираться медики и естествоиспытатели, кроме того, проводились сельскохозяйственные, археологические, торгово-промышленные, пожарные и иные съезды.

Женское движение адаптировало к своим задачам съезды, характерные для учёных и исследователей. Идея съезда, посвящённого женскому образованию, возникла в среде петербургских «равноправок» после успешной организации уже двух крупных мероприятий – Первого Всероссийского женского съезда 1908 г. и Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами 1910 г. (подготовкой этих съездов руководили известные лидеры женского движения А.П. Философова, А.Н. Шабанова, В.П. Тарновская, М.А. Чехова, М.И. Покровская, А.В. Тыркова и др.¹¹). Оба съезда демонстрировали успешную институционализацию женского движения в России, а также стали площадками для сотрудничества женских организаций.

Третий съезд, работа над которым началась в 1911 г., должен был стать площадкой для обширной дискуссии о проблемах женского образования. Организатор мероприятия – Поликсена Нестеровна Шишкина-Явейн (1875–1947), сделавшая успешную врачебную карьеру, – видела в подготовке съезда возможность утвердиться в качестве лидера Российской лиги равноправия женщин (в 1910 г. она сменила на этом посту уехавшую в Москву М.А. Чехову, а из состава совета Лиги в 1911 г. вышли две влиятельные активистки – женщины-историки Е.Н. Щепкина и А.Я. Ефименко). Казалось бы, политический момент для лоббирования расширения женских образовательных прав был выбран удачно: в декабре 1911 г. были приняты Закон и правила об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших

¹⁰ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона: Том XXXII (63). Судоходные сборы – Таицы. Т. 86. 1901. С. 203–205.

¹¹ Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007. С. 397.

учебных заведений и о порядке приобретения ими учёных степеней и звания учительницы средних учебных заведений¹². Обсуждение предстоящих изменений проходило в Государственной думе, и, безусловно, Российская лига равноправия женщин претендовала на то, чтобы расширить своё политическое влияние на законотворческий процесс. 17 января 1911 г. на общем собрании лиги была избрана особая комиссия для организации съезда (10 человек). В марте 1911 г. П.Н. Шишкина-Явейн и Е.М. Жданова обратились с проектом съезда к знакомым политикам и общественным деятелям. Председателем оргкомитета съезда был выбран граф Иван Иванович Толстой (1858–1916), русский государственный деятель, прогрессист, в годы первой русской революции пять месяцев занимавший пост министра народного просвещения. И.И. Толстой «из сочувстваия к идее женского равноправия» согласился принять на себя председательствование, «хотя, по-видимому, самая мысль у этих дам ещё не вполне разработана, а потому дело их ещё не вполне выяснено»¹³. Авторитет А.П. Философовой, избранной почётной председательницей будущего съезда, позволил привлечь к организации и других влиятельных мужчин: преподававших на Высших женских курсах профессоров Н.И. Кареева, Ф.Ф. Зелинского, активного сторонника политических прав женщин¹⁴, юриста и учёного Л.И. Петражицкого, юриста и разработчика проекта закона о всеобщем образовании Е.П. Ковалевского, государственного деятеля и предпринимателя В.И. Ковалевского. Среди участников первых организационных собраний были также депутаты Государственной Думы, деятели земства и народного образования, октярист И.С. Клюжев и кадет А.И. Шингарев. Лишь немногие из них впоследствии приняли деятельное участие в организации мероприятия. Фактически подготовка к женскому съезду стала площадкой коммуникации политических противников: октяристов, кадетов и прогрессистов. Столь представительное собрание на первом этапе подготовки было необходимо для легитимации съезда среди профессионального сообщества специалистов. Сочувствующие женскому движению профессора помогали в составлении программы, а политики должны были способствовать решению двух ключевых задач, стоявших во время подготовки к съезду: поиск финансов и получение разрешений на проведение массового мероприятия в столице от многочисленных инстанций.

Съезд и органы власти. Провозглашенная Манифестом 17 октября 1905 г. свобода собраний не означала, что массовые мероприятия, тем более имеющие отчётливо политический характер, могут проводиться без надзора органов государственной власти. Проведение съезда необходимо было согласовывать и с министерством народного просвещения, и с министерством внутренних дел, и с городскими властями. В момент согласования особенно отчётливо проявлялись многочисленные конфликты интересов.

¹² Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Том 31. 1911. № 36226. СПб., 1914. С. 1296–1300.

¹³ Толстой И.И. Дневник: в 2 т. СПб., 2010. Т. 2: 1910–1916. С. 168.

¹⁴ Петражицкий Л.И. О женском равноправии. Петроград, 1915.

сов политических противников, задействованных в организации съезда. И.И. Толстой отмечал особую сложность хлопот о разрешении съезда министром внутренних дел А.А. Макаровым. Известный своим суровым характером (ему принадлежит фраза по поводу Ленского расстрела «Так было, и так будет впредь!»¹⁵), министр был политическим противником прогрессиста И.И. Толстого, поэтому последний советовал П.Н. ШишкоЙвойн идти на аудиенцию самой: «мне Макаров может отказать гораздо решительнее и бесповоротнее, чем дамам, хотя бы и суфражисткам»¹⁶. О каких-либо препятствиях со стороны министерства народного просвещения, возглавляемого Л.А. Кассо, информации в источниках не сохранилось (несмотря на представление о министре, как об убеждённом правом, противнике женского движения¹⁷). Тем не менее в отчёте о деятельности Российской лиги равноправия женщин было особо указано, что проведение мероприятия было задержано на целый год из-за невозможности получить разрешение на созыв съезда в министерстве, «несмотря на усиленные хлопоты и постоянные напоминания»¹⁸. Большая часть хлопот легла на плечи П.Н. ШишкоЙвойн и З.А. Вахарловской (супруги генерала-лейтенанта В.Н. Вахарловского, с 1912 г. начальника артиллерии Туркестанского военного округа) – вероятно, во многом благодаря участию последней 3 мая 1912 г. разрешение всё же было получено, и началась активная подготовка (между тем министерство вынудило организаторов вычеркнуть из программы съезда секцию «Общественность в управлении школы»).

За несколько дней до начала и во время самого съезда мешать организаторам стали городские власти. Сначала полиция запретила «весёлая интересное вокально-музыкальное отделение»¹⁹, запланированное в рамках товарищеской встречи в помещении Сельскохозяйственного музея на Фонтанке, 19 в 8 вечера 25 декабря²⁰. На третий день съезда (28 декабря) И.И. Толстой писал: «в 10 ½ час. поехал в Соляной городок. Беспорядок на съезде портальный: ШишкоЙвойн нет, а она всем распоряжается; говорят, поехала к градоначальнику, который чинит всякие препятствия занятиям съезда: не разрешает прений, присутствия представителей печати и т. п.»²¹. Полиция также не допускалаочных заседаний (после полуночи)²². Петербургским градоначальником в тот момент был генерал-майор Даниил Васильевич Драчевский (1858–1918) – ветеран русско-турецкой войны 1877–

¹⁵ Цит. по: Гайдा Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о путях политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 179.

¹⁶ Толстой И.И. Указ. соч. С. 228.

¹⁷ Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Миф о Л.А. Кассо // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 14–22.

¹⁸ Отчет о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1912 год. Санкт-Петербург, 1913. С. 16.

¹⁹ Там же. С. 18.

²⁰ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее – СПбФ АРАН). Ф. 114. Оп. 1. Д. 88. Л. 8.

²¹ Толстой И.И. Указ. соч. С. 364–365.

²² Там же. С. 370.

1878 гг., известный своими проектами благоустройства в северной столице и ушедший в отставку из-за подозрений в растрате в 1914 г. В обстановке политической неопределенности 1912–1913 гг. массовое мероприятие представительниц женского движения, хотя и разрешенное министерством внутренних дел, пугало городские власти своим масштабом и широкими возможностями для революционной пропаганды, тем более, что многие выступления были рискованными «в политическом и социальном смысле»²³. Каждую проблему с полицией и городскими властями вынуждена была решать председательница лично, что только добавляло проблем к несовершенной организации мероприятия.

Экономика Съезда. Средства на организацию съезда предполагалось собрать из членских взносов (5 руб), «пожертвований, субсидий и других поступлений, а равно и сумм, вырученных от продажи на Съезде печатных произведений»²⁴. Публичная отчетность Совета Российской лиги равноправия женщин в Санкт-Петербурге демонстрировала, что в 1911 г. расходы по предполагаемому съезду составляли всего 28 руб. 15 коп., тогда как в 1912 г. общие расходы (без организации выставки) составили 5 318 руб. 19 коп.²⁵ Основной статьей доходов были членские взносы (4 560 руб.), ещё 646 было получено за подписку на дневники дъезда (это стоило 1 руб.), 84 руб. 34 коп. были выручены за продажу памятных значков съезда (металлических жетонов с монограммой ИВС по ОЖ и датой 1912), 26 руб. 25 коп. – «за пользование кроватями приезжих членов съезда». Размещение многочисленных иногородних участников было отдельной серьёзной проблемой для организаторов. Сельских и народных учительниц бесплатно разместили на время съезда в помещениях, предоставленных Высшими женскими курсами и курсами Лохвицкой-Скалон, кровати были взяты в аренду. Немногочисленных мужчин-участников «взяли на своё попечение Курсы г. Побединского», шестерых «приютила на полном пансионе у себя» лигистка Наталья Прохоровна Хорошина – вдова атамана 2-го военного отдела Уральского казачьего войска²⁶. Хозяйственная комиссия лиги организовала дешёвые обеды для участников (30 коп. за обед из трёх блюд). Прекрасно осознавая, что для многих участниц из регионов путешествие в столицу было очень накладным, распорядительная комиссия разрешила некоторым из них не платить членский взнос в 5 руб., а помочь в организации, проверяя билеты и выдавая дневники²⁷.

Главной статьёй расходов была плата за помещение и освещение его для заседаний. Когда, после длительных согласований, даты съезда были назначены, выяснилось, что одновременно после Рождества предполагается проведение нескольких крупных мероприятий, а следовательно, поме-

²³ Толстой И.И. Указ. соч. С. 370.

²⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее – СПБФ АРАН). Ф. 114. Оп. 1. Д. 88. Л. 2 об.

²⁵ Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1912 год. С. 30.

²⁶ Там же. С. 17.

²⁷ Там же. С.18.

щений, вмещающих такое количество человек, в Санкт-Петербурге может не хватить²⁸. В итоге с согласия городского головы И.И. Глазунова открытие съезда состоялось в зале Санкт-Петербургской городской думы (Невский проспект, 33-1), а заседания проходили в аудиториях по адресам Пантелеймоновская, 2 и Фонтанка, 10. Эти здания относились к «Соляному городку» – комплексу складских построек в центре Санкт-Петербурга, некогда служивших для хранения соли и вина, перестроенных в 1860-е гг. для нужд Всероссийской промышленной выставки; в них в начале XX в. устраивались выставки, концерты и лекции²⁹. В 1912–1913 гг. указанные два помещения занимало Императорское Техническое общество – его председатель В.И. Ковалевский на условиях аренды допустил участников съезда на секционные заседания³⁰. Уже во время работы съезда возникали финансовые и организационные затруднения. И.И. Толстой зафиксировал в дневнике 28.12.1912 г.: «не внесено всех денег за освещение; я додал собственные 40 рублей, чтобы осветили выставку, и этим спас положение на сегодня. Поглядев на женское хозяйствование, уехал в 12 час. домой завтракать»³¹. Судя по публичной отчетности, эти 40 руб. И.И. Толстой возвращать не просил, поэтому они были записаны как «пожертвование графа И.И. Толстого»³².

Отдельно публиковалась финансовая отчётность по организации учебно-воспитательной и промышленной выставки при съезде. Она задумывалась масштабной: для оформления пригласили архитектора и театрального художника Г.А. Косякова (по неизвестным причинам он отказался продолжать работу, деньги, уплаченные «за рабочих» и «за лес», не вернулся³³), и вместо него пригласили художника Н.М. Михайлова. На выставке демонстрировались достижения художниц и учениц училища при Академии художеств и Школы Штиглица, учебные пособия, книги и журналы, диаграммы, отчёты и фотографии учебных заведений для женщин. Среди экспонатов были даже «муляжи некоторых болезнейрогатого скота (работа женщины-художницы А.Л. Шмидт, получившей большую золотую медаль на Дрезденской выставке»³⁴), созданные женщинами фармацевтические препараты и «собственные изобретения»: «корзина с искусственными цветами» и «раздвижной аппарат для кройки платья и пальто»³⁵. Выставка должна была показать «современное состояние и постановку образования женщин в России и состояние промышленности в этом отношении»³⁶.

²⁸ Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1912 год. С. 17.

²⁹ Куферштейн Е.З. Соляной городок // Петербургские чтения, 98–99. СПб., 1999. С. 81–83.

³⁰ Отчет о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1912 год. С. 24.

³¹ Толстой И.И. Указ. соч. С. 364–365.

³² Отчет о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1912 год. С. 46.

³³ Там же. С. 34.

³⁴ Там же. С. 40.

³⁵ Отчет о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1912 год. С. 41.

³⁶ СПбФ АРАН. Ф. 114. Оп. 1. Д. 88. Л. 1.

Лучшие экспонаты и участники выставки награждались медалями Императорского технического общества, министерства торговли и промышленности, Главного управления землеустройства и земледелия, отмечались похвальными отзывами.

Организация выставки была весьма затратной. Пользуясь собственными неформальными связями, организаторы добивались финансирования из самых различных источников: так, например, И.И. Толстой договорился о субсидии от министерства торговли и промышленности на оборудование Выставки (3 000 руб.)³⁷ и об ассигновании 2500 руб. от Главного управления землеустройства и земледелия³⁸: тем не менее, финансирование, обещанное министром земледелия А.В. Кривошеиным, также задержалось. Кроме того «лицам и учреждениям, сделавшим пожертвование в пользу Выставки в размере не ниже 100 рублей»³⁹, присваивалось звание Учредителей выставки. Почётное звание получили всего три человека: доктор М.Л. Нобель-Олейникова (врач и благотворительница, занимавшаяся улучшением условий труда рабочих Товарищества братьев Нобель), попечитель Шумковской гимназии в Казани купец П.И. Александров⁴⁰ и сама П.Н. Шишкина-Явейн, регулярно тратившая личные средства на нужды лиги (и не забывавшая отметить это в отчётах) – все трое сдали по 100 руб. Экспоненты должны были оплачивать свои места на выставке, вход на неё тоже был платным.

Даже несмотря на значительные типографские расходы, съезд и выставка оказались прибыльным мероприятием: после их организации у Лиги равноправия женщин осталось 2 630 руб. 86 коп. (съезд) и 2 529 руб. 13 коп. (выставка). Все средства были переданы на нужды лиги.

Участники о Съезде. Организаторы и пресса. Первый Всероссийский съезд по образованию женщин привлёк более 1 000 участников, на нём прозвучало более 170 докладов на 40 заседаниях. Программа была перенасыщена, что стало заметно уже во время открытия, когда, кроме выступлений, были зачитаны приветствия съезду от 42 организаций. Временной регламент отсутствовал, и открытие длилось с 13 до 17 часов, некоторые выступающие не дождались своего выхода и со скандалом уехали⁴¹. Дневник съезда уклончиво писал об открытии: «общее впечатление съезда бодрящее. Все приветствия и сообщения, выражавшие веру в торжество и победу борьбы за женское равноправие, были встречаемы восторженно и горячо. Аудитория, несмотря на возможность утомиться от всего испытанного, сохраняла полное внимание до конца»⁴². Язвительная заметка в газете «Новое

³⁷ Отчет о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1912 год. С. 34.

³⁸ Толстой И.И. Указ. соч. С.353.

³⁹ Отчет о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1912 год. С. 34.

⁴⁰ Ежова С. Женское профессиональное образование в Казани в конце XIX – начале XX в. (на примере частной женской гимназии Л.П. Шумковой) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2016. № 1-2. С. 58.

⁴¹ Толстой И.И. Указ. соч. С. 364.

⁴² СПбФ АРАН. Ф. 114. Оп. 1. Д. 88. Л. 18.

время» звучала гораздо жестче: «... никто из входивших на кафедру не считался с терпением и временем аудитории»⁴³. Корреспондент, скрытый под псевдонимом «К.», в это время наблюдал за публикой: «подавляющее большинство женщины. Мужчины положительно теряются среди этого дамского моря. У многих “утгнетателей” чрезвычайно растерянные лица. Жены зато смотрят победительницами. Необычайно шумно»⁴⁴.

Далеко не все тексты приветствий и выступлений на съезде были опубликованы. Частично они были зафиксированы в «Дневнике Съезда», издаваемом А.Н. Кремлевым (1859–1919), публицистом и театральным деятелем. Вероятно, А.Н. Кремлев был не столько увлечён женским движением, сколько выступал как профессиональный «организатор» подобных масштабных мероприятий: так, он же являлся секретарем Всероссийского съезда сценических деятелей. Перу А.Н. Кремлева принадлежит программная статья «От редакции», декларировавшая значение и главные ценности образования для женщин: «Только при поднятии образования женщин на надлежащую высоту, можно верить в полную победу женского равноправия и в плодотворность самой борьбы за освобождение женщины; только при поднятии образования всех женщин на эту высоту, все женщины поймут необходимость такой борьбы во имя общих интересов человечества»⁴⁵. По мнению А.Н. Кремлева, воспитание женщин важнее воспитания мужчин, потому что «последнее есть всегда труд женщин»⁴⁶. Для аргументации этого мнения А.Н. Кремлев апеллировал к авторитетам. Он цитировал спартанского законодателя Ликурга («в женщине скрыта сила народа» – цитата переиначена); Эмиля Жирардена – французского журналиста и политика («женщины носят в чреве своём будущность общества») (Жирарден, будучи редактором первой массовой французской газеты, был первым мужчиной, публично называвшим себя «феминистом»), А. де Токвиля («Я показал, сколько великих дел совершили американцы... и если бы меня спросили, чему можно приписать их успех и силу, я ответил бы: душевной силе их женщин»⁴⁷). По мнению А.Н. Кремлева, «как мать и воспитательница будущих людей и граждан женщина должна получать самое широкое образование и развитие»⁴⁸.

Тема ценности и значения женского образования звучала во всех выступлениях съезда. В своей вступительной речи на открытии И.И. Толстой надеялся, что женщины будут стремиться не только к росту своих прав, но и к расширению обязанностей. По его мнению, за счёт женщин Россия должна была увеличить «армию борцов с невежеством и отсталостью населения, этими главными врагами величия и славы нашего Отечества»⁴⁹.

⁴³ Новое время. 28 декабря 1912 (10 января 1913). № 13217. С. 5.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ СПбФ АРАН. Ф. 114. Оп. 1. Д. 88. Л. 1 об.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 2.

⁴⁸ Там же. Л. 1 об.

⁴⁹ Труды... С. XXXVIII.

В докладе известной писательницы, кадетки А.В. Тырковой (1869–1962) о трансформации психологии женщин отдельно отмечались изменения ценностей и женских добродетелей: от покорности, пассивности, краткости к активности, стремлению к познанию, к привычке думать и наблюдать, охранять цельность и достоинство своей личности⁵⁰.

В своём выступлении филолог-классик М.М. Покровский (1868–1942)⁵¹ в качестве ключевой ценности европейского общества рассматривал «достоинство женщины, и в частности, ея право на одинаковое образование с мужчиной»⁵². По его мнению, впервые в человеческом обществе уже древние греки пытались решать этот вопрос, но не в контексте пола, а в системе других культурных и социально-политических координат. Так, М.М. Покровский искал корни современного женского вопроса в классической греческой драматургии (пьесах Софокла, Еврипида и Аристофана), формулируя на их основе представление о равенстве людей как достижение социальной философии греческого общества. Рассматривая эмансипацию женщин как неотъемлемую часть развития цивилизации, М.М. Покровский отмечал литературные примеры стремления гречанок к просвещению (в «Медее» Еврипида, «Лисистрате» и «Женщинах в народном собрании» Аристофана), обращая внимание на то, что женщины-героини этих произведений были особо восприимчивы к ценностям равенства и свободы. Древнегреческая философия также сформулировала принцип равенства людей от природы, стоики впервые выразили принцип «о равенстве науки для всех и о равенстве всех перед наукой»⁵³. По мере распространения греческой культуры в Римской республике росло убеждение в том, что «порыв женщин к мужскому образованию» являлся логичным продолжением выработавшихся ценностей внутри брака: морального равноправия мужа и жены, дружеского союза, понимания и принятия между супругами⁵⁴. Принципат М.М. Покровский рассматривал как пагубное время для женской эмансипации, хотя примеры просвещённых и образованных женщин встречались в Риме и в эту эпоху. Все рассматриваемые им учёные и добродетельные героини были в первую очередь прекрасными супругами и гражданками, следовательно, их образование было одной из определяющих ценностей для конструирования образа настоящей римлянки.

Третья часть выступления М.М. Покровского была посвящена эпохе Ренессанса. Гуманизм XVI в., основанный на ценностях возвышенности и достоинства человека, равенства науки для всех, рассматривался историком как период, когда в разных странах Европы стал заметен целый ряд «блестящих учёных женщин»⁵⁵.

⁵⁰ Труды... С. 2–3.

⁵¹ Покровский М.М. Греческие, римские и новые гуманисты о женшине и ея образовании // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 7–29.

⁵² Там же. С. 8.

⁵³ Там же. С. 17.

⁵⁴ Там же. С. 19.

⁵⁵ Покровский М.М. Указ. соч. С. 25

Схожие мысли о значении женского образования на Съезде звучали в выступлениях А.Я. Ефименко, Н.С. Гуревич, П.В. Струве и других докладчиков. Обширная программа съезда продемонстрировала, как ценности высшего образования женщин отражаются в различных научных и практических направлениях: от медицины и естественных наук до истории, лингвистики и других гуманитарных дисциплин. Фактически съезд стал последней площадкой активного обсуждения проблем высшего женского образования в Российской империи – последующие социальные потрясения 1914–1922 гг. отодвинули эти проблемы на второй план.

В дневнике И.И. Толстой особо отмечал недостатки организации и напряжённую атмосферу, царившую среди устроительниц съезда: «собралось народу много, но порядка было мало»⁵⁶; «съезд действует вовсю, но порядка всё ещё мало»⁵⁷. Главной виновницей проблем он видел саму П.Н. Шишкину-Явейн: «... дело, кажется, налаживается, хотя Шишкина ведёт себя непозволительно со всеми грубо, а вместе с тем благодаря нераспорядительности она вносит вместо порядка беспорядок»⁵⁸; «... царит прежнее уныние и жалобы на невероятную грубость в обращении председательницы Лиги равноправия; эта женщина или совсем невоспитанная, или она сумасшедшая; м. б. она рехнулась оттого, что из болезненного самолюбия хотела взяться за всё и оттолкнула всех помощниц, а затем видит, что не справиться»⁵⁹.

В «Дневнике Съезда» заметно нарастающее возмущение издателя А.Н. Кремлева из-за того, что расписание секций и выступлений произвольно менялось: «изменения в расписаниях и притом иногда противоречивые сообщаются по телефону от лиц, не принадлежащих к составу оргкомитета и неизвестных редакции»⁶⁰. Надежда публиковать в «Дневнике» резолюции секций также не оправдалась: ни одна резолюция вовремя в редакцию не пришла (несмотря на строгое указание предоставлять их до 10 утра на следующий день после заседания). В последнем выпуске Дневника напечатано строгое сообщение: «Заканчивая свой труд, Редакция выражает сожаление, что президиумы некоторых секций недостаточно усвоили себе как задачи издания “Дневника Съезда”, так и свои обязанности по отношению к Дневнику – именно вследствие неусвоения всего этого президиумами все возвзвания Редакции оставались безуспешными, а члены Съезда лишены были возможности своевременно знакомиться с расписаниями занятий Съезда и с результатами его работы»⁶¹. Особо в «Дневнике» отмечалась «некультурность» ряда заседаний: «криками и шумом выражалась нетерпимость большинства к мнениям меньшинства или отдельных членов Съезда»⁶².

⁵⁶ Толстой И. И. Указ. соч. С. 364.

⁵⁷ Там же. С. 366.

⁵⁸ Там же. С. 365

⁵⁹ Там же. С. 369–370.

⁶⁰ СПбФ АРАН. Ф. 114. Оп. 1. Д. 88. Л. 32.

⁶¹ Там же. Л. 74.

⁶² Там же. Л. 76.

Но наибольшее внимание в заключительном выпуске «Дневника» редактор уделил не анализу результатов мероприятия, а полемике с прессой, неоднозначно оценивавшей съезд. А.Н. Кремлев цитировал пушкинскую эпиграмму «... разводят опиум чернил слюною бешеною собаки...»⁶³ и обвинял журналистов в неприличном поведении и в том, что некоторые из них «настолько прониклись «сексуальными вожделениями», что только через призму этих вожделений и сочли возможным глядеть на съезд»⁶⁴. Наибольшего внимания А.Н. Кремлева удостоился журналист социалистической газеты «День» Г. Патрашкин.

Заключительное заседание Съезда также вышло затянутым: после отчёта секретаря В.А. Кинерта президиумы семи секций прочли резолюции, которые (кроме одной) были приняты «посредством вставания»⁶⁵. Собрание закончилось заключительными речами председательницы Российской лиги по равноправию женщин П.Н. ШишкоН-Явейн и председателя оргкомитета съезда графа И.И. Толстого, «причём последовал традиционный обмен взаимных благодарностей»⁶⁶. В своей речи П.Н. ШишкоН-Явейн принесла извинения за то, что «на Съезде было много всяких недочётов, ошибок и промахов, неизбежно сопутствующих всякому большому общественному делу»⁶⁷. В полночь съезд был закрыт.

Заключение. Первый съезд по образованию женщин вошёл в краткий перечень ключевых мероприятий, продемонстрировавших масштаб и силу российского женского движения начала XX в. В процессе подготовки проявились несколько групп влияния, заинтересованных в развитии движения: съезд стал формой гражданской активности для деятелей образования и способом укрепления репутационного капитала для либеральных политиков. Для органов государственной власти съезд, напротив, виделся угрозой общественному порядку в нестабильной политической ситуации. Следовательно, во многом успех женского движения в подготовке съезда на 1 000 человек был обусловлен умением организаторов использовать различные группы влияния в достижении своих целей, лавировать между политическими противниками и искать финансирование.

В процессе подготовки съезда амбициозные цели столкнулись с отсутствием необходимого опыта организации масштабных мероприятий. Внутренние конфликты в женском движении лишь усложняли процесс подготовки, а стиль руководства председательницы вызывал критику других участниц. Съезд находился под пристальным вниманием прессы, лишь небольшая часть которой сочувствовала Лиге равноправия, что также усугубляло напряжённость. Значимый для институционализации женского движения и последующей борьбы за избирательные права, съезд публично продемонстрировал слабые места взаимодействия «равноправок», но не-

⁶³ СПбФ АРАН. Ф.114. Оп. 1. Д. 88. Л. 76.

⁶⁴ Там же. Л. 75 об.

⁶⁵ Там же. Л. 75.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. Л. 75 об.

смотря на все проблемы, масштабное мероприятие было очередным успешным шагом для преодоления существовавших барьеров.

Список литературы:

1. Артемова С.И., Чуракова О.В. Подвижницы науки и просвещения. Проблемы научной работы женщин в докладах Первого Всероссийского съезда по женскому образованию // Никоновские чтения: Электронный сборник научных статей: в 2-х томах, Чебоксары, 22 апреля 2016 года. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2016. Т. 1. С. 11–16.
2. Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о путях политического развития (1910–1917). М., 2016. – 604 с.
3. Ежова С. Женское профессиональное образование в Казани в конце XIX – начале XX в. (на примере частной женской гимназии Л.П. Шумковой) // Гасырлар авазы - Эхо веков. 2016. № 1-2. С. 58–68.
4. Куферштайн Е.З. Соляной городок // Петербургские чтения, 98–99. СПб., 1999. С. 81–83.
5. Пушкирева И.М., Пушкирева Н.Л. Становление женского политического движения в России (1891–1914 гг.) // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 114–128.
6. Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Миф о Л.А. Кассо // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 14–22.
7. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. – 614 с.
8. Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б. Женское движение в России: (Вторая половина XIX – начало XX в.). М-во образования Рос. Федерации. Иван. гос. ун-т. Иваново, 2003.
9. Юкина И.И. От дам-патронесс до женотделовок: история женского движения России. М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 675, [1] с.
10. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – 539 с.
11. Ruthchild R. G. Equality & revolution: women's rights in the Russian Empire, 1905–1917. Pittsburgh, Pa: University of Pittsburgh Press, 2010. 356 p.

Об авторе:

СЕКЕНОВА Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; (Россия, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д.32А), e-mail: jkzkray@mail.ru

The First All-Russian Congress on Women's Education (1912-1913): problems of organization and interaction

O. I. Sekenova

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

In the article, the author reconstructs the problems of preparing the First All-Russian Congress on Women's Education (26.12.1912–04.01.1913), basing on archival documents, «Congress Diaries», reports of the Russian League for Women's Equality and newspaper articles. The problems of financing the congress and the specifics of obtaining permits for mass events, organizational details of holding an educational and industrial exhibition, difficulties in interacting with ministries and city authorities are investigated. Based on the data obtained, the author concludes about the specifics of organizing the Congresses of the women's movement of the early twentieth century in the context of the political history of Russia. The Education Congress is considered as a platform for interaction between representatives of the women's movement, scientists and educators, professional politicians and government officials..

Keywords: *women's education, Russian League for Women's Equality, congress, women's movement.*

About author:

SEKENOVA Olga Igorevna – PhD (History), Research Fellow, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt, 32A), e-mail: jkzkray@mail.ru

References:

- Artemova S.I., Churakova O.V. *Podvizhnicy nauki i prosveshcheniya. Problemy nauchnoj raboty zhenshchin v dokladah Pervogo Vserossijskogo s'ezda po zhenskomu obrazovaniyu*, Nikonovskie chteniya: Elektronnyj sbornik nauchnyh statej, Vol. 1. Cheboksary: Chuvashskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. I.Ya. Yakovleva, 2016, S. 11–16.
- Gajda F.A. *Vlast' i obshchestvennost' v Rossii: dialog o puti politicheskogo razvitiya (1910–1917)*. Moscow, 2016.
- Ezhova S. *Zhenskoe professional'noe obrazование в Казани в конце XIX - начале XX в. (на примере частной женской гимназии Л. П. Шумковой)*, Gasyrlar avazy – Eko vekov, 2016, № 1-2, S. 58–68.
- Kufershtejn E.Z. *Solyanoj gorodok*, Peterburgskie chteniya, 98–99. SPb., 1999. S. 81–83.
- Pushkareva I.M., Pushkareva N.L. *Stanovlenie zhenskogo politicheskogo dvizheniya v Rossii (1891–1914 gg.)*, Zhenshchina v rossijskom obshchestve, 2020, № 2, S. 114–128.

- Rostovcev E.A., Sidorchuk I.V. *Mif o L.A. Kasso*, Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya, 2019, № 57, S. 14–22.
- Stajts R. *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: feminizm, nigelizm I bol'shevizm, 1860–1930*. Moscow, 2004.
- Hasbulatova O.A., Gafizova N.B. *Zhenskoe dvizhenie v Rossii: (Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v)*, Ivanovo, 2003.
- Yukina I.I. *От dam-patroness до zhenotdelovok: istoriya zhenskogo dvizheniya Rossii*, Moscow, 2024.
- Yukina I.I. *Russkij feminism kak vyzov sovremennosti*, Sankt-Peterburg, 2007.

Статья поступила в редакцию 05.06.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

УДК 94(470.33)“18/19”:37-055.2
DOI 10.26456/vthistory/2025.3.111–127

К вопросу о становлении и развитии Тверской Мариинской женской гимназии во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам архивных фондов ГАТО)

А.В. Цыганова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

Статья посвящена неизвестным страницам из истории становления и развития Тверской Мариинской женской гимназии во второй половине XIX – начале XX в., преимущественно в период руководства первой начальницы гимназии Констанции Фёдоровны Гросвальд. На основе исследования архивных материалов анализируются неизвестные факты открытия первой женской гимназии в Твери, участие губернской власти и тверской общественности в образовательной и хозяйственной деятельности учебного заведения, приведена статистика социального состава и контингента учащихся гимназии в динамике, показаны источники материального обеспечения руководства гимназии и преподавательского состава. В заключении делается вывод о личном и профессиональном вкладе К.Ф. Гросвальд в становление среднего женского гимназического образования в Твери.

Ключевые слова: Тверская Мариинская женская гимназия, женское образование, К.Ф. Гросвальд, Попечительный совет, Тверская губерния, Тверь.

Женские гимназии были неотъемлемой частью системы образования и ключевым звеном системы женского образования в России с конца 50-х гг. XIX в. до 1918 г. Средняя женская школа 60–90-х гг. XIX в. ответила на возрастающие требования своего времени – уровень образования, качество знаний, подготовка учительских кадров. Следует отметить, что женские гимназии во многом способствовали развитию традиций и ценностей общества, приобщению к культуре, трансляции педагогических знаний и опыта, а также трансформации места и роли женщин в дореволюционной России. Женские гимназии с их богатым культурно-нравственным и образовательно-воспитательным опытом безусловно способствовали значительному повышению уровня и качества образования в России. Для исследования представляется крайне актуальным изучение процесса возникновения, становления и развития женских гимназий в региональном компоненте, поскольку данная проблематика по-прежнему остается малоизученной в исследовательском поле.

Цель исследования – на основе изучения архивных источников осветить становление и развитие Тверской Мариинской женской гимназии в период пребывания на посту первой начальницы К.Ф. Гросвалд, а также восполнить пробел в изучении процесса становления и развития региональных женских гимназий в России второй половины XIX – начала XX в. на примере Тверской губернии.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма, объективности, научности, а также методы формальной логики, источниковедческий метод исследования и метод персонификации.

Обратим внимание на историографию вопроса. История среднего женского образования долгое время была в центре внимания исследователей. В общем комплексе работ по истории женского образования и женских гимназий второй половины XIX – начала XX в. можно выделить три периода: дореволюционный, советский, постсоветский.

Из дореволюционных работ в первую очередь следует обратить внимание на фундаментальный труд Е.О. Лихачевой¹. Работа охватывает период с IX по XIX вв. и подробно рассматривает процесс развития женского образования в 50–80-х гг. XIX в. К истории женского образования в России обращено внимание Н.Е. Зинченко, В. Овцына, Е.М. Гаршина, О.В. Пиллер². Авторы рассматривают становление и развитие женского образования в целом, анализируют учебно-воспитательный процесс в гимназиях, его достоинства и недочеты. Вопросами гимназического образования в целом и женского в частности занимались С.В. Рождественский, И.А. Алешинцев, В.В. Розанов³. Их работы содержат богатый фактологический материал о состоянии и устройстве женских средних школ, их материальной базы, а также характеризуют учебные планы и программы.

В советский период внимание исследователей к среднему женскому образованию значительно упало. В это время выходят работы, посвящённые истории образования в целом и среднего в частности, где женские гимназии упоминаются лишь как тип учебных заведений и характеризуются довольно поверхностно. Среди советских авторов следует отметить Е.Н. Медынского, Ш.И. Ганелина, Н.А. Константинова, а также фундаментальный обобщающий труд – серия очерков по истории школы и педагогической мысли народов СССР⁴.

¹ Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России. В 4 кн. СПб., 1890–1901.

² Зинченко Н.Е. Женское образование в России. Спб., 1901; Овцын В. Развитие женского образования. СПб., 1887; Гаршин Е.М. К вопросу об организации женского образования. СПб., 1893; Пиллер О.В. Итоги женского образования в России и его задачи. СПб., 1888.

³ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 гг. СПб., 1902; Алешинцев И.А. История гимназического образования в России. СПб., 1912; Розанов В.В. Сумерки просвещения // Русский Вестник. 1893. № 1–3.

⁴ Медынский Е.Н. История русской педагогики до Великой октябрьской социалистической революции. М., 1938; Константинов Н.А. Очерки по истории начального

В постсоветское время различные аспекты среднего женского образования дореволюционной России получили свое развитие в исследований, в том числе и региональных. Особого внимания заслуживает работа Э.Д. Днепрова и Р.Ф. Усачевой⁵, в которой на основе обширного архивного материала подробно представлен процесс становления и развития средней женской школы в России в XVIII – начале XX в. Авторы анализируют различные типы женских учебных заведений, в том числе Мариинского ведомства и министерства народного просвещения. Также следует отметить работу Л.Б. Хорошиловой⁶, где рассматривается исторический путь развития женского образования с XVIII в. до начала XX в.

Часть современных работ посвящена повседневной жизни преподавателей средней школы. Здесь фундаментальным исследованием является работа И.В. Зубкова⁷, посвящённая широкому кругу проблем российского учитительства с 1870-х гг. по 1917 г., – социальной характеристике и повседневной жизни. Объектом внимания автора являются директора и инспекторы гимназий и реальных училищ, а также начальницы женских гимназий, в числе которых женские гимназии Тверской губернии.

Тверская Мариинская женская гимназия не становилась объектом детального изучения в исследовательском поле, и здесь следует подчеркнуть её слабую изученность. Из дореволюционных работ отметим лишь одну – обобщающий труд преподавателя истории Н.А. Маслова, который по заказу гимназии подготовил «Историческую записку», приуроченную к 50-летнему юбилею Тверской Мариинской женской гимназии⁸.

Из современных работ лишь несколько небольших статей тверских краеведов посвящены истории возникновения и развития гимназии, учебно-воспитательной деятельности, а также ученицам гимназии⁹. Следует

образования в России. М., 1949; Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. М., 1950; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Первая половина XIX в. М., 1973; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX вв. М., 1991.

⁵ Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф. Женское образование в России. М., 2009.

⁶ Хорошилова Л.Б. Женское образование и воспитание // Очерки русской культуры XIX века. М., 2001. Т. 3. С. 308–364.

⁷ Зубков И.В. Российское учитительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870–1916. М., 2010.

⁸ Маслов Н.А. Пятидесятилетие Тверской Мариинской женской гимназии (1858–1908): Ист. записка / Сост. по поруч. Пед. сов. преп. гимназии Н. Маслов. Тверь, 1908.

⁹ Забелин Н.А. Тверская Мариинская женская гимназия // Записки тверских краеведов. Вып.6. Тверь, 2012. С. 7–14; Гадалова Г.С. Три Марии – выпускницы Тверской Мариинской женской гимназии // Традиции российской школы: история и современность. К 140-летию Тверской земской женской учительской школы имени П.П. Максимовича: материалы юбилейной научно-практической конференции. Тверь, 2012. С. 79–89; Мосалыгина Л. Тверская Мариинская женская гимназия (1858–1913 годы) // 125-летие школы Максимовича: юбилейные чтения 6–8 декабря 1995 года. Тверь, 1997. С. 34–37.

отметить, что исследователи лишь эпизодически упоминают первую начальницу гимназии Констанцию Фёдоровну Гросвальд в контексте становления гимназии.

Источниковую базу исследования составляют архивные материалы из фондов «Тверская Мариинская женская гимназия» и «Директор народных училищ Тверской губернии» Государственного архива Тверской области (далее – ГАТО). В научный оборот впервые вводятся источники по истории гимназии, находящиеся на хранении в ГАТО.

История Тверской Мариинской женской гимназии началась с 50-х гг. XIX в., а именно с 1858 г. Гимназия прошла длинный и очень непростой путь становления и развития как тип среднего женского учебного заведения, от училища до гимназии. С момента основания учебного заведения в 1858 г. до 1918 г. должность начальницы занимали три женщины – Констанция Фёдоровна Гросвальд, Мария Николаевна Сиряцкая, Мария Фотиевна Патлавская. Именно на плечи этих женщин во многом и легли непростые задачи по хозяйственной деятельности, учебному процессу и внеучебной деятельности гимназии.

Первой начальницей Тверской Мариинской женской гимназии стала Констанция Фёдоровна Гросвальд, воспитанница Санкт-Петербургского Воспитательного дома в заведениях ведомства императрицы Марии Фёдоровны¹⁰. С 1841-го по 1844 г. она состояла домашней наставницей в частном доме помещика Новгородской губернии штабс-капитан Коздинина для обучения его детей и получала жалование 342 руб.86 коп. серебром ежегодно¹¹. В октябре 1844 г. Гросвальд открыла частный женский пансион в Твери. С преобразованием пансиона в Тверское высшее Мариинское женское училище она была утверждена начальницей училища 2 августа 1858 г. и после преобразования училища в гимназию находилась в должности начальницы гимназии до октября 1889 г.¹² С именем первой начальницы гимназии К.Ф. Гросвальд связаны стадии рождения, становления и расцвета женской гимназии в Твери.

Вторая половина XIX в. знаменовала собой масштабное реформирование системы образования, затронувшей и женские учебные заведения. 30 мая 1858 г. императором Александром II было утверждено Положение о женских училищах, вследствие чего женские училища стали учреждаться в губернских городах. Ещё в 1856 г. Министерство народного просвещения в лице министра А.С. Норова приступило к серьёзному реформированию женского образования. В учебные округа поступали правительственные циркуляры о предоставлении в министерство предложений по следующим вопросам: в каких городах существует потребность в женских школах, какие предметы должны быть, каким искусствам и рукоделию необходимо обучать, во всех ли городах учебный курс должен быть одинаков, какие

¹⁰ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 366. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Там же. Д. 245. Л. 11.

основания должны быть приняты при устройстве школы по хозяйственной и административной части, какие потребуются средства¹³.

Тверская губерния активно включилась в процесс создания новой образовательной модели – всесословной средней общеобразовательной женской школы. Согласно циркуляру управляющего Московским учебным округом от 19 апреля за №1135, директору училищ Тверской губернии следовало представить соображения об открытии в губернии женских школ¹⁴. При этом подчеркивалось, что к данному вопросу необходимо пригласить дворянство и городские сословия. Итогом работы стал проект Положения училища для девочек в Твери¹⁵. Согласно проекту, училище объявлялось доступным для детей всех сословий от 6 до 10 лет и состояло под непосредственным заведыванием директора училищ Тверской губернии; наблюдение за учебной частью, как в гимназии, поручалось инспектору. Курс обучения был шестилетний, годовая плата в низших трех классах назначалась в 20 руб., в старших классах – по 30 руб. Поскольку расходы на оплату обучения представляли проблему прежде всего для родителей воспитанниц, проект предусматривал некоторые меры по снижению стоимости обучения: если будут обучаться две родные сестры, то за вторую платится половинная сумма, за трёх родных сестер платится двойная сумма, назначенная к одной «девице», четвёртая и последующие сестры обучаются бесплатно. Обучение в училище возлагалось на учителей мужской гимназии, классных дам и учителей уездного училища, которые получали оплату, исходя из числа уроков.

Следует отметить, что в архивных материалах об открытии женского училища в Твери отсутствуют сведения о дальнейшей судьбе данного проекта. Тем не менее отметим усилия, вовлечённость и ответственность тверских представителей по выработке предложений по устройству средних женских учебных заведений в Твери.

Открытие женского училища в Твери по-прежнему оставалось актуальным. В данном случае необходимо отметить не последнюю роль тверского купечества в вопросах финансирования училища и его открытия. Согласно Положению 1858 г., содержание училищ в основном возлагалось на общественные организации и частные лица. Тверское купеческое общество выразило согласие собирать ежегодно в течение пяти лет по 2 % с гильдейских пошлин, вносимых в казну всеми купцами для учреждения женского училища, что составляло свыше 400 руб. в год. Для образования основного капитала купец А.Ф. Головинский изъявил готовность жертвовать ежегодно по 1000 руб. в течение пяти лет. Тверские купцы Д. Ветошкин, П. Аваев, А. Бураков, А. Абакумов, Н. Зверков, И. Назаров, Н. Капустин, А.А. Коняев, И. Бобров, И. Нечаев, И. Коняев, В. Аваев, Ф. Былинкин, А.М. Коняев, Я. Политов, С. Клементьев, К. Вагин, И. Гильгендорф, И. Баранов, А. Бог-

¹³ ГАТО. Ф.20. Оп. 1. Д. 2376. Л. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 10–11.

данов, М. Куро, Е. Щеткин, В. Светогоров, А. Уткин, П. Родионов сделали единовременный взнос на сумму 1190 руб. серебром¹⁶. Тверской купец 1-й гильдии, титулярный советник Иван Михайлович Панов изъявил желание жертвовать 1000 руб. серебром в год в течение трёх лет и – более того – согласился за свой счёт направить в училище пять бедных девочек с платой за каждую по 35 руб.¹⁷

2 августа 1858 г. было получено разрешение Попечителя Московского учебного округа на открытие в Твери женского училища на базе частного пансиона К.Ф. Гросвальд. Попечитель Московского учебного округа обратил внимание на необходимость решения вопроса о новом помещении для училища, и было решено предоставить училищу старое помещение Тверской мужской гимназии на Полуциркулярной площади. Ещё в июле 1858 г. тверской губернатор, генерал-майор Павел Трофимович Баранов направил ходатайство императрице Марии Александровне о принятии Тверского женского училища под свое покровительство. Был получено подтверждение от министра Императорского двора графа Адлерберга о согласии императрицы, началась подготовка к открытию женского училища в Твери. Но было одно важное и обязательное к исполнению условие – открытие училища должно состояться только в присутствии императрицы¹⁸. Торжественное открытие гимназии состоялось 11 августа 1858 г. в присутствии императорской четы – императора Александра II и императрицы Марии Александровны. С этого момента училище именовалось «Мариинское высшее женское шестиклассное училище» в Твери. Необходимо отметить, что в училище из предполагаемых к открытию шести классов открыты были только три первых класса. Именно по этой причине училище и было отнесено ко II разряду с обязательными и необязательными предметами. К обязательным предметам относились: Закон Божий, русский язык, математика и физика, история и география, начальные основания естественной истории, чистописание и рисование, рукоделие. К необязательным – французский язык, немецкий язык, музыка. Годовая плата за обучение обязательным предметам составляла 30 руб., за необязательные полагалась дополнительная плата от 1 до 5 руб.¹⁹ При формировании штатного расписания и распределении уроков на неделю училище руководствовалось примером и опытом женского губернского училища в Костроме²⁰. Ниже представлена смета Тверского Мариинского женского училища, утверждённая Попечителем Московского учебного округа 24 сентября 1858 г.:

¹⁶ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 62. Л. 39а.

¹⁷ Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2736. Л. 33.

¹⁸ Там же. Л. 37.

¹⁹ Там же. Л. 43.

²⁰ Там же. Л. 31.

Таблица 1.

Смета Мариинского высшего женского училища в Твери при открытии первых трех классов (24 сентябрь 1858 г.)²¹

Статьи расхода	Расходы на содержание (в руб.)
Начальница училища с помощницею	300
Плата за уроки преподавателям	1900
Общие классные пособия	100
Аренда дома	600
Отопление и содержание дома	150
Наём прислуги	150
Итого	3200

Как видно из таблицы, основные расходы требовались на оплату труда преподавателей и аренду здания, что составляло около 90 % от общего бюджета.

Таким образом, за достаточно короткий срок (всего два месяца!) усилиями губернской власти и тверской общественности была завершена работа по открытию женского училища в Твери.

В отчёте министерства народного просвещения за 1858 г. отмечалось, что женские училища были открыты в Вологде, Тотьме, Устьысольске, Твери, Рязани, Самаре, Моршанске, Ржеве, Чернигове, Туле, Смоленске, Нижнем Новгороде и в Вятской губернии²². Примечательно, что директор училищ Смоленской губернии при открытии училища в Смоленске руководствовался опытом и знаниями именно тверских коллег, о чём свидетельствует его переписка с директором училищ Тверской губернии²³. Следует отметить, что женские училища создавались как Ведомством учреждений императрицы Марии, так и Министерством народного просвещения.

Учреждение женского училища в Твери открывало новую страницу и новые надежды в вопросах развития женского образования в Тверской губернии. К 1862 г. женское училище уже осуществляло набор воспитанниц в шесть классов, что позволило отнести училище к I разряду. В 1862 г. училище получило новое название – Тверская Мариинская женская гимназия – в связи с переименованием женских училищ в женские гимназии. Важно отметить, что учебное заведение уже с 1859 г. находилось в подчинении министерства народного просвещения, а не ведомства учреждений императрицы Марии. Во многом это было связано с финансово-экономической поддержкой женского училища, которая осуществлялась за счёт частных пожертвований и сбора платы за обучение. В этом и заключалось главное отличие учебных заведений министерства народного просвещения и ведомства императрицы Марии. Первые всецело зависели от

²¹ ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2736. Л. 54.

²² Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф. Указ. соч. С.137.

²³ ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2736. Л. 55.

средств местных обществ, городской управы, платы за обучение, частных пожертвований и лишь незначительного пособия из казны, а вторые изначально были поставлены в более благоприятные условия и получали существенную поддержку из казны.

Значительную роль в рамках общественной поддержки женского образования в Тверском Мариинском училище играла деятельность попечительского совета, наделённого значительными правами и полномочиями. Попечительский состав женского училища состоял из пяти непременных членов (попечительница, уездный предводитель дворянства, директор училища или гимназии, городской голова, начальница училища) и двух выборных (один из дворян или чиновников, и один из купечества)²⁴. В задачи совета входило: избрание попечительницы, начальницы, преподавателей; материальное и хозяйственное обеспечение училища; наблюдение за нравственным поведением учениц. Впоследствии, с принятием нового Положения о женских гимназиях 1870 г., круг деятельности попечительских советов будет ограничен и сведётся исключительно к заботам о материальном состоянии и хозяйственной деятельности гимназий, что имело огромное значение в условиях недостаточного финансирования государством женских гимназий.

Первой попечительницей училища стала графиня Анна Алексеевна Баранова, утверждённая министром народного просвещения 10 сентября 1858 г.²⁵ Как правило, в состав попечительского совета входили наиболее состоятельные горожане и чиновники. Например, в конце 1860-х гг. в состав попечительского совета гимназии входили непременные члены (попечительница гимназии княгиня Софья Васильевна Мещерская, тверской уездный предводитель дворянства Андрей Павлович Шупинский, директор училищ Тверской губернии Александр Николаевич Робер, городской голова Алексей Фёдорович Головинский, начальница гимназии Констанция Фёдоровна Гросвальд), выборные от купеческого сословия (Алексей Арсеньевич Бураков, Николай Иванович Капустин, Алексей Андреевич Коняев, Ф. Я. Былинкин, Иван Фёдорович Шарапов, Петр Николаевич Бушмарин, Василий Васильевич Светогоров) и дворян (Арсений Иванович Балкашин).

Важная роль в эффективности учебно-воспитательного процесса в Тверской Мариинской женской гимназии принадлежала первой начальнице Констанции Фёдоровне Гросвальд, занимавшей эту должность на протяжении 31 года. Должность начальницы женской гимназии относилась к руководящему составу согласно Положению о женских училищах 1858 г. и Положению о женских гимназиях 1870 г. Тот факт, что К.Ф. Гросвальд сыграла огромную роль в становлении и развитии Тверской женской гимназии находит подтверждение в многочисленных архивных документах.

Анализ архивных документов показал, что первая начальница гимназии прилагала значительные усилия для постановки учебного процесса в

²⁴ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 62. Л. 39а.

²⁵ Там же. Д. 2736. Л. 50.

гимназии. В целом его организация не отличалась от других женских гимназий и проходила в соответствии с утверждёнными министерством народного просвещения учебными планами, программами и рекомендациями по его устройству. Один из важных вопросов для руководства гимназии был связан с набором учениц. Отметим, что первоначально гимназия не пользовалась популярностью в Твери, что было связано с элементарным отсутствием информации о ней. Но руководство гимназии быстро нашло выход из ситуации – в тверских газетах печатали объявления об открытии нового женского учебного заведения в городе, наборе учениц и стоимости обучения, а также уездным предводителям дворянства были направлены официальные письма с подробными сведениями об учебном заведении²⁶.

Ежегодные отчёты гимназии о состоянии учебно-воспитательного дела позволили выявить динамику численности учениц с года первого набора (1858 г.) по 1917 г. включительно (табл. 2).

Таблица 2.
Численность учениц в Тверской Мариинской женской гимназии
(1858–1917 гг.)²⁷

Год (по состоянию к 1 января текущего года)	Число учениц
1858	85
1859	78
1860	84
1861	80
1862	87
1867	153
1875	252
1882	404
1885	448
1895	560
1901	606
1906	570
1913	662
1917	979

Таким образом, исходя из статистических данных, можно заключить, что численность учениц гимназии неуклонно возрастала. В период с 1858-го по 1862 г. количество обучающихся оставалось в среднем 80–85 чел., что объясняется открытием только первых трёх классов. Но с открытием ещё трёх дополнительных классов в 1862 г., когда гимназия состояла из шести основных классов, в 1867 г. обучающихся было уже 153 чел. В последующие

²⁶ ГАТО. Ф.12. Оп. 1. Д. 207. Л. 3.

²⁷ Там же. Д. 28а. Л. 1; Д. 30. Л. 144; Д. 62. Л. 39д; Д. 137. Л. 5; Д. 147. Л. 4; Д. 153. Л. 8; Д. 158. Л. 31.

годы и десятилетия наблюдалась тенденция к стремительному росту числа учениц. В частности, в 80–90-е гг. ХХ в. среднее число учениц достигало 500 чел. Неуклонно прогрессирующие показатели численности учениц в гимназии свидетельствуют, что на рубеже XIX – начала XX в. наметилась возрастающая потребность в образованной личности, а профессия педагога была популярна и престижна среди выпускниц женской гимназии.

В Тверской Мариинской женской гимназии был установлен семилетний срок обучения с годичным курсом обучения в каждом, как, впрочем, и во всех женских гимназиях министерства народного просвещения. Выпускницам 7-го класса выдавался аттестат на звание учительницы начальных классов, а также они получали право продолжить обучение в 8-м дополнительном педагогическом классе, сдав вступительные экзамены. Окончившим 8-й класс выдавался аттестат на звание домашней учительницы или домашней наставницы. Например, из аттестата ученицы 8-го класса Тверской Мариинской женской гимназии Елизаветы Александровны Карповой, дочери дворянина, получившей звание «домашней наставницы русского языка и математики», мы узнаем, что оценка «отлично» у неё была преобладающей по обязательным предметам и двум специальным – русский язык и математика²⁸. Ученица 8-го класса Екатерина Александровна Клепикова, дочь мещанина, получила аттестат со званием «домашней учительницы русского языка и математики», поскольку имела оценку «хорошо» по педагогике и дидактике, русскому языку, математике и начальному преподаванию арифметики²⁹.

Правила поступления в Тверскую Мариинскую женскую гимназию регламентировались в соответствии с общими правилами и рекомендациями для женских средних учебных заведений, утверждённых министерством народного просвещения. В частности, комплект документов для поступления включал письменное заявление от родителей на имя начальницы гимназии, справку об их социальном статусе, метрическое свидетельство и положительные оценки на вступительных экзаменах. Руководство гимназии строго следило за выполнением требований к документам и правилам приема. Поскольку численность учениц в гимназии с каждым годом возрастала, гимназия могла отказать в приеме. Такие случаи не были редкостью. Особенно остро эта проблема проявилась в конце 90-х гг. XIX в. Как свидетельствуют протоколы заседаний Педагогического совета женской гимназии, ежегодно этот вопрос становился предметом обсуждений и не всегда имел положительный исход по причине переполненности классов гимназии³⁰. Вступительные испытания в гимназии проводились три раза в год – 6 августа, перед Рождеством и весной. Основной прием в гимназию осуществлялся в августе и сентябре. Средний возраст девочек, поступающих в приготовительный класс Тверской Мариинской женской гимназии, составлял 7–11

²⁸ ГАТО. Оп. 1. Ф. 12. Д. 13. Л. 5.

²⁹ Там же. Л. 6.

³⁰ Там же. Д. 64. Л. 1–2.

лет, в 1-й класс – 9–12 лет, 2-й класс – 10–13 лет, 3-й класс – 11–14 лет, 4-й класс – 12–15 лет, 5-й класс – 13–16 лет, 6-й класс – 14–17 лет, 7-й класс – 15–18 лет, 8-й педагогический класс – 17–20 лет³¹. Таким образом, возрастной ценз учениц женских гимназий второй половины XIX – начала XX в. существенно отличался от стандартов современной средней школы.

Положение о женских гимназиях 1870 г. сделало доступным обучение в женских гимназиях ученицам всех сословий и вероисповеданий. В Тверской Мариинской женской гимназии большинство учениц были православного вероисповедания (около 85 %), также обучались лютеране и католики (около 10 %) и иудеи (3 %).

Статистические показатели о деятельности гимназии свидетельствуют, что гимназическое образование получали в основном дети из обеспеченных семей – дворян, чиновников и богатого купечества. Например, в отчете гимназии за 1858–1859 учебный год видно, что в первый год набора среди учащихся числились дети потомственных дворян – 17 чел., чиновников – 23, купцов – 31, мещан – 12 и представителей духовенства – 4³². С ежегодным ростом числа учениц менялся и сословный состав учащихся в гимназии. Ниже представлена динамика социального состава учащихся Тверской Мариинской женской гимназии (табл. 3):

Таблица 3.

**Социальный состав учащихся
Тверской Мариинской женской гимназии³³**

Год	Дворяне, чиновники	Духовенство	Городские сословия	Сельские сословия	Прочие сосло- вия (иностранны)
1875	138	51	60	3	-
1885	235	50	150	13	-
1896	267	50	199	31	13
1900	246	35	245	52	12
1906	193	42	203	87	4

Как видно из таблицы, с 1875-го по 1906 г. удельный вес учащихся из дворян и чиновников понизился, при этом на протяжении 80-х–90-х гг. XIX в. наблюдался рост числа воспитанниц из городских сословий, но с начала XX в. доля учащихся этой категории пошла на снижение. При этом удельный вес учащихся из сельских сословий увеличился, но по-прежнему значительно уступал позициям дворян, чиновников и городских сословий. Это объяснялось разными причинами. Во-первых, плата за обучение в гимназии была высокой – от 40 до 60 руб. в год и, соответственно, не все сословия могли позволить себе отдать своих детей в гимназию. Во-вторых, к началу XX в. в Тверской губернии уже существовали различные типы женских учебных заведений, которые создавали конкуренцию на

³¹ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 62. Л. 39д; Д. 137. Л. 27; Д. 204. Л. 137.

³² Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3165. Л. 1.

³³ Там же. Д. 30. Л. 144; Д. 137. Л. 24; Д. 148. Л. 25; Д. 152. Л. 44; Д. 158. Л. 37.

рынке образовательных услуг. В их числе шесть женских гимназий (Бежецкая, Весьегонская, Оstashковская, Ржевская, Тверская Мариинская, Тверская женская гимназия А.А. Римской-Корсаковой), а также Тверское городское женское коммерческое училище и женская учительская школа П.П. Максимовича.

Как свидетельствуют многочисленные архивные документы, на протяжении всего периода существования Тверской Мариинской женской гимназии одним из самых важных и проблемных вопросов было финансирование хозяйственной деятельности гимназии. В данном случае речь идет о помещении женской гимназии. Первоначально учебное заведение размещалось в помещении бывшего частного женского пансиона К.Ф. Гросвальд в доме Решетова на Набережной улице. Но по мере увеличения количества учениц встал вопрос о новом помещении, и в 1861 г. гимназия переехала в двухэтажное здание бывшей Тверской мужской гимназии. На тот момент численность учениц в среднем составляла 80–85 человек и помещение вполне устраивало руководство гимназии и отвечало всем техническим и санитарным нормам. Следует отметить, что, поскольку с каждым годом контингент учащихся неуклонно возрастал, не хватало учебных кабинетов и помещений для преподавателей, а также для гимназической библиотеки, лабораторий по физике и ботанике и, как следствие, здание гимназии уже не соответствовало требованиям ведения образовательной деятельности. Поиск решения данного вопроса целиком и полностью лёг на плечи руководства гимназии и попечительского совета.

Ежегодные отчёты гимназии, протоколы заседаний педагогического и попечительского советов подтверждают огромную роль, усилия и инициативу К.Ф. Гросвальд в развитии благоустройства гимназии и её помещений. Как следует из отчётов гимназии, уже к 1870 г. возникла проблема с переполнением учебных классов, отсутствием вентиляции и постоянной сыростью в здании, что не могло не отразиться на здоровье учащихся³⁴. Руководство гимназии признало состояние здания неудовлетворительным и приступило к поиску дополнительных средств на ремонт. Следует отметить, что здание гимназии находилось на балансе министерства народного просвещения, которое в силу определённых обстоятельств не всегда выделяло дополнительные средства на ремонт. В этой связи попечительский совет, в компетенции которого находились вопросы хозяйственной деятельности, начал ходатайствовать о передаче здания в собственность города. В сентябре 1874 г. была получена положительная резолюция министерства народного просвещения, в которой подчёркивалось, что «здание будет исключительно для женской гимназии, или в противном случае оно будет передано обратно Министерству»³⁵. Впоследствии здание гимназии вновь перейдет к министерству народного просвещения.

³⁴ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 30. Л. 135.

³⁵ Там же. Л. 135.

Таким образом, началась новая глава в истории Тверской Марииинской женской гимназии с её длительной борьбой за переустройство здания, поисками дополнительного финансирования, мучительными ожиданиями и надеждами на переезд в новое здание. С каждым последующим десятилетием проблема неудовлетворительного состояния помещений гимназии всё более обострялась и привела к затяжному процессу поиска материальной поддержки как от государственной, так и от местной власти и частных лиц.

После многочисленных суждений последовали шаги к дополнительному субсидированию на ремонт гимназии. В частности, Тверская городская дума выделила 1 000 руб. с процентов капитала купца Головинского. Как следует из отчета гимназии за 1875 г., ремонт был «капитальный» и включал укладку новых полов, установку новых печей, оштукатуривание и покраску стен, потолков, окон, очистку крыши, запуск системы вентиляции, а также укладку нового тротуара³⁶. Общая стоимость внутренних ремонтных работ составила 1 898 руб.56 коп и ещё 627 руб.67 коп. за тротуар³⁷. С целью экономии средств к ремонтным работам в гимназии подключились члены попечительского совета, в частности И.И. Бобров провёл все ремонтные работы внутренних помещений, а М.П. Карпов занимался настилом тротуара³⁸.

Таким образом, косметический ремонт здания на непродолжительное время понизил остроту «жилищного вопроса» и позволил продолжить образовательный процесс в гимназии. Тем не менее к началу 80-х гг. XIX в. гимназия была переполнена воспитанницами и начались работы по расширению помещений гимназии за счет дополнительной пристройки к зданию, что позволило открыть параллельные отделения в период с 1882-го по 1887 г.³⁹.

Открытие параллельных отделений и рост контингента учащихся увеличивали учебную нагрузку на штат преподавателей и начальнице. В обязанности К.Ф. Гросвальд как начальницы гимназии входило и обязательное посещение ученических квартир, и внеклассный надзор за учащимися (например, дежурство на улицах Трехсвятская и Миллионная во время праздников, контроль посещения ученицами храмов и церквей в воскресные дни). В связи с увеличением объема воспитательной нагрузки начальница в 1882 г. в гимназии была учреждена должность классной надзирательницы, которой вменялось наблюдение за поведением учащихся на переменах и надзор вне школы⁴⁰. Как следует из отчетов гимназии, К.Ф. Гросвальд добросовестно и ответственно относилась к выполнению своих обязанностей по внеклассному надзору за учащимися.

Одним из важных вопросов заседаний Педагогического и Попечительского советов гимназии было материальное обеспечение руководства гимназии и преподавательского состава. В частности, начальница гимназии К.Ф. Гросвальд получала 600 руб. в год (из них по должности начальницы

³⁶ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 30. Л. 135.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Д. 62. Л. 39.

⁴⁰ Там же. Л. 39л.

– 450 руб., за уроки – 424 руб., квартирные – 350 руб.)⁴¹. Следует отметить, что в начале 1880-х гг. в связи с ограниченным бюджетом гимназии, что было связано с ремонтными работами, Попечительный совет приостановил выплату «квартирных» денег Гросвальд и предложил временное проживание в квартире при гимназии. Из-за сырости помещений Гросвальд не пользовалась квартирой, к тому же одну из комнат отдали под параллельное отделение 4-го класса. Начальница подала заявление в попечительский совет с просьбой решить её жилищный вопрос, который был решён положительно. В результате совет покрыл имеющуюся задолженность по квартирным деньгам перед Гросвальд в полном объёме⁴².

Относительно основных доходов преподавателей женских гимназий важно отметить, что окладов и жалования не существовало, и действовала поурочная система оплаты труда. Это было главным отличием от мужских средних учебных заведений, где доходы штатных учителей складывались из фиксированных окладов за преподавание 12 уроков в неделю и дополнительного вознаграждения за сверхштатное расписание⁴³. Например, как следует из отчётов Тверской Мариинской женской гимназии за 1875 г., годовая оплата преподавателей гимназии по ряду предметов составляла: Закон Божий – 552 руб. 50 коп. за 15 уроков в неделю, русский язык – 502 руб. 46 коп. за те же 15 уроков, история – 439 руб. 96 коп за 12 уроков соответственно, физика – 132 руб. 50 коп. за 4 урока, рукоделие – 120 руб. за 5 уроков. Важно отметить, что годовые оклады зависели не только от количества уроков, но и уровня образования и срока службы по разрядам жалования.

В период пребывания К.Ф. Гросвальд в должности начальницы гимназии был установлен специальный гимназический праздник – 17 сентября в день святых мучениц Софии, Веры, Надежды и Любви. В 1873 г. в дар гимназии княгиней С.В. Мещерской была подарена икона святых мучениц Софии, Веры, Надежды и Любви. Получив официальное разрешение от Министерства народного просвещения на утверждение гимназического праздника, ежегодно с 1876 г. Тверская Мариинская женская гимназия отмечала свой праздник 17 сентября торжественными мероприятиями в актовом зале гимназии⁴⁴.

Принимая во внимание огромные заслуги и роль первой начальницы гимназии в становлении и развитии среднего женского образования в Твери, в 1884 г. министерство народного просвещения разрешило учредить при Тверской Мариинской женской гимназии стипендию имени начальницы гимназии К.Ф. Гросвальд на проценты с капитала в 500 руб., пожертвованного на эти цели Тверской городской думой⁴⁵. Согласно Положению о стипендии, право выбора стипендиатки принадлежало пожизненно К.Ф. Гросвальд, а затем переходило к Тверской городской думе по согла-

⁴¹ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 245. Л. 10а.

⁴² Там же. Д. 207. Л. 26.

⁴³ Зубков И.В. Указ. соч. С. 270.

⁴⁴ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 62. Л. 39е.

⁴⁵ Там же. Д. 174. Л. 4.

шению с председателем педагогического совета; стипендиатками могли быть лишь дети жителей Твери. Стипендиатка, показывающая хорошую успеваемость и примерное поведение, сохраняла за собой право пользования стипендией до окончания полного курса в гимназии. В случае неудовлетворительной успеваемости и поведения стипендиатка лишалась права на стипендию. Сама К.Ф. Гросвальд на получение именной стипендии рекомендовала ученицу второго класса Александру Крестишникову⁴⁶.

В 1883 г. начальница гимназии К.Ф. Гросвальд подала прошение об увольнении на основании закона 1876 г. о выходе на пенсию по старости (через 20–25 лет службы)⁴⁷. Попечительный совет взял на себя инициативу по ходатайству перед министерством народного просвещения о повышенной пенсии для К.Ф. Гросвальд в размере 600 руб. в год и награждении её знаком отличия. Отметим, что в соответствии с законом 1876 г. начальницы женских гимназий обладали правом на пенсию в размере 160 руб.⁴⁸ К сожалению, все прошения Попечительского совета были отклонены Министерством. Обоснованием послужило то, что, во-первых, размер пенсий установлен государством и невозможно нарушение законодательства Российской империи⁴⁹; во-вторых, что касается знака отличия для Гросвальд, здесь тоже следовало руководствоваться законом, который предписывал награждение знаком отличия только лиц, служащих по ведомству Императрицы Марии, а не министерства народного просвещения⁵⁰.

Несмотря на то что К.Ф. Гросвальд подала прошение об отставке, она не покинула гимназию и продолжила свою работу в должности начальницы до 1889 г. Можно предположить, что причиной послужило именно низкое пенсионное обеспечение, поскольку с выходом на пенсию материальный достаток Гросвальд значительно уменьшился.

Окончательное решение о выходе на пенсию Гросвальд приняла в августе 1889 г. Ей было 65 лет. Как свидетельствуют протоколы попечительского совета, Варвара Алексеевна Морозова, состоявшая почётной попечительницей гимназии, неоднократно отмечавшая высокие профессиональные и морально-нравственные качества первой начальницы, проявила огромную заботу и поистине милосердное великодушие, назначив к пенсии Гросвальд дополнительную выплату из своих средств в размере 240 руб. ежегодно и пожизненно⁵¹.

Высокие заслуги первой начальницы гимназии К.Ф. Гросвальд были отмечены императрицей Марией Александровной. В 1875 г. за «примерное состояние учебного заведения» Гросвальд была удостоена особым и высочайшим подарком в виде золотых с бриллиантами сережек и броши⁵².

⁴⁶ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 207. Л. 31.

⁴⁷ Там же. Д. 366. Л. 44.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 23.

⁵⁰ Там же. Л. 22.

⁵¹ Там же. Д. 245. Л. 4.

⁵² ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 366. Л. 8.

Заслуги Гросвальд как основательницы гимназии, преподавателя и начальницы, а также её значительный вклад в образование женщин в Твери и губернии послужили основанием для установления её портрета в актовом зале гимназии. И в этом огромная роль принадлежала попечительному совету, направившему очередное ходатайство министру народного просвещения, который «разрешает поставить в актовый зал Тверской Мариинской женской гимназии портрет бывшей начальницы Гросвальд»⁵³.

Таким образом, будучи учительницей чистописания и немецкого языка и руководительницей гимназии с 1858-го по 1889 г., Констанция Фёдоровна Гросвальд посвятила делу женского образования более 30 лет жизни. Находясь у истоков основания женской гимназии, она сумела выдержать на своих хрупких женских плечах огромный груз ответственности в решении сложнейших задач, стоявших перед гимназией. Её благотворное влияние на учебное заведение и учениц во многом стало примером для последующих начальниц женской гимназии. Чувство долга и стремление к порядку во всем послужили гарантами успешного развития и процветания Тверской Мариинской женской гимназии.

Подводя итог, следует отметить значительный прогресс в развитии женского среднего образования в Тверской губернии во второй половине XIX – начале XX в. и особой роли в этом процессе Тверской Мариинской женской гимназии под руководством Констанции Фёдоровны Гросвальд. Постоянный и неуклонный рост числа учениц демонстрировал востребованность этого учебного заведения у представительниц разных сословий. Важность учебного заведения подтверждается особым вниманием представителей общественности Твери, вовлеченных в процесс материального обеспечения деятельности гимназии – от финансирования основного капитала гимназии и ремонта здания до назначения дополнительной пенсии её руководителю. По сути, на примере гимназии можно говорить об особом типе партнёрства между государством, городскими властями и частными попечителями ради достижения общей цели – развития женского образования. Несомненно, огромная роль в этом взаимодействии отводилась начальнице гимназии, которую на протяжении нескольких десятилетий достойно выполняла Констанция Фёдоровна Гросвальд.

Список литературы

1. Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф. Женское образование в России. М., 2009. – 286 с.
2. Зубков И.В. Российское учитительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870–1916. М., 2010. 528 с.

⁵³ Там же. Д. 245. Л. 2.

Об авторе:

ЦЫГАНОВА Ангелина Валерьевна – старший преподаватель кафедры социально-культурного сервиса, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб.202), e-mail: Tsyganova.AV@tversu.ru

**On the Formation and Development of the Tver Mariinsky Women's Gymnasium in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries
(Based on the Materials of the GATO Archive Funds)**

A.V. Tsyganova

Tver State University, Tver, Russia

The article is devoted to the unknown pages of the history of the formation and development of the Tver Mariinsky Women's Gymnasium in the second half of the 19th century and the early 20th century, mainly during the leadership of the first headmistress of the gymnasium, Konstantsiya Fyodorovna Grosswald. Based on the research of archival materials, the article analyzes the unknown facts of the opening of the first women's gymnasium in Tver, the participation of the provincial authorities and the Tver community in the educational and economic activities of the institution, provides statistics on the social composition and student body of the gymnasium over time, and shows the sources of financial support for the management and teaching staff. In conclusion, the article discusses K.F. Grosvald's personal and professional contributions to the development of secondary women's gymnasium education in Tver.

Keywords: *Tver Mariinsky Women's Gymnasium, women's education, K.F. Grosvald, Board of Trustees, Tver Province, Tver.*

About the author:

TSYGANNOVA Angelina Valeryevna– Senior Lecturer at the Department of Social and Cultural Services, Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya str., Office 202), e-mail: Tsyganova.AV@tversu.ru

References:

- Dneprov E.D., Usacheva R.F. *Zhenskoe obrazование в России*. М., 2009. 286 с.
Zubkov I.V. *Rossijskoe uchitel'stvo: povsednevnyaya zhizn' prepodavatelej zemskikh shkol, gimnazij i real'nyh uchilishch. 1870–1916*. М., 2010. 528 с.

Статья поступила в редакцию 24.05.2025 г.

Подписана в печать 27.11.2025 г.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.33)"19"+378.141.4:902/904+378.124:902/904
DOI 10.26456/vthistory/2025.3.128–144

Преподавание археологии в Калининском государственном университете Е.Н. Жукова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

В статье рассматривается процесс включения дисциплины «Археология» в учебные планы исторического факультета Калининского пединститута (университета). В 1971 г. Калининский пединститут приобретает статус университета. Учебная дисциплина «Археология» становится неотъемлемой частью учебного процесса. Теоретическая часть осваивается в виде базовой дисциплины и специальных курсов, практические навыки студенты приобретают в ходе учебных практик. Содержание аудиторных и практических занятий по археологии определялось рабочими программами и учебной литературой, в разработке которых принимали участие сотрудники кафедры истории СССР.

Ключевые слова: историография археологии, археологическая практика, археологический кружок, Свод памятников истории и культуры, Ю.Н. Урбан, Ф.Х. Арсланова, В.М. Воробьев.

Выделение археологии как отдельного направления в рамках исторической науки произошло во второй половине XIX в. Это предопределило начало преподавания учебных дисциплин по археологии в рамках вузовской подготовки студентов. В первые десятилетия XX в. чтение курсов по археологии предпринималось исключительно в столичных высших учебных заведениях. Были подготовлены и опубликованы учебные пособия В.А. Городцовым¹ и С.А. Жебелевым². Полномасштабный процесс становления археологии как дисциплины в учебном процессе профессиональной подготовки историка проходил в высших учебных заведениях страны в середине XX в. Отправной точкой можно считать открытие кафедр археологии в ведущих университетах страны: в 1936 г. в Ленинградском госуни-

¹ Городцов В.А. Первобытная археология. М., 1908; Городцов В.А. Бытовая археология. М., 1910.

² Жебелев С.А. Введение в археологию. Ч. 1. История археологического знания. Пг., 1923; Жебелев С.А. Введение в археологию. Ч. 2. Теория и практика археологического знания. Пг., 1923.

верситете³, в 1939 г. в Московском госуниверситете⁴. Для реализации базовой дисциплины А.В. Арциховским были подготовлены учебные пособия на основе курса читаемых им лекций. В 1938 г. в издательстве МГУ были опубликованы «Лекции по археологии»⁵, а в середине 1950-х гг. был издан учебник А.В. Арциховского «Основы археологии», вышедший сразу двумя тиражами. Первое издание, предназначеннное Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для исторических факультетов университетов и пединститутов, опубликованное в 1954 г., вышло тиражом 10 тыс. экземпляров⁶, второе уже в 1955 г. – 25 тыс. экземпляров⁷. Общий объём изданных учебников позволил в достаточной степени обеспечить учебный процесс и повсеместно внедрить дисциплину в учебные планы университетов и педагогических вузов страны. Не был исключением и исторический факультет Калининского государственного педагогического института (КГПИ), где с 1954 г. преподавание археологии было включено в учебный план студентов дневного отделения. На протяжении следующих десятилетий в пединституте (с 1971 г. – университете) происходило расширение преподавания общих и специальных дисциплин по археологии.

Процесс становления и развития первого учебного заведения г. Калинина в целом представлен в очерках по истории вуза⁸. Период преобразования пединститута в университет выделяется авторами на основе анализа вновь вводимых структурных подразделений вуза, внедрения новых учебных планов и форм работы со студентами, расширения направлений научных исследований. Однако научно-исследовательской и учебной работе по археологии в 1970–1980-е гг. в очерках посвящено незначительное внимание.

Таким образом, представляется возможным на основе архивных документальных материалов проследить процесс становления и развития преподавания учебных дисциплин по археологии в Калининском государственном университете. В Государственном архиве Тверской области (ГАТО) материалы по теме сосредоточены в фонде Р-1213 «КГПИ им. М.И. Калинина», хронологически охватывая период с основания вуза в 1917 г. до окончания Великой Отечественной войны, и фонд Р-1272 «Карцов Владимир Геннадьевич», в котором собраны свидетельства жизни и деятельности В.Г. Карцова, историка и археолога, кандидата педагогических наук, профессора, заведующего с 1960-го по 1971 гг. кафедрой истории СССР. В

³ Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003. С. 167.

⁴ Янин В.Л., Канторович А.Р. К 75-летию кафедры археологии исторического факультета МГУ // Исторические исследования. 2015. № 3. С. 12.

⁵ Арциховский А. В. Лекции по археологии. М., 1938. Ч. 1–2.

⁶ Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1954.

⁷ Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1955.

⁸ Тверской государственный университет. Исторический очерк. Тверь, 1996; Тверской государственный университет: Исторический очерк. Тверь, 2001; История Тверского государственного университета в документах. Тверь, 2006.

Тверском центре документов новейшей истории (ТЦДНИ) – фонд 2981 «Калининский государственный университет», где собраны материалы по истории вуза второй половины XX в., и фонд 109 с документами, характеризующими деятельность партийной организации КГПИ до 1991 г. Результаты научной полевой работы калининских археологов сосредоточены в Научном архиве Института археологии РАН (фонд Р-1).

Несмотря на то что преподавание археологии по учебным планам начинается только в послевоенное время, практически с момента образования вуза проводились занятия со студентами, предполагавшие изучение древнейшей истории края и страны. Эти занятия в 1920-е гг. организовывались проф. А.Н. Вершинским (1888–1944 гг.), получившим базовое историческое образование в Санкт-Петербургском университете, а также специальную подготовку в Санкт-Петербургском археологическом институте и проводившим самостоятельные археологические исследования на территории Тверской губернии. Лекции и практические занятия по истории первобытного общества, первые разделы в курсе краеведения, посвященные изучению периода каменного века, лекции по истории Древней Руси были основаны в том числе и на археологических материалах⁹. Полноценное освоение дисциплины достигается в сочетании теоретической части подготовки студентов с практической реализацией навыков в полевых условиях. В 1930–40-е гг. учебные практики студентов организовывались как сотрудниками и преподавателями факультета, так и в качестве участия в археологических экспедициях сторонних организаций.

В 1930-е гг. на территории Калининской области плановые археологические исследования проводила экспедиция Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) под руководством О.Н. Бадера. Сотрудничество пединститута и экспедиции ГАИМК способствовало началу систематичного преподавания археологии в региональном вузе. С 1938 г. это был факультативный курс на историческом факультете КГПИ. Дисциплину читал археолог, сотрудник экспедиции ГАИМК Н.П. Милонов (1896–1975 гг.). В 1940-е гг. археология входила составной частью в специальные курсы, которые вёл археолог, историк, антиковед д.и.н. А.С. Башкиров (1885–1963 гг.), работавший на историческом факультете до 1948 г. (например, «Древности юга СССР: Доистория, Античность и Средневековье на Юге СССР» 1946 г.¹⁰).

С 1954 г. на историческом факультете КГПИ впервые начинают проводиться полноценные занятия по дисциплине «Археология». Лекции читал к.и.н., заведующий кафедрой всеобщей истории В.С. Тарасенко (1919–1976 гг.), ученик и аспирант А.С. Башкирова. «Студентам было дано марксистское понимание археологических проблем и критика различных буржуазных теорий. В помощь студентам было организовано посещение Исторического музея в Москве, демонстрация диапозитивов и выход на мест-

⁹ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 10(39). Д. 16. Л. 6.

¹⁰ Там же. Оп. 53. Д. 89. Л. 3.

ность (в районе новостроек). Летом этого года организуется экспедиция из 15 студентов в район г. Углича. Но всё-таки следует отметить, что курс археологии ещё находится в стадии освоения, наглядные пособия отсутствуют, теория преобладает над практикой. Кафедра считает необходимым слить первую часть археологии (первобытную) с историей Первобытного общества, и это мероприятие будет осуществляться на следующий год»¹¹. В послевоенные годы полевой этап освоения дисциплины студенты реализовывали в экспедициях, организованных центральными исследовательскими учреждениями страны: в 1948 г. – Патрейская экспедиция под руководством А.С. Башкирова¹², в 1956 г. – Угличская экспедиция под руководством Д.А. Крайнова и М.В. Фехнер¹³, в 1958 г. – Торопецкая экспедиция под руководством Я.В. Станкевич¹⁴. Собственные исследования со студентами Калининского пединститута В.С. Тарасенко организовал в 1956 г. – разведки по калининскому и старицкому течению р. Волги¹⁵.

С приходом в 1960 г. на исторический факультет к.п.н. В.Г. Карцова (1904–1977 гг.), одним из направлений научной деятельности которого были археологические исследования, учебная нагрузка по археологии вновь возвращается на кафедру истории СССР. В.Г. Карцов, с 1946 по 1957 гг. преподававший в Тульском педагогическом институте, с 1957 по 1960 гг. – в Абаканском пединституте, в 1960 г. возглавил кафедру истории СССР КГПИ. Материалы, сохранившиеся в архиве исследователя, содержат рукописи лекционных занятий по археологии, формирование которых велось с 1946 г.¹⁶. В полевых исследованиях В.Г. Карцов на территории Калининской области в 1960-е гг. уже участия не принимал, поэтому он начинает активно привлекать к организации практических занятий молодых археологов, сотрудников областного музея. Это были выпускники кафедры археологии ЛГУ Ю.Н. Урбан и И.Г. Портнягин, а чуть позже Г.В. Харитонов, выпускник КГПИ, ученик В.Г. Карцова,. После ухода в 1971 г. В.Г. Карцова на пенсию занятия проводились Ю.Н. Урбаном (курс «Археология»¹⁷) и Г.В. Харитоновым.

После преобразования пединститута в университет на заседании кафедры истории СССР был поднят вопрос о привлечении в штат археолога-полевика, имеющего учёную научную степень¹⁸. В 1974 г. на кафедру истории СССР была принята археолог к.и.н. Ф.Х. Арслanova, бессменно проводившая

¹¹ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 53. Д. 802. Л. 21.

¹² Научный архив Института археологии РАН (далее – НА ИА РАН) Ф. Р-1. Д. 249.

¹³ Там же. Д. 1361.

¹⁴ Там же. Ф. 35. Оп. 1. 1958. Д. 41.

¹⁵ Там же. Ф. Р-1. Д. 1232.

¹⁶ ГАТО. Ф. Р-1272. Оп. 1. Д. 149.

¹⁷ Тверской центр документации новой и новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. 2981. Оп. 4. Д. 1009. Л. 5.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 479. Л. 3.

занятия по дисциплине до начала 90-х гг. XX в. На отделении заочного обучения с конца 1970-х гг. занятия по археологии проводил В.М. Воробьёв¹⁹.

Содержание базовой дисциплины, получившей название «Основы археологии», определялось положением программы курса, утверждённым Учебно-методическим управлением по высшему образованию²⁰. Учебный план предусматривал изучение дисциплины в течение одного семестра (лекции – 2 ч. в неделю) с итоговым экзаменом²¹. Содержание программы отражало основное состояние науки на текущий момент. Благодаря выявлению и систематизации материалов при формировании каталога Свода памятников археологии в 1970–80-е гг. произошло выделение новых археологических культур с исследованными эталонными памятниками на всей территории Советского Союза, а это в свою очередь отразилось на содержании программы курса.

Набор специальных курсов и дисциплин в контексте изучения археологии в учебном плане формировался, исходя из научных интересов преподавателей, проводивших занятия. Ю.Н. Урбан, принимавший активное участие в обследовании территории области в рамках составления Свода памятников, специализировался в первую очередь на изучении памятников эпохи камня. Этому соответствовала проблематика проводимых им занятий – «Восточная Европа в эпоху камня и бронзы»²². Г.В. Харитонов проводил спецсеминар «Методика археологических исследований и камеральной обработки»²³. Ф.Х. Арслановой был разработан спецсеминар «Методика полевых исследований»²⁴, читался спецкурс «Железный век Восточной Европы и археология финно-угров»²⁵ (1974–75 уч. год), организовывался спецсеминар «Методика краеведческой работы в школе»²⁶ (1975–76 уч. год) и спецкурс «Скифо-сарматская археология»²⁷ (1976–77 уч. год).

На историческом факультете КГУ практиковалось приглашение ведущих специалистов страны для более детального изучения студентами отдельных проблем в археологии. В 1978/79 уч. году спецкурс по финно-угорской археологии был прочитан заведующим отделением археологии Казанского филиала АН СССР проф., д.и.н. А.Х. Халиковым²⁸. А.В. Успенская, к.и.н., с.н.с. ИА АН СССР в 1986 г. вела занятия по древнерусским погребальным памятникам – спецкурс «Березовский могильник», в 1988 г.

¹⁹ ТЦДНИ. Ф. 2981. Оп. 1. Д. 2294. Л. 6.

²⁰ Программа курса «Основы археологии»: Для государственных университетов. Специальность – История. М., 1974; Программа дисциплины «Основы археологии»: Для государственных университетов. Специальность 2008 – История. М., 1986.

²¹ ТЦДНИ. Ф. 2981. Оп. 1. Д. 577. Л. 3.

²² Там же. Д. 821. Л. 2.

²³ Там же. Л. 2.

²⁴ Там же. Д. 1162. Л. 1.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Д. 1419. Л. 3.

²⁷ Там же. Д. 1671. Л. 3.

²⁸ Там же. Д. 2294. Л. 7.

лекции по мезолиту читала д.и.н., в.н.с. ИА АН СССР С.В. Ошибкина²⁹, в 1992 г. спецкурс «Морфология древностей» был прочитан д.и.н., проф. МГУ Ю.Л. Щаповой³⁰.

Активное археологическое исследование территории области и личный профессиональный опыт дали возможность археологам регионального вуза использовать новые материалы для методического сопровождения учебного процесса. В 1970 г. В.Г. Карцовым совместно с А.И. Мартыновым (на тот момент к.и.н., преподавателем Кемеровского педагогического института, позднее автором учебника по археологии³¹) подготовлена и опубликована программа археологической практики для студентов вузов³². В 1976 г. преподаватели кафедры истории СССР КГУ Х.Д. Сорина и Ю.Н. Уран опубликовали лекции по краеведению, при этом впервые были обобщены результаты археологического изучения края на основе вновь открытых археологических культур и наиболее типичных исследованных памятников³³.

С началом перестройки, во второй половине 1980-х гг., осложнившаяся ситуация в социально-экономической сфере не могла не сказаться на состоянии учебного процесса в высшей школе. С одной стороны, это стремление внедрить новые формы организации учебного процесса (например, деловые игры), повышение самостоятельности студентов; с другой – происходит сокращение аудиторных занятий, в частности, на половину лекционных занятий по археологии до 20 часов. По мнению В.В. Комина, учебный процесс оказался «... скован всякими инструкциями, которые затрудняют работу. Высшая школа должна получать примерные планы работы»³⁴. Однако изучение студентами археологии сохраняется как на теоретическом, так и на практическом уровне.

Учебные практики студентов уже с начала 1930-х гг. стали регулярными, хотя и не были обязательными, были включены в учебный план. Введение в учебное расписание в 1938 г. даже в качестве факультативного занятия по археологии не было случайным. С 1932 г. на территории Калининской области начинаются масштабные работы по подготовке к затоплению территории будущих волжских водохранилищ и ускоренному археологическому изучению затапливаемой территории. Студенты активно привлекались к этой работе. По сути, полевая практика стала значимой составляющей подготовки будущего учителя истории. Необходим был базовый памятник для проведения практик. Поэтому после полевых исследований курганной группы Дуденево Калининского района в 1938–39 гг. ка-

²⁹ ТЦДНИ. Ф. 109. Д. 320. Л. 4.

³⁰ Там же. Ф. 2981. Д. 7017. Л. 1.

³¹ Мартынов А.И. Археология: вузовский учебник и наука (к 45-летию публикации учебника: Мартынов А.И. Археология СССР. М., 1973) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 940–947.

³² Карцов В.Г., Мартынов А.И. Программы педагогических институтов: Музейно-археологическая и краеведческая практика. М., 1970.

³³ Сорина Х.Д., Уран Ю.Н. Из истории Верхневолжья. Вып. 1. Калинин, 1976.

³⁴ ТЦДНИ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 290. Л. 12.

федра истории СССР просит разрешение в ИИМКе сделать этот объект базой практики. Кроме того, начиная с полевого сезона 1939 г., студенты привлекаются к работам по составлению археологической карты области. На базе Старицкого и Великолуцкого музеев были организованы работы с целью сплошного разведочного обследования районов. Результатом становится описание более 1 000 археологических памятников³⁵, систематизированных по схеме, предложенной институтом истории материальной культуры в виде составления учетных карточек³⁶.

В послевоенное время студентов исторического факультета КГПИ направляли в археологические экспедиции, организуемые академическими институтами. «В этом большом деле в настоящее время должны принять большое участие по изучению Калининской области все организации краеведческого характера: областной краеведческий музей, местные музеи и др. центры краеведческой работы. В этом году намечаются некоторые сдвиги после большого перерыва. Областной музей организует в сентябре месяце три разведочные археологические экспедиции, которые должны положить начало широкому в дальнейшем изучению истории Калининской области»³⁷, резюмировал в 1956 г. свой отчёт об учебной археологической практике В.С. Тарасенко.

С середины 1960-х гг. археологическая практика становится обязательной составной частью учебного плана³⁸. Участие в академических экспедициях, проводившихся на территории области, способствовали организации этой работы. Систематические исследования, в том числе и на территории Калининской области, уже с 1959 г. велись Верхневолжской археологической экспедицией (ВВАЭ) ИА АН СССР под руководством Д.А. Крайнова. С конца 1960-х гг. в работе экспедиции начали принимать участие молодые археологи, сотрудники Калининского областного краеведческого музея и Калининского педагогического института Ю.Н. Урбан и И.Г. Портнягин³⁹. Через год после начала работы в областном музее, уже с 1968 г., Ю.Н. Урбан начал руководить археологической практикой студентов (120 часов нагрузки с почасовой оплатой)⁴⁰.

С начала 1970-х гг. на общесоюзном, а затем на региональном уровне стали формироваться структуры по созданию Свода памятников ис-

³⁵ ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 383.

³⁶ Там же. Д. 64.

³⁷ Там же. Ф. Р-1213. Оп. 53. Д. 851. Л. 76–76 об.

³⁸ Килейников В.В. У истоков археологической службы ВГПИ // Полвека в поисках древностей. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 50-летию археологической экспедиции Воронежского государственного педагогического университета. Воронеж, 2023. С. 80; Гюргюсон К.Г. Организация археологической практики в Тюменском государственном университете: опыт и перспективы // Теоретические и практические аспекты развития современной науки. Нефтекамск, 2022. С. 270.

³⁹ Черных И.Н. Археология в Тверском музее. 1866–1988 годы: Краткий исторический очерк // Вестник ТГОМ. 2016. № 48. Сентябрь. С. 54.

⁴⁰ ТЦДНИ. Ф. 2981. Оп. 4. Д. 1009. Л. 5.

тории и культуры, в задачи которых входил сбор и систематизация сведений о памятниках истории и культуры, формирование банка данных о памятниках археологии, а также сбор и структурирование информации о памятниках архитектуры и градостроительства. На местном уровне создавались рабочие группы на базе ведущих региональных учреждений образования и культуры. В Калининской области это были научные работники областного музея и педагогического института, а также студенты и школьники в качестве добровольных помощников.

В 1972 г. в рамках деятельности научно-исследовательского сектора университета была создана группа по подготовке свода памятников истории и культуры Калининской области. Научная группа работала при координационной поддержке ИА АН СССР по теме «Свод памятников»⁴¹. До середины 1970-х гг. экспедиции, возглавляемые сотрудниками университета, организовывались как отдельные отряды ВВАЭ: Калининский, Борисовский, Дербешский. Со второй половины 1970-х гг. полевые исследования университета стали проводиться как самостоятельная историко-археологическая экспедиция КГУ. Финансирование работ осуществлялось через министерство культуры и его региональные структуры на местах (в частности, управление культуры Калининского облисполкома)⁴². Все исследования выполнялись на хоздоговорных началах.

Деятельность по созданию свода памятников археологии Калининской области включала разведочное обследование территории области, а также подготовку документации и написание текста свода⁴³. В состав группы входили как штатные работники, так и привлекаемые по договору на время полевых исследований сотрудники: археологи ВВАЭ, областного краеведческого музея, а также преподаватели, сотрудники и студенты исторического факультета КГУ⁴⁴. В состав группы Свода памятников в разные годы входили Е.В. Бодунов, В.М. Воробьёв, А.И. Ланцев, П.Д. Малыгин, А.Д. Максимов, А.В. Мирецкий. А также принимали участие Ф.Х. Арсланова, Н.А. Харитонова, Н.И. Ивановская, А.Н. Хохлов.

В качестве объектов для изучения выбирались как наиболее характерные памятники той или иной эпохи и культуры на территории области (неолитическая стоянка Языково, раскопки 1970–1977 гг.⁴⁵, комплекс памятников Усть-Кеза – раскопки 1974 г.⁴⁶, археологическое исследование г. Торжка в 1980–86 гг.⁴⁷), так и памятники, попадавшие в зону строительства народно-хозяйственных объектов (строительство Калининской АЭС, Ваз-

⁴¹ ТЦДНИ. Ф. 2981. Оп. 1-3. Д. 5965. Л. 16.

⁴² Инструкция о порядке организации и проведения научных экспедиций. Калинин, 1986. С. 4; ТЦДНИ. Ф. 2981. Оп. 1-1. Д. 306. Л. 1.

⁴³ Методические указания по подготовке материалов Свода памятников истории и культуры народов СССР. М., 1986. С. 16.

⁴⁴ ТЦДНИ. Ф. 2981. Оп. 1-3. Д. 821. Л. 3.

⁴⁵ НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 4679; 4822; 5183; 5515; 8203.

⁴⁶ Там же. Д. 5515.

⁴⁷ Там же. Д. 7971, А; 8858, А, Б; 8959, А; 9769, А; 10516, А, Б; 12987; 12988.

узского и Ржевского гидроузлов). Например, в 1974 г. археологи университета вели наблюдение за земляными работами и производством археологических раскопок на месте строительства корпуса № 4 завода ЭАП, а также наблюдение и археологические исследования на месте строительства корпуса общежития СПТУ № 3 в г. Кашире⁴⁸.

Масштабные исследования были развернуты со второй половины 1970-х гг. в связи с планами по строительству Ржевского гидроузла. В рамках строительства предполагалось поднять уровень Волги выше по течению г. Калинина, в результате чего должны были быть затоплены многочисленные памятники археологии в Ржевском районе. В 1985 г. экспедиция КГУ проводила раскопки памятников Климово-1 и Усть-Суходолка-1⁴⁹.

Несмотря на активное участие сотрудников, преподавателей и студентов вуза в масштабных общегосударственных исследованиях на территории области, необходим был базовый разноплановый памятник с удобной инфраструктурой, обеспечивающей рациональную организацию регулярных студенческих практик. Как и в довоенные годы, за основу был выбран погребальный памятник древнерусского времени. На этот раз курганская группа у д. Избrijье Калининского района.

Памятник был известен с дореволюционного времени по статистическому описанию Тверского уезда В.И. Покровского⁵⁰ и своду В.А. Плетнёва⁵¹. Впервые схематичный план курганной группы был снят В.С. Тарасенко во время его разведок 1956 г. Исследователь отметил перспективность изучения этого памятника: «На этом могильнике следовало бы, по нашему мнению, начать большие археологические раскопки, для того, чтобы определить полностью его принадлежность»⁵². Затем глазомерный план был составлен при раскопках С.С. Ширинского в 1961 г. и с небольшими уточнениями вошёл в материалы Свода памятников Калининской области по результатам разведочных работ Г.В. Харитонова в 1972 г.⁵³. Раскопки курганов начались ещё в 70-е гг. XIX в.⁵⁴ В 1961 г. 5 курганов было раскопано сотрудником отдела славяно-русской археологии ИА РАН С.С. Ширинским⁵⁵. Кроме курганной группы, в окрестностях д. Избrijье были зафиксированы памятники эпохи неолита⁵⁶, на мысу при впадении р. Избrijки в Волгу – поселение древнерусского времени⁵⁷ и городище раннего железно-

⁴⁸ ТЦДНИ Ф. 2981. Оп. 1. Д. 635 а. Л. 6 об.

⁴⁹ НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 10809.

⁵⁰ Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Т. VIII. Тверской уезд. Вып. 1. Тверь, 1893. С. 4.

⁵¹ Плетнёв В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии: К археологической карте губернии. Тверь, 1903. С. 149-151.

⁵² НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 1232. Л. 8.

⁵³ Там же. Д. 4898. Л. 15, 16.

⁵⁴ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 221. Л. 8, 147; Императорский российский исторический музей: Указатель памятников. М., 1893. С. 191-193.

⁵⁵ НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 2621.

⁵⁶ Там же. Д. 1324. Л. 3-4; Д. 1232. Л. 6.

⁵⁷ Там же. Д. 1232. Л. 7; Д. 7331.

го века на левом берегу р. Избрижки. Комплекс памятников расположен в удобной транспортной доступности от областного центра (автобусное сообщение и судоходный транспорт по р. Волге). Живописная открытая местность позволяла устраивать лагерь в непосредственной близости от курганной группы.

С 1975 г. к работам на могильнике Избрежье-1 приступила Ф.Х. Арсланова. Экспедицией Калининского государственного университета в 1975–1992 гг. было изучено 67 курганов Избрежского погребального комплекса, содержавших 100 погребений, проведены исследования слоёв селища и городища раннего железного века, снят ещё один глазомерный план, в котором была принята своя (уже третья в истории изучения памятника) нумерация курганов⁵⁸.

Археологические практики под руководством Ф.Х. Арслановой приходилось начинать практически с нуля. Не было палаток, спальников, хозяйственного оборудования и научных приборов. Однако Ф.Х. Арсланову отличали отменные организаторские способности. Первые участники её экспедиций не имели опыта полевой работы. Из отчёта об учебной практике за 1978 г.: «Жизнь в экспедиции была основана на началах самообслуживания. Лагерь находился в 2,5 км от раскопов. Студенты выпускали интересные газеты-молнии, проводили конкурс на лучшую эмблему отряда, на лучшую песню экспедиции. В День археолога, отмечаемый ежегодно, торжественно провели посвящение первокурсников в археологи, был подготовлен большой концерт. Проводились спортивные соревнования: по шашкам, шахматам, волейболу»⁵⁹.

Используя свои связи в научном сообществе, в качестве научных сотрудников экспедиции Ф.Х. Арсланова привлекала известных отечественных археологов (Т.В. Равдину, З.А. Львову, М.Н. Толмачеву, Н.В. Мясникову), научных сотрудников областного музея (А.А. Чарикова, А.Н. Хохлова), лаборантов и сотрудников исторического факультета (О.Н. Хохлову, Е.В. Бодунова, Е.В. Скукину, А.А. Момбекову). Искренний интерес к своему делу, душевность и профессионализм привлекали к опытному преподавателю студентов. На факультете действовал археологический кружок. Результаты полевых исследований Избрежья служили основой научной студенческой работы.

Кроме организации собственных исследований, отряд исторического факультета КГУ принимал участие в исследованиях, организованных академическими учреждениями страны за пределами Калининской области. В частности, в полевых сезонах 1979-го и 1981 гг. студенты истфака под руководством Ф.Х. Арслановой принимали участие в Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции по изучению маяцкого городища и некрополя на Дону⁶⁰.

⁵⁸ НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 5583; 6354; 6853; 8565; 9098; 10529; 11547; 12075; 16228; 21544-21546.

⁵⁹ ТЦДНИ. Ф. 2981. Оп. 1. Д. 1953. Л. 3-4.

⁶⁰ Там же. Д. 2294. Л. 8.

Научной реализацией теоретической и практической подготовки студентов и научно-исследовательской работы сотрудников и преподавателей КГУ становится участие в конференциях. Студенческие конференции, организуемые на вузовском, региональном и общесоюзном уровнях, становятся неотъемлемой частью учебного процесса с 1970-х гг. Активные полевые исследования калининских археологов позволили сформировать тематику студенческих работ от курсовых исследований до выпускных, а также представить их результаты на научных форумах. Искренний интерес советского студенчества к научной деятельности подчеркивал в своих воспоминаниях В.М. Воробьёв: «В марте 1970 года Калининский пединститут принимал II-ю региональную студенческую археологическую конференцию вузов Северо-Запада СССР. Теперь многие из её участников, тогдашние студенты – известные археологи, доктора и кандидаты наук: Игорь Дубов, Костя Плоткин, Женя Носов, Вася Булкин, Женя Рябинин, Слава Коptyгин, Альгис Гирининкас... Их давно называют по имени-отчеству, их научные труды известны в европейской науке... Помню, как возникало и укреплялось чувство братства, ощущение необходимости твоей работы, причастности к открытию, к большой науке, к настоящему делу»⁶¹. К работе упомянутой В.М. Воробьёвым конференции в Калинине были выпущены тезисы докладов⁶². Стремление к самостоятельному научному поиску в студенческой среде в 1970-е гг. можно обозначить как характерное явление советской высшей школы⁶³.

Участие студентов Калининского госуниверситета в общесоюзных форумах становится регулярным: конференции в Риге, Вильнюсе, Могилёве, Новгороде, Петрозаводске. В 1974 г. с докладом «Рубящие орудия эпохи мезолита» В.М. Воробьёв принял участие в студенческой археологической конференции вузов северо-запада в Могилёве и Всесоюзной археологической конференции в Москве⁶⁴. Старт брался на ежегодно проводящихся студенческих конференциях исторического факультета КГУ. Организовывалась специальная секция по археологии. Выступление с докладами на студенческих конференциях в советское время было общепринятой нормой, при этом до половины докладов в Калинине читались студентами из других вузов страны.

Спад активности студенческой научной деятельности пришёлся на 1980-е гг. При обсуждении этого вопроса на партсобрании в 1981 г. Ф.Х. Арсланова сделала вывод, что «... нет массовости в научной работе. Инертность студентов, узость их интересов настораживает. Конечно, сказывается занятость учёбой, но не видно преданных науке, нет творче-

⁶¹ Воробьёв В.М. Камень. Бронза. Железо: Экспедиция к истокам тверской истории. Тверь, 1998. С. 42.

⁶² Тезисы II Региональной археологической студенческой конференции вузов Северо-Запада СССР (16 марта - 21 марта 1970 г.). Калинин, 1970.

⁶³ Килейников В.В. У истоков ... С. 84.

⁶⁴ ТЦДНИ. Ф. 2981. Оп. 1. Д. 823. Л. 1.

ства»⁶⁵. В.В. Комин в 1986 г. отмечал, что «студенты перестали интересоваться исторической наукой. Это характерно для всех студентов по стране»⁶⁶. В 1988 г. Ф.Х. Арсланова обращает внимание на то, что «студенческие кружки не заседают. Уровень краеведческой работы снижается: археологи НИСа и музея используют их только как рабочую силу»⁶⁷.

Одной из форм внеаудиторной работы студентов в советских вузах была организация студенческой науки в форме кружковой работы. На историческом факультете действовали кружки: по краеведению – руководитель Т.А. Ильина⁶⁸, топонимике – руководитель А.П. Афанасьев⁶⁹, по истории СССР – руководитель Г.И. Семенюк⁷⁰. До 1974 г. археологическим кружком руководил Ю.Н. Уран⁷¹, затем Ф.Х. Арсланова⁷². Это объединение студентов послужило основой для организации в более позднее время отделения на курсах дополнительных профессий и работы кабинета археологии как самостоятельной структурной единицы. На занятиях кружка студенты-археологи изучали отдельные направления археологического знания (выступали с докладами, слушали лекции), помогали Ф.Х. Арслановой готовить материалы для научных отчётов по результатам археологических экспедиций, проводили конференции, посещали музеи и выставки. Тематика заседаний и направлений деятельности ярко представлена в материалах отчёта о работе археологического кружка за 1986/87 уч. год: «В составе кружка работало 10–15 студентов. Основная задача – научить студентов самостоятельно интерпретировать археологические источники, полученные во время археологической практики студентов, а также ознакомить кружковцев с современным состоянием изученности проблемы древней истории населения Северо-Запада и Северо-Востока Европы. С этой целью проведено заседание по итогам полевых исследований в Калининской области в 1986 г. (докладчики Е.В. Бодунов, П.Д. Малыгин, А.Д. Максимов, А.Н. Хохлов, Т. Строганова, Ф.Х. Арсланова, Г. Самуйлов, Ю. Новожилова). Участвовали (14.12.86) в работе областной археологической конференции, организованной Государственным объединенным историко-археологическим и литературным музеем, обществом охраны памятников. Посещение выставки с прослушиванием лекции с.н.с. Л.А. Поповой “Тверь в XIII–XVIII вв.” – 3–6 февраля 1987 г. участвовали в работе XIX региональной конференции в Волгограде, где студентки 3 курса Ю. Новожилова (“К изучению Избrijской древнерусской керамики – XI–XII вв.”) и 5 курса ОЗО Кузовкина С. (“Развитие ремесла древнего Торжка (кожевенное и косторезное)”) прочитали доклады. Оба докладчика успешно выступали,

⁶⁵ ТЦДНИ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 221. Л. 47.

⁶⁶ Там же. Д. 290. Л. 12.

⁶⁷ Там же. Д. 320. Л. 4.

⁶⁸ Там же. Д. 1171. Л. 5.

⁶⁹ Там же. Д. 1419. Л. 6.

⁷⁰ Там же. Д. 3056. Л. 3.

⁷¹ Там же. Д. 821. Л. 3.

⁷² Там же. Д. 1171. Л. 5.

награждены грамотами. На кружке прослушан доклад м.н.с. группы “Свод памятников” П.Д. Малыгина на тему “Древнерусские города Тверь и Торжок” (март 1987) г. В марте проведена Отчётная конференция по итогам проведения археологической практики студентов 1 курса. На заседании кружка был прослушан доклад студентки 3 курса Новожиловой Ю. на тему “Использование математических методов при изучении древнерусской керамики у с. Избrijье”, Кузовкиной С. (5 курс ОЗО) “Обработка и использование кожи и кости для изготовления предметов быта”. В апреле участие в факультетской научной студенческой конференции, где выступали Новожилова Ю. и Кузовкина С. В течение учебного года выпустили бюллетень по итогам летней археологической практики, а также бюллетень аннотаций статей из журнала “Советская археология”. Выпущены 2 фотогазеты: Итоги археологических исследований в Калининской области в 1986 г.; Раскопки и жизнь в археологическом лагере у с. Избrijье. В рамках НИС староста кружка Ю. Новожилова ознакомила студентов 1 курса с работой кружка. Проводилась работа по подготовке чертежников к летней археологической практике. В итоге следует отметить, что у студентов наблюдается малая заинтересованность в научной самостоятельной работе, вызванная большой загруженностью в учебном процессе»⁷³.

Курсовые и выпускные работы студентов также преимущественно посвящались изучению археологии региона. Под руководством В.Г. Карцова в 1970 г. прошла защита дипломной работы «Историко-археологическая карта славянских памятников VIII–XIII вв. на территории Тверского Верхневолжья» Л.А. Царьковой (в последствии – археолога, руководителя госструктурь по охране памятников области). В 1979 г. в отчёте о работе кафедры истории СССР отмечен диплом «... А. Мирецкого, посвящённый открытой калининскими археологами иеневской культуре (этот диплом имеет практический выход)»⁷⁴. Курсовые работы за 1983/84 уч. год включали темы по изучению погребального обряда кривичей на материалах курганной группы у с. Избrijье (студентка 1 курса К. Вертешова), Бerezовецкого могильника в Осташковском районе (студентка 1 курса А. Моисеева), обряда погребения летописных кривичей юго-западных районов Калининской области (студент Е. Сенников), проблемы происхождения древнерусских городов в работах советских историков (студент Н. Прасолов)⁷⁵.

С самого начала находки, собранные в результате археологических экспедиций КГУ, хранились при кафедре истории СССР. Они служили основными источниками для научных и студенческих исследований, иллюстративным материалом в учебном процессе по профильным дисциплинам. Подавляющее большинство артефактов и отчётной документации по результатам полевых исследований относились к комплексу памятников у д.

⁷³ ТДЦНИ. Ф. 2981. Д. 5419. Л. 1.

⁷⁴ Там же. Д. 2294. Л. 11.

⁷⁵ Там же. Д. 4178. Л. 10.

Избрежье. Уже через два года после начала исследований в 1977/78 уч. году начинает сказываться «... отсутствие учебного музея по археологии и этнографии, в котором можно было бы собрать наиболее типичные образцы материальной культуры нашего края и использовать их в целях обучения студентов. Образцы есть, но нет помещения для их экспонирования»⁷⁶. В результате чего кафедра истории СССР поручает создать постоянную выставку образцов древнейшей материальной культуры населения местного края для проведения практических занятий по археологии Ф.Х. Арслановой и Ю.Н. Урбану⁷⁷. При этом археологические музеи при вузах в советской высшей школе были скорее исключением, чем распространенным явлением⁷⁸. В 1985/86 уч.году руководство факультета по инициативе Ф.Х. Арслановой «просит ректорат о выделения помещения, чтобы иметь возможность продолжать накопления и плодотворное использование интересного археологического материала по древнейшей истории края, полученного в процессе археологической практики»⁷⁹. Планы были реализованы только в 1994 г., когда в структуре исторического факультета был образован кабинет археологии, а в 1995 г. – музей археологии ТвГУ (Приказ № 14-О от 19.01.95) со ставками заведующего кабинетом и заведующего музеем археологии. В музее было образовано два фонда – основной и вспомогательный. К этому моменту насчитывалось уже около 10 тыс. единиц хранения⁸⁰. Все древности были объединены в основномфонде. Вспомогательный был сформирован на основе полевой документации раскопок – полевых чертежей, дневников, рисунков, фотоматериалов.

Таким образом, полноценное освоение студентами общих и специальных дисциплин по археологии стало возможным при сочетании многих факторов. Это происходило благодаря накоплению и систематизации информации о древностях региона, что позволяло использовать обширную источниковую базу в учебных и исследовательских целях. Важной составляющей была неразрывная связь теоретической и практической подготовки обучающихся по археологии через организацию собственных экспедиционных исследований и взаимодействие с ведущими научными центрами страны. А также важное значение имел личностный фактор. Занятия по археологии могли быть организованы исключительно специалистами, владеющими навыками практической и теоретической работы с археологическими источниками, активно включавшими эти сведения в научный оборот и организовывавшими учебные аудиторные и полевые занятия.

⁷⁶ ТЦДНИ. Ф. 2981. Оп. 1. Д. 1949. Л. 7.

⁷⁷ Там же. Д. 2629. Л. 3.

⁷⁸ Константинов М.В. Полувековая деятельность музея археологии Забайкалья имени И.И. Кириллова // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 172.

⁷⁹ ТЦДНИ. Ф. 2981. Оп. 1. Д. 4997. Л. 1.

⁸⁰ Степанова Ю.В., Жукова Е.Н. Археологический музей Тверского государственного университета: История, фонды, направления деятельности // Университетские музеи: прошлое, настоящее, будущее. СПб., 2006. С. 244.

Список литературы:

1. Воробьев В.М. Камень. Бронза. Железо: Экспедиция к истокам тверской истории. Тверь, 1998. 144 с.
2. Горджоян К.Г. Организация археологической практики в Тюменском государственном университете: опыт и перспективы // Теоретические и практические аспекты развития современной науки. Нефтекамск, 2022. С. 270–277.
3. Килейников В.В. У истоков археологической службы ВГПИ // Полвека в поисках древностей. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 50-летию археологической экспедиции Воронежского государственного педагогического университета. Воронеж, 2023. С. 77–91.
4. Константинов М.В. Полувековая деятельность музея археологии Забайкалья имени И.И. Кириллова // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 168–177.
5. Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003. 332 с.
6. Черных И.Н. Археология в Тверском музее. 1866–1988 годы: Краткий исторический очерк // Вестник ТГОМ. 2016. № 48. Сентябрь. С. 45–63.
7. Янин В.Л., Канторович А.Р. К 75-летию кафедры археологии исторического факультета МГУ // Исторические исследования. 2015. № 3. С. 5–45.

Об авторе:

ЖУКОВА Елена Николаевна – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тверского государственного университета (170100, Россия, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31, каб. 207), e-mail: Zhukova.EN@tversu.ru

Teaching Archaeology at Kalinin State University

E.N. Zhukova

Tver State University, Tver, Russia

The article examines the process of including the discipline "Archeology" in the curricula of the History Faculty of the Kalinin Pedagogical Institute (University). In 1971, Kalininsky Pedagogical Institute acquired the status of a university. The academic discipline "Archeology" is becoming an integral part of the educational process. The theoretical part is mastered in the form of a basic discipline and special courses, students acquire practical skills during training practices. There was an archaeology club at the faculty. Students participated in student scientific conferences. Classroom classes and practical training were conducted by the staff of the Department of History of the USSR and the research sector of the University under the program "Collection of Monuments". In addition, experts from the country's leading scientific centers were invited to give lectures. The con-

tent of classroom and practical classes in archaeology was determined by work programs and educational literature, which were developed by the staff of the Department of History of the USSR.

Keywords: *historiography of archeology, archaeological practice, archaeological circle, Collection of historical and cultural monuments, Yu.N. Urban, F.H. Arslanova, V.M. Vorobyov..*

About the author:

ZHUKOVA Elena Nikolaevna – the candidate of the historical science, the associated professor, the Dept of the Russian History, Tver State University (170100, Russia, Tver', Trekhsviatskaia str, 16/31, off. 207), email: Zhukova.EN@tversu.ru

References:

- Artsikhovskiy A.V. *Lektsii po arkheologii*. M., 1938. Ch. 1. 97 s. Ch. 2. 85 s.
Artsikhovskiy A.V. *Osnovy arkheologii*. M., 1954. 280 s.
Artsikhovskiy A.V. *Osnovy arkheologii*. M., 1955. 279 s.
Vorobei V.M. *Kamen. Bronza. Zhelezо: Ekspeditsiya k istokam tverskoy istorii*. Tver, 1998. 144 s.
Gorodtsov V.A. *Bytovaya arkheologiya*. M., 1910. 474 s.
Gorodtsov V.A. *Pervobytnaya arkheologiya*. M., 1908. 416 s.
Gyurdzhoyan K.G. *Organizatsiya arkheologicheskoy praktiki v Tyumenskom gosudarstvennom universitete: opyt i perspektivy*, Teoreticheskie i практические аспекты развития современной науки, Neftekamsk, 2022. S. 270–277.
Zhebelev S.A. *Vvedenie v arkheologiyu. Ch. 1. Istoryya arkheologicheskogo znanija*. Pg., 1923. 199 s.
Zhebelev S.A. *Vvedenie v arkheologiyu. Ch. 2. Teoriya i praktika arkheologicheskogo znanija*. Pg., 1923. 172 s.
Kartsov V.G., Martynov A.I. *Programmy pedagogicheskikh institutov: Muzeyno-arkheologicheskaya i kraevedcheskaya praktika*. M., 1970. 15 s.
Kileynikov V.V. *U istokov arkheologicheskoy sluzhby VGPI*, Polveka v poiskakh drevnostey. Materialy mezhregionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchyonnoy 50-letiyu arkheologicheskoy ekspeditsii Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, Voronezh, 2023. S. 77–91.
Konstantinov M.V. *Poluvekovaya deyatelnost muzeya arkheologii Zabaykalya imeni I.I. Kirillova*, Gumanitarnyy vector, 2019, T. 14, № 6. S. 168–177.
Martynov A. I. *Arkheologiya: vuzovskiy uchebnik i nauka (k 45-letiyu publikatsii uchebniika: Martynov A. I. Arkheologiya SSSR. M., 1973)*, Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019, T. 21, № 4. S. 940–947.
Sorina Kh.D., Urban Yu.N. *Iz istorii Verkhnevolzhya*. Vyp.1. Kalinin, 1976. 149 s.
Stepanova Yu.V., Zhukova E.N. *Arkheologicheskiy muzey Tverskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoryya, fondy, napravleniya deyatelnosti*, Univer-

- sitetskie muzei: proshloe, nastoyashchee, budushchee, SPb., 2006. S. 244–255.
- Tikhonov I.L. *Arkheologiya v Sankt-Peterburgskom universitete: Istoriorgraficheskie ocherki*. SPb., 2003. 332 s.
- Chernykh I.N. *Arkheologiya v Tverskom muzee. 1866-1988 gody: Kratkiy istoricheskiy ocherk*, Vestnik TGOM, 2016, № 48, Sentyabr. S. 45–63.
- Yanin V.L., Kantorovich A.R. *K 75-letiyu kafedry arkheologii istoricheskogo fakulteta MGU*, Istoricheskie issledovaniya, 2015, № 3. S. 5–45.

Статья поступила в редакцию 12.06.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.40)"18/19"

DOI 10.26456/vthistory/2025.3.145–157

Положение земского участкового начальника в российской провинции конца XIX - начала XX вв. (по материалам «Пензенских епархиальных ведомостей»)

М.Н. Шошкина

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

В статье представлен анализ института земских начальников на основе материалов «Пензенских епархиальных ведомостей». Исследование основано на методах источниковедческого анализа с привлечением сравнительно-исторического подхода, что позволяет рассматривать публикации в «Пензенских епархиальных ведомостях» в контексте других известных документов эпохи. Такой комплексный анализ даёт возможность по-новому оценить как эффективность работы земских участковых начальников, так и характер их взаимоотношений с православным духовенством на территории Пензенской губернии. Результаты исследования позволяют выявить позицию церковного ведомства на различных уровнях по отношению к институту земских начальников. Святейший Синод, иерархи РПЦ, приходское духовенство последовательно поддерживали данное учреждение, рассматривая его как эффективный инструмент взаимодействия государства и церкви в деле управления крестьянским населением.

Ключевые слова: земский начальник, «Пензенские епархиальные ведомости», Синод, епархия, священник, приход.

Изучение института земских участковых начальников занимает важное место в историографии пореформенной России. Исследователями данного института использованы материалы официального делопроизводства, архивные документы, личные фонды, материалы периодической печати¹.

¹ Башкирева Н.В. Институт земских участковых начальников и крестьянский мир: опыт взаимодействия в русской деревне рубежа XIX-XX вв. // VIII Бартеневские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 200-летию со дня рождения выдающихся деятелей России: Александра II, Н.А. Милютина, С.М. Соловьева, И.С. Тургенева, М.Н. Каткова. 2018. С. 152–158; Бузанова Н.А. Земские начальники Тамбовской губернии и роль в жизни русского крестьянства // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 6 (52). С. 182–187; Мамонт Е.В. Земский начальник: от первого лица // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т.

«Пензенские епархиальные ведомости» ранее не рассматривались как источник по изучению института земских участковых начальников. На наш взгляд, «Пензенские епархиальные ведомости» представляют особый интерес как источник по исследованию положения участкового начальника в провинции, т. к. содержат большой пласт материалов, позволяющих проанализировать деятельность земских участковых начальников через призму оценок церковных иерархов, а также раскрывают характер взаимоотношений этих чиновников по крестьянским делам с приходским духовенством и прихожанами.

«Пензенские епархиальные ведомости», будучи официальным органом Пензенской епархии, регулярно освещали вопросы, связанные с деятельностью земских начальников в сфере надзора за церковно-приходскими и церковными школами, крестьянским самоуправлением, решения земельных споров, контроля народной нравственности и др.

Анализ материалов «Пензенских епархиальных ведомостей» позволяет установить, что систематическое освещение деятельности земских начальников началось практически одновременно с созданием данного института – в 1889 г. Периодическое издание на протяжении почти трёх десятилетий освещало различные аспекты их работы, сохраняя этот интерес вплоть до 1916 г. Последнее обнаруженное нами упоминание относится к апрелю–маю 1916 г., когда было опубликовано сообщение о назначении земского начальника Николая Рейнгарда на священническую должность в селе Сипягино Инсарского уезда².

Наибольшая концентрация материалов, рассматривавших деятельность земских начальников, наблюдалась в период 1894–1899 гг., когда соответствующие упоминания встречались примерно в 44,2 % всех выпусков издания. Особую научную ценность представляют документы, фиксирующие случаи совместной работы духовных и светских властей, а также содержащие оценочные суждения представителей духовенства о деятельности административных органов.

Руководство епархии с энтузиазмом встретило введение нового института, подтверждением чему может служить выступление епископа Пензенского и Саранского Митрофана при приведении к присяге земских начальников 1 июля 1891 г. В своей речи он подчёркивал богоустановленный характер новой власти, отмечая, что Церковь «с утешением и благословениями встречает это учреждение», видя в нём проявление заботы монарха о нравственном улучшении народной жизни. Особое значение придавалось объединению в руках земских начальников судебных и админи-

17. № 1. С. 30–36; Фурсов В.Н., Сафонова Н.В. Земские начальники в России и их роль в русской деревне (на материалах Воронежской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. 2008. № 1 (41). С. 58.

² Пензенские епархиальные ведомости (далее – ПЕВ). 1916. № 8–9. С. 340

стративных функций, что, по мнению епископа, должно было усилить их влияние на местном уровне³.

Подобное отношение прослеживается и в деятельности нижестоящих церковных иерархов. Примером является публичная признательность, выраженная протоиереем П. Лентовским земскому начальнику Н.Н. Ильшеву за участие в строительстве школьного здания в селе Козеевке Наровчатского уезда, и предложение стать попечителем местной школы. Этот эпизод демонстрирует практическое сотрудничество духовенства с представителями администрации в сфере народного образования⁴.

Святейший Синод – высший орган церковной власти – также демонстрировал поддержку деятельности земских участковых начальников, поощряя их за вклад в развитие церковно-приходских школ. Ярким примером такого одобрения стало награждение двух представителей местной администрации – С.С.Дяткова, земского начальника 4-го участка Инсарского уезда, и Н.И. Ильшева, занимавшего аналогичную должность в 1-м участке Наровчатского уезда. В знак признания их усердия и активного участия в благоустройстве церковно-приходских школ Святейший Синод удостоил их экземплярами «Библии». Эта награда была вручена в мае 1902 г., в день памяти святых Мефодия и Кирилла, на основании синодального постановления, принятого 21–30 июня 1900 г. Данный факт, зафиксированный в № 14 «Пензенских епархиальных ведомостей» от 16 июля 1902 г., свидетельствует о тесном взаимодействии высших церковных и светских структур в сфере народного образования⁵.

На общегосударственном уровне обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев активно привлекал земских начальников к реализации церковной политики. В частности, в 1906 г. он поручил им разъяснить населению необходимость поддержки приходских священников в соответствии с синодальным определением от 18 ноября 1905 г. Такие действия вписывались в общую теорию «охранительного консерватизма», предусматривавшую тесное взаимодействие государственных и церковных структур⁶.

В конце XIX – начале XX в. взаимодействие между земскими начальниками и епархиальными властями осуществлялось в рамках законодательно установленных норм и охватывало широкий спектр вопросов, включая надзор за церковно-приходскими школами, противодействие религиозному расколу, поддержание общественной нравственности, участие в чрезвычайных мероприятиях и др. Особое внимание заслуживает сфера народного образования, где сотрудничество носило наиболее системный характер.

Как свидетельствуют материалы «Пензенских епархиальных ведомостей», координация деятельности в образовательной сфере осуществлялась через специально созданные совещательные органы – епархиальный уни-

³ ПЕВ. 1891. № 14. С. 447.

⁴ Там же. 1901. № 23. С. 788.

⁵ Там же. 1902. № 14. С. 90.

⁶ Там же. 1906. № 6. С. 322.

личный совет, совет Иппокентьевского братства, общество вспомоществования нуждающимся ученикам Пензенской духовной семинарии, общество вспомоществования нуждающимся ученикам Краснослободского духовного училища и другие, созданные для развития образования среди крестьянского населения. В работе этих структур активное участие принимали как представители духовенства, так и земские начальники.

«Пензенские епархиальные ведомости» регулярно публиковали не только официальные отчёты о деятельности этих советов, но и приводили конкретные примеры повседневного взаимодействия. Так, в январе 1895 г. описывались обстоятельства, как председателем Чембарского отделения училищного совета протоиереем М. Тарховым совместно с группой земских начальников проводилась инспекция школьных помещений с целью их улучшения⁷.

Аналогичный случай сотрудничества зафиксирован в январе 1902 г. о совместных усилиях протоиерея И. Щепотина и земских начальников Инсарского уезда С.С. Дяткова, З.И. Черневского, О.О. Кузнецова по обеспечению школ необходимыми учебными материалами⁸.

В контексте исследования взаимодействия светских и церковных институтов в сфере народного образования особого внимания заслуживает фигура Сергея Сергеевича Дяткова – земского начальника Инсарского уезда. Его административная деятельность, отмеченная современниками, представляет значительный исследовательский интерес как показательный пример эффективного сотрудничества местных властей и духовенства, в частности, его систематическая работа по развитию сети церковно-приходских школ, получившая широкое признание как со стороны епархиального начальства, так и местного населения. В 1896 г. С.С. Дятков был утверждён попечителем Старо-Федоровской церковно-приходской школы⁹, а уже в ноябре 1897 г. принял участие в освящении нового здания школы в селе Старая Феодоровка. Его усилия по организации строительства и привлечению крестьянских пожертвований были высоко оценены местным духовенством и сельским обществом, выразившим благодарность вручением иконы Спасителя. В своей ответной речи С.С. Дятков подчеркивал важность образования не только для мальчиков, но и для девочек, что свидетельствует о его прогрессивных взглядах на просвещение¹⁰.

Продолжая активную деятельность, в 1898 г. он участвовал в открытии школы в деревне Бугро-Ключи¹¹, а к 1900 г. получил официальную признательность от епархиального начальства за содействие в строительстве домов

⁷ ПЕВ. 1895. № 2. С. 20.

⁸ Там же. 1902. № 1. С. 7.

⁹ Там же. 1896. № 22. С. 846.

¹⁰ Ягодинский И. Освящение нового здания для церковно-приходской школы в селе Старой Феодоровке Инсарского уезда // ПЕВ. 1898. № 2. С. 70.

¹¹ Палладов Ф. Освящение нового здания для церковно-приходской школы в деревне Бугро-Ключах Инсарского уезда // ПЕВ. 1898. № 20. С. 770.

для причта в селе Николаевка¹². Публикации 1905 г. подтверждают, что его многолетняя работа способствовала созданию разветвленной сети церковных школ в уезде, где к началу XX в. их насчитывалось уже 15¹³.

Архивные документы Фонда Синода Российского государственного исторического архива подтверждают факты, приводимые «Пензенскими епархиальными ведомостями» о продуктивном сотрудничестве между церковными и светскими властями в сфере образования. В частности, заключение, направленное в Святейший Синод 20 января 1900 г. за № 333, свидетельствует об утверждении земских начальников Д.П. Бабичева и З.И. Черневского почетными попечителями церковных школ в своих уездах. Основанием для этого решения послужила их активная деятельность по развитию народного образования в соответствии с принципами православной церкви¹⁴.

Особую значимость приобретает тот факт, что положительная характеристика сотрудничества подтверждается как периодическим изданием местного уровня, так и документами высшего церковного органа управления. «Пензенские епархиальные ведомости» освещали и другие аспекты сотрудничества между церковными и светскими властями, что способствовало укреплению государственно-церковных связей. Одним из таких направлений было исполнение земскими начальниками распоряжений губернатора в части контроля деятельности волостных и сельских обществ по вопросам, затрагивающим интересы церковного ведомства.

Ярким примером стал инцидент 1909 г. в селе Мельцан Инсарского уезда, где крестьяне по инициативе одного из жителей попытались установить фиксированную плату за совершение церковных треб. Получив жалобу от местного священника, епископ обратился к губернатору, который поручил земскому начальнику разобраться в ситуации. Проведённое расследование показало, что требования крестьян были необоснованными и возникли под влиянием частного лица. Согласно публикации «Пензенских епархиальных ведомостей», «причт села Мельцан взимал плату за требы в размерах, обычных для данной местности, а материальное положение крестьян не отличалось от соседних сел»¹⁵. По итогам разбирательства земский начальник представил приговор сельского схода на отмену в уездный съезд, а сельский староста был привлечён к ответственности в соответствии со ст. 63 Общего положения о крестьянах.

Как свидетельствуют материалы «Пензенских епархиальных ведомостей», важной сферой сотрудничества между церковными и светскими властями стала координация помощи населению в периоды голода, эпидемий, войн. Особый интерес представляет деятельность комитета по оказанию

¹² ПЕВ. 1900. №6. С. 38.

¹³ Ягодинский И. Краткий исторический очерк возникновения и открытия церковно-приходских школ IV благочиннического округа Инсарского уезда // ПЕВ. 1905. № 4. С. 174.

¹⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 181. Д. 926. Л. 4.

¹⁵ ПЕВ. 1909. № 13. С. 578.

помощи пострадавшим от неурожая 1891 г., созданного в Пензенской губернии 10 сентября под председательством епископа Пензенского и Саранского Митрофана. В состав этого органа входили представители как духовенства, так и местной администрации, что обеспечило эффективное взаимодействие при организации сбора денежных средств, продовольствия и предметов первой необходимости.

Последовательным развитием этой инициативы стало создание уездных комитетов на основании указа Святейшего Синода от 21 августа 1891 г. № 2139. Данные местные структуры, возглавляемые уездными протоиереями, включали в свой состав предводителей дворянства и земских начальников, чье участие специально оговаривалось как важный фактор успешной работы¹⁶.

Как свидетельствуют материалы «Пензенских епархиальных ведомостей», издание оперативно реагировало на различные чрезвычайные происшествия. Характерным примером служит публикация священника Николая Фёдоровича Быстрова в мартовском номере 1893 г., где автор делится своими размышлениями. В статье под заголовком «Несколько мыслей сельского священника по поводу ожидаемой на весну 1893 г. холеры» он пишет, что во время эпидемии 1892–1893 гг. в Мокшанском уезде сложилась показательная модель сотрудничества между земскими начальниками и приходским духовенством¹⁷. Земские начальники официально обращались к священникам с предложением организовать профилактические мероприятия, подчеркивая их особую роль в мобилизации сельских общин. В рамках этого взаимодействия духовенству предлагалось выдвигать из числа прихожан наиболее уважаемых и авторитетных крестьян, которые могли бы стать помощниками в противоэпидемической работе¹⁸.

В условиях русско-японской войны 1904–1905 гг. в Пензенской губернии сложилась эффективная система взаимодействия земских начальников и приходского духовенства по организации помощи фронту. По свидетельству священника Александра Росницкого, в селе Никольское-Борнуки Городищенского уезда совместные призывы земского начальника и местного священника к пожертвованиям на военные нужды нашли живой отклик среди крестьянского населения, благодаря чему было собрано 4,5 тысячи рублей денежных средств, а также организован сбор и изготовление предметов первой необходимости для солдат – от нательного белья до тёплых вещей.

¹⁶ Прибавление к официальной части № 18 Пензенских Епархиальных Ведомостей // ПЕВ. 1891. № 18. С. 3.

¹⁷ Быстров Н. Несколько мыслей сельского священника по поводу ожидаемой на весну 1893 г. холеры // ПЕВ. 1893. № 6. С. 244.

¹⁸ Кошелева А.И. Пензенский священник Н.Ф. Быстров: пастырь, краевед, публицист // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12–1(74). С. 116.

Особенно показательно, что земский начальник, получив утверждение губернатора, возглавил местный комитет по сбору помощи Красному Кресту, в то время как священник обеспечивал мобилизацию прихожан, что позволило даже в условиях бедности сельского населения организовать значительную материальную поддержку армии. Этот опыт демонстрирует, как авторитет обеих сторон – административный вес земского начальника и духовный авторитет священника – при грамотной координации мог давать весомые практические результаты в критических ситуациях¹⁹.

Материалы «Пензенских епархиальных ведомостей» свидетельствуют о многоплановом сотрудничестве земских начальников и церковных властей и в остальных областях общественной жизни. Например, тема религиозно-нравственного воспитания нашла свое отражение в публикациях периода 1903–1909 гг.

Так, в статье «Чтения в с. Мерлинке» сообщается, что инициатива местного священника К.Е. Артоболевского, поддержанная земским начальником Д.П. Бабичевым, привела к организации регулярных религиозно-нравственных чтений с использованием современных по тем временам световых картин. Эти просветительские мероприятия, сопровождавшиеся церковным пением, проводились в помещении волостного правления, что подчёркивало официальный статус данной инициативы²⁰.

Успех данной инициативы во многом объясняется сложившимся к 1903 г. весомым авторитетом земского участкового начальника Д.П. Бабичева, который сумел завоевать доверие как среди местного населения, так и в церковных кругах. Его административный статус подкреплялся многолетней последовательностью в сфере народного образования.

Первые свидетельства о деятельности Д.П. Бабичева относятся к 1894 г., когда он удостоился архипастырского благословения за организацию системы финансирования церковных школ. Проявив себя как умелый администратор, он добился от крестьянских обществ Мокшанского уезда принятия обязательств о регулярных целевых сборах (30–50 коп. с души) на нужды местных учебных заведений²¹.

Активная просветительская деятельность земского начальника Д.П. Бабичева получила дальнейшее развитие в 1895–1896 гг. Особое внимание заслуживает его участие в создании библиотечного фонда церковно-приходских школ. Благодаря ходатайствам Бабичева в 1895 г. в церковь-школу деревни Петровки Мокшанского уезда была направлена библиотека, сформированная на средства Государственного Контроля²².

Регулярные посещения школ своего участка и личное участие в их работе позволили Д.П. Бабичеву стать одним из главных инициаторов расширения сети образовательных учреждений в губернии. Согласно дан-

¹⁹ Росницкий А. Село Никольское-Борнуки, Городищенского уезда, Пензенской епархии // ПЕВ. 1904. № 17. С. 665.

²⁰ ПЕВ. 1903. № 3. С. 146.

²¹ Там же. 1894. № 7. С. 56.

²² Там же. 1895. № 5. С. 164.

ным «Пензенских епархиальных ведомостей», именно в Мокшанском уезде, где он осуществлял свою деятельность совместно со священниками П. Снегиревым и А. Виноградовым, наблюдался наиболее значительный рост числа школ грамоты²³.

В 1896 г. заслуги Бабичева были официально признаны Святейшим Синодом. Он удостоился архипастырского благословения за многогранную деятельность, включавшую как значительные личные пожертвования (1000 руб. на благоустройство храма в селе Кологрировке), так и организацию 13 новых школ в своём участке. Это благословение с выдачей соответствующей грамоты стало свидетельством высокой оценки его вклада в развитие народного образования на региональном уровне²⁴.

Д.П. Бабичев лично участвовал в организации при школах Мокшанского уезда просветительских чтений с использованием «волшебного фонаря». Эти мероприятия привлекали не только учащихся, но и немалое число взрослых слушателей²⁵. Как отмечали «Пензенские епархиальные ведомости», он по праву считался одним из наиболее деятельных земских начальников.

Подтверждением высокого авторитета среди местного населения служит публикация «Пензенских епархиальных ведомостей» от 1 ноября 1899 г. В ней сообщается, что крестьяне деревень Петровки и Александровки Мокшанского уезда, желая выразить благодарность обер-прокурору Священного Синода К.П. Победоносцеву и земскому начальнику Д.П. Бабичеву за помочь в строительстве церкви-школы в Александровке, приобрели икону с изображением святого царя Константина и святого Димитрия Ростовского. Эта икона была помещена в церкви-школе, и перед началом занятий дежурный ученик ежедневно зажигал перед ней лампаду²⁶.

Приведённый пример свидетельствует о том, что персональный авторитет земского начальника Д.П. Бабичева выступал значимым фактором в организации системы религиозно-нравственного воспитания на подведомственной территории. Обладая высоким статусом и влиянием, земский начальник усиливал эффективность взаимодействия административных и церковных структур. Данный симбиоз власти и духовенства позволял целенаправленно формировать традиционный уклад жизни населения в соответствии с православными ценностями и обеспечивать реализацию государственного политического курса на местах.

Разноплановым был спектр взаимодействия земских начальников и церковных властей в иных сферах общественной жизни.

Так, в статье от 16 сентября 1909 г. «Пензенских епархиальных ведомостей» отмечается, что в Краснослободском уезде земский начальник князь Г.Н. Девлет-Кильдеев активно поддерживал инициативы духовенства по организации молодежных посиделок. Благодаря этому взаимодей-

²³ ПЕВ. 1895. № 5. С. 61.

²⁴ Там же. 1896. № 4. С. 71.

²⁵ Там же. 1898. № 11. С. 42.

²⁶ Там же. 1899. № 21. С. 871.

ствию удалось создать систему, где традиционные крестьянские собрания молодёжи превращались в площадки для религиозно-нравственного проповедования. Особенно показательно, что контроль таких мероприятий осуществлялся совместно – со стороны как духовных лиц, так и сельских должностных лиц, находившихся в ведении земских начальников²⁷.

«Пензенские епархиальные ведомости» также регулярно освещали вопросы совместного противодействия церковных и светских властей распространению религиозного раскола. Характерный пример – ситуация в деревне Михайловка Саранского уезда, где земский начальник 4 участка сообщил в консисторию о деятельности крестьянина Лукьянова, распространявшего раскольнические идеи. В ответ совет Иннокентьевского братства направил в село епархиального миссионера священника К. Попова, который с января 1895 г. проводил разъяснительную работу среди местных жителей. В результате семьи, ранее склонявшиеся к расколу, вернулись в лоно православной церкви²⁸.

В ряде публикаций отражено особое внимание совместной борьбе с пьянством в сельской местности Пензенской губернии. Показательным примером эффективного взаимодействия духовных и светских властей стало решение о закрытии кабаков в Кочкуровской волости Саранского уезда в 1891 г. В условиях голода, когда алкоголь становился особой угрозой для населения, совместные усилия земского начальника, волостного старшины и трёх приходских священников привели к единогласному принятию этого решения сельскими обществами²⁹.

Как отмечали современники, проблема носила глубоко укоренённый характер. Священник И.П. Ягодинский в 1894 г. подчёркивал, что пьянство пронизывало все сферы крестьянской жизни – от общественных мест до семейного быта. В этих условиях требовалось сочетание административных мер и духовного воздействия. Так, в селе Шигонь инициатива местного священника привела к отказу от алкоголя на поминах и созданию общества трезвости, объединившего 45 прихожан. Поддержка таких начинаний со стороны земских начальников способствовала постепенной трансформации традиционных установок крестьянской среды³⁰.

Однако несмотря на примеры успешного сотрудничества, между церковным и светским ведомствами Пензенской губернии регулярно возникали серьёзные разногласия, обусловленные различиями в функциях, полномочиях и мировоззрении церковных и светских властей.

Земские начальники, отвечавшие за организацию общественных работ, часто закрывали глаза на то, что эти работы проводились в церковные

²⁷ ПЕВ. 1909. № 18. С. 800.

²⁸ Там же. 1896. № 7/8. С. 128.

²⁹ Кочкуровский житель. Из села Кочкурова, Саранского уезда // ПЕВ. 1891. № 200. С. 3.

³⁰ Ягодинский И. Краткий очерк современного религиозно-нравственного состояния прихожан сел IV благочиннического округа, Инсарского уезда // ПЕВ. 1894. № 16. С. 724.

праздники, ссылаясь на хозяйственную необходимость. Священники, пытавшиеся бороться с этой практикой через проповеди и обращения к властям, сталкивались с упрямым сопротивлением сельских старост и волостных старшин, которые опирались на молчаливое одобрение земских начальников³¹.

Особое недовольство духовенства вызывали случаи некомпетентного вмешательства светских властей в церковные дела. Так, в статье священника Владимира Иссинского «Приниженность духовенства», опубликованной 16 октября 1907 г., отмечалось, что новый земский начальник, прибывший из Москвы, пытался навязать местным приходам столичные порядки: критиковал продолжительность благовеста и требовал проведения новогодних молебнов в полночь, совершенно не учитывая особенностей сельского быта. При этом он действовал в обход местного духовенства, т. е. «не поговоривши и не посоветовавшись ни с одним из священников», обратился сразу к епископу³².

В этом же году на страницах издания отражены факты земельных споров в период аграрного движения. В статье «Несколько практических указаний по делам самовольного захвата церковных земель», опубликованной в 1907 г. под авторством священника Владимира Иссинского, отмечается, что крестьяне всё чаще прибегали к самовольным захватам церковных земель, зная о правовой неосведомленности духовенства. Многие клирики не понимали, куда обращаться за защитой своих прав, что приводило к пропуску сроков подачи исков. Ситуацию усугубляло то, что даже земские начальники зачастую неверно трактовали законы, требуя от духовенства излишних документов³³.

Иногда попытки священников решать текущие проблемы через сельские власти заканчивались безрезультатно. Из протокола епархиального съезда Пензенского духовенства, опубликованного в 1908 г., следует, что взаимоотношения с земскими начальниками не были безоблачными: «Такое положение дел вынуждало многих священников мириться с нарушениями, чтобы избежать бюрократических преследований и сохранить хоть какое-то подобие мирных отношений с местными властями»³⁴.

Подобные конфликты наглядно демонстрировали наличие расхождений между церковными и светскими институтами в понимании своих полномочий и приоритетов.

Достоверность подобных случаев, описанных в периодической печати, подтверждается архивными документами. В них отражён показательный пример, связанный с обвинением священником села Старые Верхисы П.И. Островидовым земского начальника В.Д. Литвинова в клевете. Конфликт возник после того, как чиновник зафиксировал слова сельского ста-

³¹ Остроумов А. Причины неаккуратного посещения воскресных и праздничных богослужений крестьянами в летнее время // ПЕВ. 1900. № 7–8. С. 315.

³² ПЕВ. 1907. № 20. С. 952.

³³ Там же. 1907. № 9. С. 369.

³⁴ Там же. 1908. № 4. С. 56.

росты о том, что священник «научает» крестьян, как вести себя на сходе. Примечательно, что губернское присутствие оставило жалобу священнослужителя без удовлетворения³⁵.

Таким образом, материалы епархиальных ведомостей свидетельствуют о последовательной поддержке института земских начальников со стороны всех уровней церковного ведомства – от Святейшего Синода до приходского духовенства. Проведённое исследование позволяет рассматривать «Пензенские епархиальные ведомости» как ценный исторический источник, содержащий богатый материал для анализа взаимоотношений земских начальников и церковных структур. На протяжении всего периода существования института земских начальников издание последовательно освещало различные аспекты их сотрудничества с епархиальным руководством и приходским духовенством. На основании проведённого анализа периодического издания «Пензенские епархиальные ведомости» в отношении вопроса взаимодействия земских участковых начальников и представителей церковного ведомства разных уровней по различным направлениям деятельности можно констатировать, что земские начальники выступали важным связующим звеном между государственной администрацией и церковными структурами в губернии. Их взаимодействие с епархиальным руководством и приходским духовенством носило системный и многоплановый характер, охватывая различные сферы общественной жизни – от народного образования до решения земельных вопросов.

Анализ материалов периодического издания позволяет не только дополнить существующие представления о практической реализации земской реформы, но и выявить особенности восприятия роли участковых начальников различными сословиями местного общества. При этом необходимо учитывать специфику источника, обусловленную его ведомственной принадлежностью и определённым провластным подходом в освещении событий. Хотя в большинстве случаев обе стороны демонстрировали способность находить компромиссные решения и эффективно сотрудничать, периодически возникавшие конфликты свидетельствовали о наличии определенных институциональных противоречий. Особенно ярко это проявлялось в вопросах землепользования и трактовки правовых норм, где позиции духовных и светских властей могли существенно расходиться.

Примечательно, что земские участковые начальники, будучи представителями государственной власти, одновременно играли значительную роль в религиозно-нравственной сфере жизни губернии. Их деятельность не ограничивалась чисто административными функциями, а включала элементы патронажа над местными приходами и участия в решении духовно-воспитательных задач. Такое положение дел отражало специфику российской модели управления, где государственные и церковные институты традиционно тесно переплелись на региональном уровне.

³⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 29 Д. 478. Л. 246.

Список литературы:

1. Башкирева Н.В. Институт земских участковых начальников и крестьянский мир: опыт взаимодействия в русской деревне рубежа XIX–XX вв. // VIII Бартеневские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвящённой 200-летию со дня рождения выдающихся деятелей России: Александра II, Н.А. Милютина, С.М. Соловьева, И.С. Тургенева, М.Н. Каткова. 2018. С. 152–158.
2. Бузанова Н.А. Земские начальники Тамбовской губернии и роль в жизни русского крестьянства // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 6 (52). С. 182–187.
3. Кошелева А.И. Пензенский священник Н.Ф. Быстров: пастырь, краевед, публицист // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-1(74). С. 115–117.
4. Мамонт Е.В. Земский начальник: от первого лица // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17. № 1. С. 30–36.
5. Фурсов В.Н., Сафонова Н.В. Земские начальники в России и их роль в русской деревне (на материалах Воронежской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. 2008. № 1(41).

Об авторе:

ШОШКИНА Мария Николаевна – ассистент, кафедра «История Отечества, государства и права», соискатель, Пензенский государственный университет, (Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40), e-mail: inao-pgu@yandex.ru

The position of the zemstvo district chief in the Russian province of the late XIX - early XX centuries (based on the Penza Diocesan Gazette)

M.N. Shoshkina

Penza State University, Penza, Russia

The article presents an analysis of the institute of zemstvo chiefs based on the materials of the Penza Diocesan Gazette. The research is based on the methods of source analysis using a comparative historical approach, which allows us to consider the information of the Penza Diocesan Gazette in the context of other well-known documents of the era. Such a comprehensive analysis makes it possible to re-evaluate both the effectiveness of the work of the zemstvo district chiefs and the nature of their relationship with the Orthodox clergy within the Penza province.

The results of the study make it possible to identify a stable loyal position of the church authorities at various levels in relation to the institution of

zemstvo chiefs. The Holy Synod, the diocesan bishops, and the parish clergy have consistently supported this institution, viewing it as an effective tool for interaction between the state and the Church in managing the peasant population.

Keywords: *zemstvo chief, Penza diocesan gazette, Synod, diocese, priest, parish.*

About the author:

SHOSHKINA Maria Nikolaevna – assistant, applicant for a degree, department of «History of the Fatherland, State and Law», Penza State University, (Russia, 440026, Penza, Krasnaya str., 40), e-mail: inao-pgu@yandex.ru

References:

- Bashkireva N.V., *Institut zemskikh uchastkovikh nachalnikov i krestyanskii mir: opit vzaimodeistviya v russkoi derevne rubezha XIX–XX vv.*, VIII Bartenevskie chteniya. Materiali Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 200-letiyu so dnya rozhdeniya vidayushchikhsya deyatelei Rossii: Aleksandra II, N.A. Milyutina, S.M. Soloveva, I.S. Turgeneva, M.N. Katkova. 2018. S. 152–158.
- Buzanova N.A., *Zemskie nachalniki Tambovskoi gubernii i rol v zhizni russkogo krestyanstva, Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessi*. 2013. № 6 (52). S. 182–187.
- Kosheleva A.I., *Penzenskii svyashchennik N.F. Bistrov: pastir, kraeved, publicist*, Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosi teorii i praktiki. 2016. № 12-1 (74). S. 115–117.
- Mamont Ye.V., *Zemskii nachalnik: ot pervogo litsa*, Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnie nauki. 2017. T. 17. № 1. S. 30–36.
- Fursov V.N., Safronova N.V., *Zemskie nachalniki v Rossii i ikh rol v russkoi derevne (na materialakh Voronezhskoi gubernii)*, Nauchnie vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorya. Politologiya. Ekonomika. 2008. № 1 (41).

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 27.11.2025 г.

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 930.1 930.85

DOI 10.26456/vthistory/2025.3.158–171

История регионально-демографического развития погра- ничного Забайкалья в конце XX – начале XXI вв.: современная отечественная историография

С.Б. Макеева

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федераль-
ный научно-исследовательский социологический центр Российской ака-
demии наук, Институт социальной демографии, г. Москва, Россия

Данная статья посвящена рассмотрению основных теоретических положений отечественных ученых по регионально-демографической истории приграничного забайкальского региона в 1990-е–2010-е гг. В ходе применения сравнительно-исторического и проблемно-хронологического научных методов было выделено шесть групп исследовательских направлений: первая группа, касающаяся рассмотрения эволюции пространственно-территориальных преобразований; вторая группа, включающая исследования по истории забайкальской региональной политики; третья группа, касающаяся анализа экономических аспектов пространственных преобразований; четвертая группа, связанная с рассмотрением эволюции населения пограничных территорий; пятая группа, посвященная анализу влияния приграничного положения на развитие рассматриваемых территорий.

Ключевые слова: региональная история, приграничный регион, Забайкалье, историография, рыночные отношения, население, отечественные учёные.

Забайкалье является одним из приграничных российских регионов, который также, как и все другие территории России в 1990-е гг. испытывал на себе трансформационные изменения при переходе к рыночным отношениям. Приграничное положение с Автономным районом Внутренняя Монголия и провинцией Хэйлунцзян Китайской Народной Республики, а также с Восточным, Хэнтэйским и Селенгинским аймаками Монголии определило специфику исторических процессов регионально-демографического развития Забайкалья на рубеже XX–XXI вв. В истории пространственных преобразований забайкальского региона в рассматриваемый период произошло значимое событие, когда Читинская область и Агинский автономный район в 2008 г. объединились в Забайкальский край. Демографические изменения в За-

байкалье в 1990–2010-е гг. были связаны с замедлением темпов рождаемости, ростом смертности и миграционным оттоком населения в более развитые российские регионы и города. Различные вопросы, связанные с развитием населения и народного хозяйства Забайкалья в сложившихся трансформационных условиях постсоветской России привлекали внимание современных исследователей. Ежегодно в свет выходили десятки научных статей и монографий, на страницах которых разбирались самые актуальные проблемы эволюции приграничного забайкальского региона, предлагались варианты преодоления социально-экономических трудностей, резюмировались итоги комплексных преобразований различных сфер Забайкалья. Данные научные работы представляют собой огромный пласт исследовательских изысканий российских ученых, изучение которых с одной стороны имеет теоретическую значимость для исторической науки в рамках рассмотрения отечественной историографии современной истории Забайкалья, а с другой стороны, несет полезный практический эффект для разработки стратегий развития приграничных российских территорий.

За последние годы появились научные работы российских ученых, посвященные комплексному изучению современной истории Забайкалья¹. Первые произведения по истории забайкальского приграничного региона в постсоветский период были посвящены развитию отдельных районов Читинской области и эволюции городов. Так, например, в 1999 г. В.Г. Никонов подготовил анализ современной истории столицы забайкальского региона города Чита и проследил судьбу ее жителей². В 2000 г. вышли в свет работы А.И. Гурулева и А.Г. Щалпегиной по истории Борзинского и Акшинского районов Читинской области³. Заслуживает особого внимания произведение Г.Р. Граубина по истории Читы, в которой представлена эволюция забайкальской столицы до 2001 г.⁴. В 2003 г. вышли работы В.С. Кулакова и Ц.Д. Цыренжапова по истории Чернышевского и Ононского районов Читинской области, а также произведение Д.М. Токмакова по истории села Укурик⁵. Региональная история Кыринского района была представлена в работе В.И. Сажина⁶. Комплексный анализ динамики забайкальского региона в раз-

¹ История Восточного Забайкалья. Читинская область. Иркутск, 2001.

² Никонов В.Г. Читинцы: рассказы известных людей. Чита, 1999.

³ Гурулев А.И. Наш Дом (история и природа Борзинского района). Чита: Поиск, 2000. 129 с.; Щалпегина А.Г. Наш отчий край – земля Акшинская: к 250-летию основания Акши. Чита, 2000.

⁴ Граубин Г.Р. Звонок в историю. Чита: хроника, события, люди (1897–2001). Иркутск, 2001.

⁵ История и география Чернышевского района / под общ. ред. В.С. Кулакова, В.А. Кривенко, Ю.С. Орлова. Чита, 2003; Цыренжапов Ц.Д. История села Укурик. Чита, 2003; Токмаков Д.М. Страна моя – Онония: страницы воспоминаний. Чита, 2003.

⁶ Сажин В.И. Земля и люди. Чита, 2006.

ные периоды, в том числе и в период с к. ХХ по н. ХХI вв. был представлен в коллективной монографии под руководством Н.В. Гордеева⁷.

Целью данной статьи является рассмотрение основных теоретических взглядов и положений отечественных ученых, специалистов в области региональной истории, а также регионоведения по проблемам регионально-демографической эволюции приграничного Забайкалья в современный период истории. В ходе использования сравнительно-исторического метода было проведено компартиативное исследование различных теоретических взглядов отечественных ученых по развитию населения и народного хозяйства забайкальского региона в к. ХХ – н. ХХI в. Системный и проблемно-хронологический методы позволили выявить ключевые направления в современной отечественной историографии пространственно-демографической эволюции приграничного Забайкалья.

Изучение современной отечественной историографии истории регионально-демографического развития забайкальского приграничья в 1990-е – 2010-е гг. позволило выделить несколько групп направлений исследований. Первую группу составили научные положения отечественных ученых по вопросам истории территориальных преобразований в приграничном Забайкалье в конце ХХ – начале ХХI вв. Площадь забайкальского приграничного региона составляла 432 тыс кв.км. Территория данного российского субъекта была богата различными минеральными ресурсами от каменного и бурого угля до редких металлов. В Забайкалье преобладали лесные ресурсы и уровень лесистости достигал 68,3 %. Современные ученые детально разбирали особенности использования ресурсов территории приграничного забайкальского региона в сложившихся условиях постсоветской России. В 1995 г. авторский коллектив под руководством О.А. Вотах комплексно проанализировал историю состояния окружающей среды Читинской области и разработал варианты устойчивого регионального развития приграничной территории⁸. В 1990-е гг. отечественными учеными был обобщен опыт по использованию земельных ресурсов Забайкалья. Представляет особый интерес коллективная монография под руководством В.С. Михеева по специфике традиционного землепользования эвенков в Читинской области, а также работа А.П. Кузовлева по проблемам совершенствования систем земледелия забайкальского региона⁹. Освещая историю территориального развития Забайкалья в 1990-е гг., отечественные ученые обращались к детальному рассмотрению опыта использования водных забай-

⁷ Очерки истории Восточного Забайкалья. Читинская область / под общ. ред. Н.В. Гордеева, А.И. Батуры. Чита, 2007; Очерки истории Забайкальского края / под общ. ред. Н.В. Гордеева. Чита, 2009.

⁸ Окружающая среда и условия устойчивого развития Читинской области / под общ. ред. О.А. Вотах, А.М. Котельникова, А.М. Возмилова. Новосибирск, 1995.

⁹ Традиционное природопользование эвенков: обоснование территорий в Читинской области / под общ. ред. В.С. Михеева, В.Ф. Задорожного, А.Т. Напрасникова. Новосибирск, 1995; Научные проблемы совершенствования систем земледелия и животноводства Читинской области / под общ. ред. А.П. Кузовлева. Чита, 1999.

кальских ресурсов – рек Шилка, Аргунь, Хилок, Чикой, Олекма и Витим. В 1998 г. исследователи В.Н. Заслоновский, А.В. Шаликовский и В.И. Коннов подготовили научный труд по истории, современному состоянию и проблемам использования водных ресурсов забайкальского региона, а также представили варианты выхода из сложившихся трудностей в этой сфере Читинской области¹⁰.

В 2000-е гг. на первый план вышли вопросы развития охраняемых территорий Забайкалья. История возникновения государственных заповедников и национальных парков в Читинской области нашла отражение в различных работах отечественных ученых. История недропользования и лесопользования в условиях равнин, плоскогорья и гор Забайкалья также стала актуальной темой исследования в первое десятилетие XXI в.¹¹ Современную историю природопользования в Читинской области представил в своей монографии А.М. Котельников¹². В 2000-е гг. отечественные учёные начали разбирать вопросы эволюции аграрного землепользования и пастбищного животноводства Забайкалья в условиях постсоветской России¹³. На первый план вышли вопросы качественного водообеспечения забайкальских приграничных территорий. Под руководством В.Н. Заслоновского в 2004 г. была подготовлена монография по истории реализации региональной водохозяйственной политики в Читинской области в период с 1998 по 2003 гг.¹⁴

На рубеже XX–XXI вв. забайкальский регион сохранял статус территории с преобладанием добычи полезных ископаемых. Большинство научных статей и монографий было посвящено истории и современному состоянию угледобывающего производства, эволюции горнопромышленного комплекса Забайкалья. Проводились исследования по истории угольных разрезов «Харанорский», «Восточный», «Тишинский». Учёные А.Б. Птицын и Ф.Ф. Быбин рассматривали динамику развития горнопромышленного комплекса Восточного Забайкалья¹⁵. Н.В. Ломакина определила роль горнодобывающего сектора цветной металлургии Читинской области в

¹⁰ Водные ресурсы Читинской области: состояние, проблемы, пути решения / под общ. ред. В.Н. Заслоновского, А.В. Шаликовского, В.И. Коннова. Чита, 1998.

¹¹ Природные условия Восточного Забайкалья (Читинская область) / под общ. ред. Л.И. Локоть. Чита, 2003; Зеленый мир Читинской области / под общ. ред. Е.П. Якимовой, О.А. Поповой. Чита, 2009.

¹² Котельников А.М. Геоэкологическое обеспечение управление природопользованием в регионе (на примере Читинской области). Новосибирск, 2002.

¹³ Шильникова Т.Л. География почв Забайкалья (Читинская область) / Т.Л. Шильникова. Чита, 2006.

¹⁴ Водные ресурсы Читинской области: реализация региональной водохозяйственной политики (1998–2003 гг.) / под общ. ред. В.Н. Заслоновского. Екатеринбург, 2004.

¹⁵ Птицын А.Б., Быбин Ф.Ф. Концептуальные основы горнопромышленного комплекса Восточного Забайкалья // География и природные ресурсы. 2006. № 2. С. 106–114.

формировании стратегии регионального развития Дальнего Востока¹⁶. Проблемы горнорудного кластера в условиях постсоветской России подробно разбирали такие авторы, как А.К. Тулохонов, М.В. Слипенчук и Н.Г. Дмитриева¹⁷.

В современной истории пространственного развития забайкальского приграничного региона произошло значимое событие – образование Забайкальского края в 2008 г. путем объединения Читинской области и Агинского автономного района. Данное событие получило оценку в научных произведениях отечественного ученого Л.В. Гернега¹⁸. Стали выходить работы, рассматривающие предпосылки создания Забайкальского края, а также произведения, определявшие степень влияния данного события на пространственное положение забайкальских районов, городов, поселков и сел. Появились работы, выявляющие сравнительные характеристики регионального развития сельских и городских районов Забайкалья в 2000-е – 2010-е гг. Все чаще использовались такие категории как «депрессивный» и «деградация» при оценке регионального развития всего приграничного Забайкалья¹⁹. Еще одним значимым событием в современной истории пространственного развития забайкальского приграничного региона являлось вхождение Забайкальского края с 3 ноября 2018 г. в состав Дальневосточного федерального округа (ДФО). Данное событие получило оценку в работах таких современных ученых, как Л.Б. Ковальчук, С.А. Кравцова и И.М. Кичигина²⁰. Актуальным стало рассмотрение предпосылок формирования территорий опережающего развития в приграничном забайкальском регионе в условиях вхождения в ДФО²¹.

¹⁶ Ломакина Н.В. Роль горнодобывающего комплекса цветной металлургии в стратегии развития Дальнего Востока // Горный журнал. 2006. №3. С. 13–17.

¹⁷ Тулохонов А.К., Слипенчук М.В., Дмитриева Н.Г. Развитие горнорудного кластера в Забайкалье: проблемы и решения // География и природные ресурсы. 2010. № 1. С. 108–113.

¹⁸ Гернега Л.В. Забайкальский край: современное состояние и тенденции развития // Забайкальские социологические чтения. Социальные процессы в Забайкальском крае: вызовы и пути решения. 2016. С. 53–58; Гернега Л.В. Особенности развития Забайкальского края // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество. 2017. С. 119–123.

¹⁹ Атанов Н.И., Мункодугарова А.Б. Депрессивные приграничные регионы: проблемы развития // ЭКО. 2014. № 6 (480). С. 142–151.

²⁰ Ковальчук Л.Б., Кравцова С.А. Вхождение Забайкальского края в ДФО: территории опережающего развития и «китайский фактор» как инструменты сглаживания межрегиональных различий // Российско-китайские исследования. 2019. № 2. С. 64–73.; Кичигина И.М. Вхождение Забайкальского края в состав ДФО: оценка перспектив трансграничного развития // Российско-китайские исследования. 2019. № 1. С. 23–33.

²¹ Ковальчук Л.Б., Кравцова С.А. Создание территорий опережающего развития в Забайкалье: проблемы и перспективы // Известия Байкальского государственного университета. 2019. № 3. С. 491–498.; Азаркова А.А., Варламова Д.В. Трансграничное районообразование как фактор развития депрессивных районов страны на примере РФ и КНР // Экономика. Право. Инновации. 2023. № 3. С. 13–19.

Характеризуя современную отечественную историографию регионально-демографической истории забайкальского приграничного региона в конце XX – начале XXI вв. стоит выделить вторую группу исследований, посвящённую анализу формирования системы региональной политики Забайкалья, направленной на совершенствование развития народного хозяйства и населения данной территории РФ. В условиях перехода к рыночным отношениям социальная инфраструктура забайкальского региона переживала трансформационные изменения. Низкий уровень экономического развития Читинской области в 1990-е гг., а также сырьевая специализация забайкальского приграничья определили проблемы в реализации региональной политики по совершенствованию сфер образования, медицины, науки, культуры и транспортно-логистической отрасли. Преодоление трудностей в эпоху перехода к рыночным отношениям отечественные исследователи проследили через призму анализа истории отдельных организаций Забайкалья. В 1998 г. вышла в свет работа А.Е. Пажитнова по истории Читинской областной больницы им. В.И. Ленина²². Под руководством Ц. Мункожаргалова в 2001 г. была подготовлена работа по истории Агинской милиции²³. Появились узконаправленные исследования по истории политических партий забайкальского региона²⁴. Особый интерес представляла монография С.Г. Третьякова по истории органов прокуратуры Читинской области²⁵.

Наиболее актуальными стали вопросы управления социальной сферой Забайкалья. На первый план вышла тематика преобразования региональной политики, оптимизации государственного управления забайкальским приграничным регионом. В этой связи учёные разбирали вопросы обеспечения геоэкономической и социально-политической безопасности Забайкалья в рамках реализации региональной политики. Отдельно актуализировались вопросы эволюции органов местного самоуправления Забайкалья на рубеже XX–XXI вв. Одной из центральных тем в 2000-е гг. при рассмотрении региональной истории забайкальского региона являлась тема определения особенностей при реализации приоритетных национальных проектов в данной приграничной территории РФ²⁶. Вопросы влияния трансформации региональной политики на профессиональный состав общества Читинской области также нашли отражение в работах отечественных учёных.

²² Пажитнов А.Е. Мгновения, спрессованные в годы: история Областной больницы им. В.И. Ленина. Чита, 1998.

²³ Мункожаргалов Ц. Агинская милиция, 1921–2001: история и современность. Чита, 2001.

²⁴ Политические партии в Читинской области / под общ. ред. Ю.В. Рогова. Чита, 2004.

²⁵ Третьяков С.Г. Прокуратура Читинской области: история и современность. 70 лет. Чита, 2007.

²⁶ Реализация приоритетных национальных проектов в Читинской области. Чита, 2007.

При рассмотрении истории региональной политики по совершенствованию народного хозяйства и населения Забайкалья в конце 2000-х гг. наиболее актуальной была тема образования в 2008 г. Забайкальского края. Последствия объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа для системы региональной политики рассматривались в трудах различных отечественных ученых. Разбирались конституционно-правовые основания создания Забайкальского края. Были введены в научный оборот такие категории как «процесс укрупнения» и «процесс объединения» субъектов РФ, применительно к рассмотрению современной региональной истории Забайкалья. Ретроспективный анализ реализации государственной политики по развитию забайкальского приграничья и выявлению предпосылок образования Забайкальского края попытался представить в 2011 г. С.А. Сидоров²⁷.

Анализ современной отечественной историографии регионально-демографической истории забайкальского приграничного региона в конце XX – начале XXI вв. позволяет выделить третью группу исследований, связанную с рассмотрением эволюции регионально-экономических процессов в Забайкалье. Переход к рыночным отношениям в 1990-е гг. оказал значительное влияние на развитие потребительского рынка, сельского хозяйства и промышленного сектора забайкальского приграничного региона. В 1998 г. вышла в свет работа под редакцией Д.Э. Селютина по специфике развития народного хозяйства Читинской области в условиях трансформационных экономических изменений России²⁸. В том же году комплексную оценку эволюции экономического развития Забайкалья в условиях постсоветской России представил В.В. Богатов²⁹. Одними из актуальных тем по регионально-экономическому развитию забайкальского приграничного региона в конце 1990-х гг. выступали темы по эволюции рынка продовольствия и рынка средств производства, динамике внутрирегиональных торговых отношений, специфике формирования потребительских кооперативов.

В 2000-е гг. отечественные ученые разбирали историю процесса оздоровления агропромышленного комплекса Забайкалья в условиях рыночных отношений³⁰. Вопросы реализации аграрной продукции, специфика развития животноводства в Читинской области нашли отражение в работах различных исследователей. В качестве объекта изучения специалистов по истории регионально-экономического развития выступали предприятия

²⁷ Сидоров С.А. Государственная политика развития Дальнего Востока и Забайкалья в постсоветский период: цели и результаты // Научные ведомости Белгородского университета. Серия: Экономика. Информатика. 2011. № 7 (102). С. 252–257.

²⁸ Региональный хозяйственный механизм в условиях трансформации экономики России. Экономический статус Читинской области / под общ. ред. Д.Э. Селютина. Чита, 1998.

²⁹ Богатов В.В. Современное состояние и тенденции экономического развития Читинской области. Чита, 1998.

³⁰ Шарипов И.Н. Экономика АПК Забайкалья и Дальнего Востока: состояние и меры по оздоровлению // Экономика сельского хозяйства. Реферативный журнал. 2001. № 2. С. 318–321.

питания и рынок жилой недвижимости Читинской области. Учёных интересовала специфика хозяйствования в приграничном Забайкалье, особенности формирования забайкальской транспортной инфраструктуры, становления моногородской структуры городской экономики и возникновения кредитной кооперации сельской экономики Читинской области на рубеже XX–XXI вв.

История различных отраслей народного хозяйства Забайкалья привлекала внимание отечественных ученых. В 2004 г. вышли в свет работы В.И. Зуевой и Е.И. Крылова по истории забайкальского машиностроительного комплекса³¹. В 2005 г. Р.Е. Хаптаев выпустил работу по истории Забайкальской железной дороги, а в 2008 г. вышла в свет фундаментальная монография под редакцией В.Ю. Абрамовой по экономической истории всего транспортного комплекса Забайкалья³². Представляет особую значимость работа Р.Г. Семенова по истории автомобильного транспорта общего пользования Читинской области³³. Появились работы по современной истории лесной промышленности, перерабатывающего и минерально-сырьевого комплекса экономики Забайкалья. В 2000–2010-е гг. отечественных учёных привлекали вопросы истории формирования регионального рынка молочной продукции, организации подсобных хозяйств в сельских районах и проблемы сохранения овцеводческих ферм³⁴. Представляет интерес узконаправленное исследование по развитию оленеводства забайкальских эвенков в условиях рыночной экономики.

Переход к рыночным отношениям сказался на регионально-экономическом развитии всего Забайкалья. Отечественные ученые рассматривали последствия этих трансформационных изменений в эволюции народного хозяйства забайкальского приграничного региона³⁵. Вопросы истории жилищно-коммунального комплекса Читинской области в условиях рыночной экономики также нашли отражение в работах отечественных исследователей. Предпосылки, текущее состояние процесса газификации Забайкалья в современный период истории подробно разобрала Н.М. Сы-

³¹ Зуева В.И. Годы и судьбы: большая жизнь Читинского машиностроительного завода. Чита: Поиск, 2004. 198 с.; Крылов Е.И. Они были лучшими (из истории развития машиностроения Читинской области) // Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и права. 2004. № 3. С. 54–62.

³² Хаптаев Р.Е. Из истории Забайкальской железной дороги (по материалам Государственного архива Читинской области) // Архивные документы как источник формирования представлений об истории Отечества. 2005. С. 83–88; Абрамова В.Ю. Транспортный комплекс в экономике Забайкалья. Чита, 2008.

³³ Семенов Р.Г. История автомобильного транспорта общего пользования Читинской области, XX век. Чита, 2018.

³⁴ Вершинина В.А. Развитие овцеводства в Забайкалье – основа эффективного использования земельных ресурсов и возрождения сельской экономики // Аграрная Россия. 2017. № 10. С. 38–42.

³⁵ Леонов С.Н. Дальний Восток и Забайкалье в экономике России и Азиатско-Тихоокеанского региона: переоценка возможностей // Южно-российский журнал социальных наук. 2007. № 1. С. 47–54.

соева³⁶. Кроме того, отечественных исследователей привлекали вопросы организации туризма в забайкальском приграничном регионе в конце XX – начале XXI вв.

Анализ современной отечественной историографии регионально-демографической истории приграничного Забайкалья в конце XX – начале XXI вв. позволяет выделить ещё одну группу исследований, связанную с рассмотрением эволюции населения данных пограничных территорий. В условиях проведения рыночных реформ в 1990-е гг. особо остро встал вопрос об адаптации населения забайкальского приграничного региона к новым социально-экономическим вызовам. История демографической ситуации в Забайкалье постсоветской России стала предметом исследования различных отечественных ученых. Периферийность Читинской области в общей пространственной структуре Новой России оказывала влияние на бедность ее жителей, неразвитость социальной инфраструктуры. Демографическая ситуация в Забайкалье в конце XX в. характеризовалась недостаточностью численности населения и количества населённых пунктов, необходимых для развития приграничных территорий. В 1990-е гг. наблюдались изменения в социальной структуре населения Забайкалья. Многогранность регионально-демографической ситуации, сложившейся в забайкальском приграничье на рубеже XX–XXI вв. привлекала внимание отечественных учёных. Исследователи подробно разбирали структурную трансформацию рынка труда в Читинской области в условиях рыночных отношений. Особое внимание уделялось изменениям в составе рабочего класса и крестьянства в 1990-е гг., а также социальной мобильности забайкальских профессионалов, специалистов разных отраслей народного хозяйства. Процесс адаптации жителей Читинской области к рыночным преобразованиям детально разбирал Н.П. Назаров³⁷. Объектом исследования других учёных стали забайкальские семьи, проживавшие в районах, где преобладали горнодобывающие отрасли и сельское хозяйство. Проводился сравнительный анализ материального благополучия жителей Забайкалья в районах, расположенныхных близко к основным транспортным магистралям и находящимся в стороне от них. Отдельно анализировалось положение престарелых граждан, одиноких жителей Читинской области в условиях перехода к рыночным отношениям.

В 2000-е гг. отечественные исследователи уделяли пристальное внимание анализу результатов Всероссийской переписи населения 2002 г. применительно к Читинской области³⁸. Новые статистические данные поз-

³⁶ Сысоева Н.М. Газификация Забайкалья: проблемы и перспективы // ЭКО. 2022. № 6 (576). С. 134–144.

³⁷ Назаров Н.П. Об адаптированности населения Читинской области к социально-экономическим условиям в период рыночных реформ: социологическое исследование. Чита, 2000.

³⁸ Дибирдеев В.И. Всероссийская перепись населения 2002 года и новые тенденции демографического развития Читинской области. Чита, 2003. 62 с.; Дибирдеев В.И.

воляли проводить сравнительно-исторические исследования по динамике территориального размещения населения Забайкалья в конце XX в. и начале XXI в. В 2003 г. учёные начали характеризовать ситуацию в забайкальском приграничном регионе как «демографический кризис»³⁹. В этой связи проводились исследования по обеспечению демографической безопасности в Читинской области. Оценивался потенциал региональной демографической политики по борьбе с безработностью как главным средством в обеспечении социально-демографической стабильности в забайкальском приграничье. Отдельно разбиралась сложная демографическая ситуация в горнодобывающих районах Забайкалья. Появились узконаправленные исследования об эволюции эвенкийского населения в Тунгокоченском, Каларском и Тунгуро-Олекминском районах Читинской области на рубеже XX–XXI вв.⁴⁰ Заслуживают внимания исследования по изменениям продолжительности жизни населения в рассматриваемый период. При изучении демографического развития Забайкалья в 2000-е гг. отечественные учёные подробно разбирали эволюцию социального благополучия населения данного региона, а также оценивали качество жизни забайкальских жителей.

Комплексной характеристике в 2000-е гг. подвергся миграционный отток населения из Читинской области. Миграция из Забайкалья рассматривалась как главная угроза демографической безопасности в приграничных районах Читинской области. В 2010-е гг. появились научные работы учёных, в которых был представлен детальный анализ миграционных процессов в Забайкалье. Разбирались такие аспекты, как история трудовой, образовательной миграции, эволюция внутренней и внешней миграции, специфика использования иностранной рабочей силы в приграничном Забайкалье. А.А. Томских в своей работе подробно охарактеризовал такие ключевые проблемы забайкальского приграничного региона, как демографическая и кадровая⁴¹. По мнению учёного, стабилизация численности населения и привлечение высококвалифицированных кадров в Забайкалье позволит преодолеть социально-экономические трудности данного приграничного региона.

Одной из основных групп исследований по региональной истории забайкальского приграничного региона является группа, посвящённая анализу влияния приграничного положения на развитие рассматриваемой территории в конце XX – начале XXI вв. Большая часть работ отечественных

Тенденции демографического развития России и Читинской области: по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. Чита, 2005.

³⁹ Карасев К.И., Константинов М.В. Демографический кризис в Читинской области (Когда Россия потеряет Забайкалье) // Федерализм. 2003. № 4 (32). С. 109–124.

⁴⁰ Туголуков В.А. О положении эвенкийского населения в Тунгокоченском, Каларском и Тунгуро-Олекминском районах Читинской области // Этнологическая экспертиза. Народы Севера России. 2004. С. 342–368.

⁴¹ Томских А.А. Демография и кадры – ключевые проблемы Дальнего Востока и Забайкалья // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. № 7. С. 140–147.

учёных была посвящена воздействию соседства Забайкалья с Китайской Народной Республикой на развитие забайкальской региональной инфраструктуры. Отечественные учёные проявили повышенный интерес к проведению комплексного анализа влияния расширения российско-китайских отношений на региональное развитие Забайкалья. Определялась роль забайкальского региона в достижении геополитических интересов России, прослеживалась современная история Забайкалья через призму российско-китайских отношений, выявлялись противоречия в поддержании приграничного и межрегионального сотрудничества забайкальского региона с провинциями КНР. Особый интерес представляли исследования по региональной приграничной политике Читинской области, направленной на поддержание и расширение сотрудничества с Китаем. Использовались такие научные категории как «политика приграничного сотрудничества». Такие учёные как С.Н. Грибова, А.П. Тарасов, В.И. Широкова подробно разбирали процесс расширения межрегиональных внешнеэкономических связей Забайкалья с КНР на рубеже XX–XXI вв.⁴²

Если в 1990-е гг. отечественные учёные в основном анализировали внешнеэкономические связи Читинской области и КНР, то в 2000-е гг. аналитика приграничного положения забайкальского региона значительно расширилась. Ежегодно в первое десятилетие XXI в. выходили десятки научных статей, в которых с разных ракурсов определялись место и роль Забайкалья в расширении российско-китайского сотрудничества. Заслуживают внимания такие узконаправленные исследования М.С. Новиковой, как экологическое взаимодействие, сотрудничество в сфере сельскохозяйственного природопользования между забайкальским регионом и Автономным районом Внутренняя Монголия КНР⁴³. О.В. Стельмашенко в 2000-е гг. рассматривала приграничное сотрудничество Забайкалья и КНР в рамках обеспечения региональной безопасности России⁴⁴. О роли забай-

⁴² Тарасов А.П. Развитие внешнеэкономических связей Читинской области в 1997 году // Историко-экономический журнал. 1998. № 4. С. 23–30; Тарасов А.П. Очерк сравнительного анализа экономического развития сопредельных территорий России и Китая (на примере Читинской области и Внутренней Монголии) // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 2. С. 108–120; Грибова С.Н. Внешнеэкономическая деятельность как фактор развития приграничных регионов в условиях экономики переходного типа. Чита, 2003; Широкова В.И. Влияние внешнеэкономической деятельности на развитие экономики Забайкалья // Деньги и кредит. 2004. № 3. С. 55–59.

⁴³ Новикова М.С. Политико-географический анализ межгосударственного экологического взаимодействия России и Китая (на примере Юго-Восточного Забайкалья) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2007. № 3 (44). С. 142–145; Новикова М.С. Перспективы развития сельскохозяйственного природопользования и анализ экологических угроз в приграничном регионе в ходе российско-китайского сотрудничества (на примере Читинской области) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2007. № 5. С. 96–99.

⁴⁴ Стельмашенко О.В. Политико-правовая основа взаимодействия на межрегиональном уровне (на примере Читинской области и АРВМ) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2007. № 11. С. 186–190.

кальского региона в достижении национальных интересов РФ писала в своих работах А.П. Кузьминых⁴⁵. Отечественные учёные разбирали такие узконаправленные вопросы как, взаимодействие Забайкалья и Китая в сфере охотничье-промышленной продукции, теневые аспекты торговли леса с КНР на территории забайкальского региона⁴⁶.

Существенный вклад в анализ приграничного с КНР положения Забайкальского края внесла отечественный ученый С.Н. Грибова, которая в свои исследованиях рассматривала межрегиональное сотрудничество как основной фактор в развитии транспортно-логистической сферы Забайкалья⁴⁷. Также вызывают особый интерес работы Грибовой по торговле лесом между забайкальским регионом и КНР⁴⁸. В 2009 и 2015 гг. вышли в свет фундаментальные исследования Н.В. Гордеева, в которых была представлена история приграничных связей Забайкалья и КНР в разные периоды современной истории, включая время с 1991 по 2012 гг.⁴⁹ При анализе приграничного положения Забайкалья учёные подробно рассматривали историю формирования таких компонентов, как региональный брендинг и региональная культура. Группа отечественных учёных под руководством И.П. Глазыриной определили предпосылки развития российско-китайского инвестиционного сотрудничества на территории Забайкалья⁵⁰. В 2010-е гг. на первый план вышла тематика использования реки Аргунь в забайкальской пограничной зоне. Появились такие узконаправленные исследования как история деятельности китайских ОПГ на территории забайкальского региона. Проводилось сравнительно-историческое исследование договорных документов XVII, XX, XXI вв., регламентирующих изменение государственной российско-китайской границы по реке Аргунь.

Таким образом, анализ научных работ современных отечественных ученых позволил выделить различные направления в исследовании истории регионально-демографического развития приграничного забайкальско-

⁴⁵ Кузьминых А.П. Приграничное сотрудничество Читинской области через призму национальных интересов России // Вестник Читинского государственного университета. 2007. № 2 (43). С. 46–52.

⁴⁶ Гильфанова В.И. Экономический потенциал оленеводства эвенков Восточного Забайкалья в современных условиях рыночной экономики // Региональная политика России в современных социально-экономических условиях: географические аспекты. 2009. С. 59–60.

⁴⁷ Грибова С.Н., Кривошеев Д.С. Логистическая специализация региона как новая стратегия приграничных отношений // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 1. С. 81–89; Грибова С.Н. Приграничное сотрудничество как конкурентный ресурс региона // Известия Уральского государственного экономического университета. 2008. № 3 (22). С. 94–99.

⁴⁸ Грибова С.Н. Забайкалье и Китай в торговле лесом: новые подходы // Известия Байкальского государственного университета. 2008. № 5 (61). С. 87–92.

⁴⁹ Гордеев Н.В. Забайкалье – КНР. Приграничные и межрегиональные отношения, 1945–2007. Чита, , 2009; Гордеев Н.В. Забайкалье – КНР. Приграничные и межрегиональные отношения. 1945–2012. Чита, 2015.

⁵⁰ Глазырина И.П. Минерально-сырьевой комплекс в экономике Забайкалья: опасные иллюзии и имитация модернизации // ЭКО. 2011. № 1 (439). С. 19–35.

го региона в период с 1990 по 2010-е гг.: первая группа, касающаяся рассмотрения эволюции пространственно-территориальных преобразований; вторая группа, включающая исследования истории забайкальской региональной политики; третья группа, касающаяся анализа экономических аспектов пространственных преобразований; четвёртая группа, связанная с рассмотрением эволюции населения пограничных территорий; пятая группа, посвящённая анализу влияния приграничного положения на развитие рассматриваемых территорий. Подробное изучение сформировавшихся научных исследовательских направлений позволило определить специфику современной отечественной историографии регионально-демографического развития забайкальского приграничного региона на рубеже XX–XXI вв., связанную с комплексной оценкой исторических событий. Выявленные направления позволяют определить преимущественную научную проблематику, анализ которой имеет высокий практический потенциал при реализации стратегии регионального развития России по отношению к приграничным территориям в настоящее время.

Список литературы:

1. Богатов В.В. Современное состояние и тенденции экономического развития Читинской области. Чита: Забтранс, 1998. – 160 с.
2. Гордеев Н.В. Забайкалье – КНР. Приграничные и межрегиональные отношения. 1945–2012. Чита: Экспресс-издательство, 2015. – 359 с.
3. Граубин Г.Р. Звонок в историю. Чита: хроника, события, люди (1897–2001). Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2001. – 414 с.
4. Дибирдеев В.И. Тенденции демографического развития России и Читинской области: по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. Чита, 2005. – 211 с.
5. Семенов Р.Г. История автомобильного транспорта общего пользования Читинской области, XX век. Чита: Читинская городская типография, 2018. – 192 с.
6. Третьяков С.Г. Прокуратура Читинской области: история и современность. 70 лет. Чита: Экспресс-издательство, 2007. – 70 с.

Об авторе:

МАКЕЕВА Светлана Борисовна – доктор исторических наук, доцент, заведующий, Отдел исторической и региональной демографии, Институт социальной демографии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, (119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1), e-mail: msbmag9581@yandex.ru

History of Regional-Demographic Development of Border Transbaikalia in the Late XX – Late XXI Centuries: Contemporomary Domestic Historiography

S.B. Makeeva

Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences,
Institute of Social Demography, Moscow, Russia

This article is devoted to the consideration of the main theoretical provisions of domestic scientists on the regional-demographic history of the border Transbaikal region in the 1990s-2010s. In the course of applying comparative-historical and problem-chronological scientific methods, six groups of research areas were identified: the first group, concerning the consideration of the evolution of spatial-territorial transformations; the second group, including studies on the history of Transbaikal regional policy; the third group, concerning the analysis of the economic aspects of spatial transformations; the fourth group, associated with the consideration of the evolution of the population of border territories; the fifth group, devoted to the analysis of the influence of the border location on the development of the territories under consideration.

Keywords: regional history, border region, Transbaikalia, historiography, market relations, population, domestic scientists.

About the author:

MAKEEVA Svetlana Borisovna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Historical and Regional Demography, Institute of Social Demography, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences, (119333, Moscow, st. Fotieva, 6, bldg. 1), e-mail: msbmag9581@yandex.ru

References:

- Bogatov V.V., *Sovremennoe sostojanie i tendencii jekonomiceskogo razvitiya Chitinskoy oblasti*. Chita, 1998.
- Gordeev N.V., *Zabajkal'e – KNR. Prigranichnye i mezhregional'nye otnosheniya. 1945-2012*. Chita, 2015.
- Graubin G.R., *Zvonok v istoriju. Chita: hronika, sobytija, ljudi (1897–2001)*. Irkutsk, 2001.
- Dibirdeev V.I., *Tendencii demograficheskogo razvitiya Rossii i Chitinskoy oblasti: po itogam Vserossijskoj perepisi naselenija 2002 g.* Chita, 2005.
- Semenov R.G., *Istoriya avtomobil'nogo transporta obshhego pol'zovaniya Chitinskoy oblasti, XX vek*. Chita, 2018.
- Tret'jakov S.G., *Prokuratura Chitinskoy oblasti: istorija i sovremennost'. 70 let.* Chita, 2007.

Статья поступила в редакцию 15.06.2025 г.

Подписана в печать 27.11.2025 г

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(47):271.2”19”+093.3
DOI 10.26456/vthistory/2025.3.172–176

Размышления о книге: Туркевич Л., прот. Дневники и записные книжки периода Поместного Собора 1917–1918 гг.¹

Н.А. Козлов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

В статье рассматривается вышедший в 2024 г. под редакцией А.И. Мраморнова сборник дневников и записных книжек протоиерея Леонида Туркевича (митрополита Леонтия), относящихся ко времени проведения Поместного Собора Русской православной церкви 1917–1918 гг. Рецензент анализирует структуру и содержание опубликованных материалов, отмечает выполненную редакторскую работу, предлагает рекомендации по форме отображения текста источника для удобства исследователей. Делается вывод о значительном вкладе публикации А.И. Мраморнова и священника Е.А. Агеева в современную археографию истории Русской православной церкви в период революции.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Поместный Собор 1917–1918 гг., Леонид Туркевич, митрополит Леонтий, революция, Православная церковь в Америке, археография.

Археографические исследования нельзя назвать частым явлением в современной исторической науке. Это обусловлено прежде всего тем, что такая работа требует от историка по преимуществу не выработки ударных концепций и полемических выпадов в адрес оппонентов, а чрезвычайной усидчивости, кропотливости, аккуратности в прочтении источника, как следствие сформированности широчайшего кругозора, без которого все возможные несуразности источника рискуют начать жить своей жизнью, и вместо облегчения труда других исследователей невнимательный археограф может ввести их в заблуждение.

В незначительной степени в отечественной историографии на текущем этапе представлена церковная археография²; наконец, совсем мало работ, в которых жизнь церкви и духовенства представлена в неразрывной

¹ Научный руководитель: докт. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории Тверского госуниверситета Т.Г. Леонтьева.

² См., например: Башин Н.В., Устинова И.А., Шамина И.Н. Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: правовой статус и имущественное положение. М.; СПб., 2022.

связи с революционной эпохой³. Публикация дневников участника Поместного Собора 1917–1918 гг., российского и американского церковного деятеля, протоиерея Л. Туркевича (митрополита Леонтия) под редакцией А.И. Мраморнова – один из немногих современных трудов, претендующий как на полноту и скрупулезность археографических усилий, так и на изображение многогранной взаимосвязи истории Русской православной церкви и масштабных потрясений в России первой четверти ХХ в.

Книга делится на три части: вводную, с обращением американского митрополита Тихона, краткой биографической и источниковедческой справкой священника Е.А. Агеева и А.И. Мраморнова (с. 3–32); основную, в которой отражено содержание двух соборных дневников (I, II) и двух записных книжек (II, IV) Л. Туркевича (с. 3–372), и приложения с двумя ранее опубликованными (в юбилейном сборнике 1944 г. в память 150-летия Православной церкви в Америке) воспоминаниями самого Туркевича и прот. А.Г. Кукулевского, стихами преосвященного и проектом Положения об устройстве Американской епархии-миссии (с. 374–471). Текст источника перемежается тремя сегментами вклейок фотографий Л. Туркевича, членов его семьи, других соборян, разных мероприятий, памятных мест, страниц дневников и обложек прочитанных архиереем книг (всего 64 с. иллюстраций). В конце книга снабжена обширными авторскими комментариями, не вошедшими в постраничные примечания к основному тексту (с. 472–553), генеалогической таблицей священнического рода Туркевичей (с. 554), списком источников и литературы (с. 555–563), а также именным указателем (с. 564–579). Представленная структура хорошо отражает запросы исследователей при работе с указанным текстом, однако имеет свои нюансы, о чём пойдет речь далее.

Основной источник, на материалах которого построено исследование, – соборные дневники и записные книжки Л. Туркевича, – по желанию наследников помещён и хранится в его личном фонде (*Papers of Metropolitan Leontii*) библиотеки Американского конгресса (Washington, D. C., the Library of Congress) и поэтому труднодоступен и малоизвестен среди российских исследователям. Представленной работой А.И. Мраморнов и Е.А. Агеев, с одной стороны, открывают новую главу российско-американского научного сотрудничества, с другой – впервые вводят в научный оборот колossalный объём материала, относящегося к деятельности Собора 1917–1918 гг. и – шире – к жизни Русской православной церкви и духовенства в этот период.

Поскольку в описях библиотечного фонда (коробах – boxes) найдено всего четыре дела (папки – folders) с отложившимися записными книжками и соборными дневниками за интересующий автора период, а ещё минимум две записные книжки (I, III) утеряны, редактор дополняет основной текст

³ См., например: Леонтьева Т.Г. Православное духовенство предреволюционной поры // Персональная история православия: судьба церкви и верующих в новейшей истории России. Смоленск, 2021. С. 5–40.

материалами из опубликованных источников и фонда Поместного Собора 1917–1918 гг., хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 316, 337, 472), а также богатым иллюстративным рядом. Тем самым автор достигает цели большей связности текста и работает на его живое восприятие в контексте эпохи и личности Л. Туркевича.

А.И. Мраморнов строит текст по строго хронологическому принципу, подчиняет ему весь материал, подчёркивая специфику источника как своего рода хроники Собора и революции. Этот подход имеет очевидное преимущество в том случае, если исследователь стремится изучить источник как единое целое в его наиболее аутентичной форме. Однако обширность представленных в дневниках и записках данных, затрагивающих самые разнообразные стороны жизни русского православия – от определения роли мирян, клириков и архиереев при восстановленном патриаршестве до проблем миссионерской деятельности, от обсуждения политической позиции духовенства в условиях Октябрьской революции и до бытовых вопросов – позволяет усомниться в однозначности избранных автором принципов, если работающего с источником интересует один конкретный сюжет.

К примеру, в записках Туркевича неоднократно фигурирует обсуждение экономических вопросов. Материальное положение церкви, хозяйственная деятельность духовенства и его адаптация к новым рыночным условиям сами по себе являются крупнейшей и, к сожалению, наименее изученной проблемой применительно к данному периоду (и шире – всему времени от екатерининской секуляризации до большевистской). Внимательный читатель может обнаружить среди репетативных записей о соборных слушаниях одного и того же вопроса конкретные суммы материального обеспечения миссий и штатных должностей, капиталы епархий и оформленные церковью кредитные обязательства (с. 136–139, 146–147, 164–168, 220–222). Эти сведения – зачастую уникальные – хаотично разбросаны по запискам, что в полной мере соответствует их духу, однако не всегда удобно для исследователя.

Решение этой проблемы имеет несколько составляющих, каждая из которых может быть применена и в отдельности. Кажется обоснованным, во-первых, осуществить полное разделение личных дневниковых записей Л. Туркевича и рукописей, относящихся к деятельности Собора. Во-вторых, текст последних при данной археографической работе может быть структурирован по проблемам и вопросам (например, «выборы патриарха», «внутренние миссии», «отношение к большевикам» и т. п.). Наконец, при затруднительности первых двух шагов или в добавление к ним текст может быть снабжён глоссарием: текущий перечень затрагивает только имена собственные; контент-анализ позволил бы вычленить специфические термины и характерные сочетания («миссионерство», «большевики», «юнкера», «проценты», «банки», «кредит» и др.). Всё это оказалось бы благотворное влияние на издание и только подчеркнуло бы проведённую автором внушительную работу.

Следует отметить аккуратный подход редактора к прочтению дневников Туркевича. Некоторые иллюстрации, на которых запечатлены отдельные страницы текста (с. XXXIII–LXI), показывают степень его качества и сохранности, от понятного с первого взгляда до едва различимого. Автор пишет то чернилами, то карандашом, иногда заходя одними словами на другие, нередко использует сокращения, делает произвольные пропуски, ошибки, а в отдельных соборных записях – переходит со скорописи на стенографию. В этих обстоятельствах А.И. Мраморнов проявляет себя как специалист в области палеографии, грамотно определяет контекст, восполняет пропуски, корректирует ошибочные инициалы и фамилии, даёт собственные развернутые комментарии. Однако редактор остается честен с читателем: нередко в примечаниях встречаются формулировки «неуверенное прочтение», «так в тексте» и пр.; наконец, редактор не боится оставлять лакуны вместо их произвольного заполнения, а своеобразная стенография Туркевича, по признанию А.И. Мраморнова, пока не была им расшифрована. Все эти детали в совокупности с отображением в тексте мельчайшей редактуры (скобки, нумерация, исправления, перечеркивания) свидетельствуют в пользу качества этого издания, добавляют ему авторитет.

Особый интерес для исследователей может иметь вынесенная в отдельный раздел (очень грамотное решение) лирика Туркевича. С точки зрения поэтики стихи преосвящённого не представляют собой какого-то значительного вклада в сокровищницу русской литературы⁴: их сюжеты просты, рифмы – безыскусны, слова – пафосны. Однако настроение этих стихов великолепно передает атмосферу эпохи, окончательный слом старого уклада и неготовность целых сословных групп смириться с этим. В этой связи А.И. Мраморнов публикацией этой книги вводит новый источник в оборот не только исследователей церкви, но и историков русской культуры.

Таким образом, рецензируемое издание, несмотря на ряд дискуссионных решений редакционного характера, по качеству проведенной археографической работы и обогащению источников базы отечественной историографии церкви не имеет себе равных среди ближайших по времени трудов схожей тематики. Представляется важным обозначить редактору А.И. Мраморнову ощущимую потребность российской исторической науки в продолжении подобных изысканий, дальнейшем совершенствовании методического инструментария автора и, возможно, в выходе нового издания с учётом высказанных замечаний.

Об авторе:

КОЗЛОВ Никита Андреевич – аспирант, ассистент, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31, каб. 207), e-mail: Kozlov.NA@tversu.ru

⁴ Ср.: Русская поэзия серебряного века. 1890–1917. Антология / под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1993.

Reflections on the book: Turkevich L., Archpriest. Diaries and notebooks from the period of the Local Council of 1917–1918.

N. A. Kozlov

Tver State University, Tver, Russia

The review examines a collection of diaries and notebooks of Archpriest Leonid Turkevich (Metropolitan Leonty), edited by A.I. Mramornov and published in 2024, relating to the time of the Local Council of the Russian Orthodox Church of 1917–1918. The reviewer analyzes the structure and content of the published materials, notes the editorial work. It gives recommendations on the form of displaying the text of the source for the convenience of researchers. The review concludes about the significant contribution of A.I. Mramornov's work to the modern archeography of the history of the church during the revolution.

Keywords: *Russian Orthodox Church, Local Council of 1917–1918, Leonid Turkevich, Metropolitan Leonty, revolution, Orthodox Church in America, archeography.*

About the author:

KOZLOV Nikita Andreevich – Postgraduate Student, Assistant of the Department of National History, Tver State University (Russia, 170100, Tver, ul. Trekhsvyatskaya, 16/31, room 207), e-mail: Kozlov.NA@tversu.ru

Статья поступила в редакцию 17.06.2025 г.

Подписана в печать 27.11.2025 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(470.25)"18/19"+474-054.72
DOI 10.26456/vthistory/2025.3.177–182

Памятные книжки второй половины XIX – начала XX вв. как исторический источник по изучению прибалтийских переселенцев в Псковской губернии¹

Е.В. Левин

ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»,
г. Псков, Россия

В статье проводится анализ памятных книжек как источников по изучению прибалтийских переселенцев в Псковской губернии второй половины XIX – начала XX вв. Анализ включает в себя следующие составляющие. Методологический обзор составления источников. Также представлена степень разработки вопросов о причинах переселения из Остзейских губерний прибалтов, этапов миграции, духовной и образовательной сферы деятельности переселенцев в Псковском крае, социально-политической и экономической составляющих эстонцев, латышей и немцев в Псковской губернии. Памятные книжки включают в себя несколько частей. В работе использован в качестве анализа статистический отдел. Констатируется, что духовная жизнь прибалтов на Псковской земле раскрыта в памятных книжках шире, нежели остальные стороны жизнедеятельности

Ключевые слова: Памятная книжка, Псковская губерния, прибалтийские переселенцы, источник, эстонцы, латыши, немцы, Остзейские губернии, уезд.

Псковская земля являлась приграничным регионом. Издавна здесь присутствовали или проживали выходцы из Прибалтики. Со второй половины XIX в. началось активное заселение края остзейцами. Отдельные характеристики данного процесса отражены в памятных книжках Псковской губернии второй половины XIX – начала XX вв. Однако научный потенциал данных источников раскрыт недостаточно. Настоящая публикация частично восполняет этот пробел.

Задача данной работы – представить анализ памятных книжек, как источника информации о жизнедеятельности прибалтийских переселенцев

¹ Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Псковского государственного университета Н.П. Никитина.

в Псковской губернии. Под прибалтийскими переселенцами имеются в виду латыши, немцы и эстонцы.

Методика составления памятных книжек в отдельных областях и губерниях Российской империи отражена в трудах Е. Викторовой², Н.М. Балацкой³. Они рассматривали эти издания как справочно-библиографические источники. Учёных интересовали следующие вопросы: информационная база источников, их авторство и содержание.

Памятные книжки составлялись при Псковском статистическом комитете с 1850 по 1913 г. Только на 1905–1906 гг. памятная книжка издана типографией губернского правления. За всё время выпуска у памятных книжек несколько раз менялись их редакторы. Всего известны 44 годовых выпуска памятных книжек. Ссылок памятные книжки почти не содержали. Цель памятных книжек – сбор, обработка статистических сведений для административных целей, а также публикация материалов и статей, которые могли бы служить источником для разностороннего изучения губернии в свете новых задач, поставленных общественностью⁴. В памятных книжках публиковались исследования представителей местной общественности.

Памятные книжки, как правило, состояли из нескольких разделов: адрес-календарь, справочный отдел, статистический отдел, литературно-научный отдел и алфавитный указатель упомянутых лиц, по мере необходимости помещались сведения об опечатках. В памятных книжках могли публиковать информацию, описывавшую разные стороны жизни: агрономическую, сферу образования и т. д. Для поиска статистических данных различных губерний командировали секретарей комитетов и действительных членов в разные места соответствующих регионов. Информационной базой для составления памятных книжек могли послужить архивные материалы, известия, доставленные полицейскими управлениями. Уже в первых памятных книжках стали публиковать материалы научных исследований. Так, можно отметить статью «Статистическое обозрение Псковской губернии» А.М. Петрова. Как отмечал С.В. Кохомский в 1876 г., оценивая результаты деятельности государственного статистического комитета за последние семь лет, «она (памятная книжка. – Е.Л.) начинает наполняться сведениями научно-статистического характера и мало-помалу переходит в учёное издание, с полным правом на внимание не одного только псковича, но всякого образованного человека в России»⁵.

С декабря 1863 г. члены губернской статистической комиссии приняли решение «памятную книжку издавать выпусками в двух частях: адрес-календарь и справочные сведения печатать отдельно и в начале года, а ста-

² Викторова Е. Памятные книжки как справочно-библиографический источник // Труды Государственной публичной библиотеки. 1957. Т. 3. С. 143–160.

³ Памятные книжки губерний и областей Российской империи: Т. 2. Северо-Запад (Новгородская, Псковская и Санкт-Петербургская губернии) / Сост. В.В. Антонова, Н.М. Балацкая. СПб. 2002.

⁴ Викторова Е. Указ. соч. С. 145.

⁵ Памятные книжки губерний и областей Российской империи: Т. 2. С. 515–516.

тистические сведения, по мере их накопления, печатать приложениями под именем трудов Псковского губернского статистического комитета»⁶. Памятные книжки 1870-х гг. готовились, как правило, «по образцу предыдущей». В результате работы губернской статистической комиссии середины 1880-х гг. была разработана новая программа по содержанию. Она «включала адрес-календарь, обширный справочный отдел и статистический – со сведениями, разработанными для отчётов – всеподданнейшего и в центральный статистический комитет, преимущественно в абсолютных цифрах и в особенности сведениями, пригодными для земской статистики»⁷. Особенно важным представляется этнографический обзор, составленный А.Д. Соловьевниковым. Он размещён в «Памятной книжке Псковской губернии на 1893 г.»⁸.

«Памятная книжка Псковской губернии на 1858 г.» содержала ссылку на этнографическую карту Кёппена 1853 г. выпуска⁹. На исследование, но уже другого автора, была ссылка в «Памятной книжке на 1864 г.»¹⁰. В «Памятной книжке на 1858 г.» содержалось пояснение, что все данные о движении населения «заимствованы из подлинных метрических книг духовной консистории», сведения о наличном населении были получены через местные начальства¹¹. При исследовании статистического отдела в «Памятной книжке на 1861 г.» была найдена пометка, что «от с. петербургского комитета духовной цензуры печатать разрешается»¹². «Памятная книжка на 1863 г.» содержала указание, что вводился новый порядок подсчёта численности жителей по городам «по которому показаны только наличные жители; выбывших же по паспортам и билетам в другие места не показано, как это делалось в предыдущие годы»¹³. Конечно, в памятных книжках ссылались и на однодневные переписи, причём в книжках, что были составлены уже много после составления переписи¹⁴. Для составления показателей родившихся и умерших могли пользоваться данными отчётов полиции и священников. «Памятная книжка Псковской губернии на 1889 г.» при предоставлении данных об учебных заведениях и числе учащихся лютеран в них ссыпалась на сведения статистического комитета и отчёт директора народных училищ¹⁵.

Памятные книжки содержат информацию преимущественно о лютеранском населении городов и уездов Псковской губернии. Здесь можно встретить данные о численности лютеран в крае по годам, о родившихся,

⁶ Памятные книжки губерний и областей Российской империи: Т. 2. С. 513.

⁷ Там же. С. 515.

⁸ Там же. С. 605.

⁹ Памятная книжка Псковской губернии на 1858 г. Отд. II. Псков, 1858. С. 41.

¹⁰ Памятная книжка Псковской губернии на 1864 г. Отд. II. Псков, 1864. С. 5.

¹¹ Памятная книжка Псковской губернии на 1858 г. Отд. II. Псков. 1858. С. 6, 27.

¹² Памятная книжка Псковской губернии на 1861 г. Отд. II. Псков. 1861. С. 1.

¹³ Памятная книжка Псковской губернии на 1863 г. Отд. II. Псков. 1863. С. 12.

¹⁴ Памятная книжка Псковской губернии на 1874 г. Отд. II. Псков. 1874. С. 39.

¹⁵ Памятная книжка Псковской губернии на 1889 г. Отд. II. Псков. 1889. С. 43–44.

умерших и браком сочетавшихся среди них по губернии, об учебных заведениях, где учились лютеране, о богослужебных сооружениях и протестантском духовенстве на Псковской земле. Впервые о численности прибалтийских переселенцах, переселившихся в Псковскую губернию, говорилось в издании за 1858 год, но по состоянию на 1853 г.¹⁶

В памятных книжках начала 1860-х гг. приводились также данные о числе родившихся и умерших, бракосочетавшихся в протестантской вере. Возрастную характеристику протестантского (лютеранского) населения в городах и уездах Псковской губернии приводила «Памятная книжка на 1861 г.»¹⁷. Начиная с «Памятной книжки на 1874 г.» и продолжая по памятные книжки начала 1890-х гг., мы видим, что в источниках шёл подсчёт прироста лютеранского населения в губернии за определённое десятилетие¹⁸.

Особенно ценна «Памятная книжка Псковской губернии на 1893 г.», где представлены причины переселения эстонцев и латышей в Псковскую губернию, экономическое обустройство переселенцев на новых территориях, указаны сведения о грамотности эстонцев и латышей, численности и характеристике их хозяйств. Данная информация приводилась, в том числе, по волостям губернии. Здесь же содержался этнографический обзор, посвящённый переселенцам эстам и латышам в Псковской губернии, указывались экономические причины переселения из Остзейских губерний, приводились схемы крестьянских выплат с хутора и арендаторских соглашениях в Прибалтике, ценах на землю. Как причина переселения значился еще и антагонизм православного и лютеранского населения. Приводились данные о количестве безземельных крестьян в Остзейских провинциях и первых переселенцах из Валкского уезда¹⁹.

В этом же издании давалась информация о религиозной составляющей прибалтов всей Псковской земли. Важно то, что это единственная книжка, которая предоставляла информацию нам не просто о лютеранах, но конкретно об эстах и латышах по каждой волости. Относительно уезда рассказывалось о численности прибалтийских семей в них, в том числе и детей²⁰.

В памятных книжках Псковской губернии начала XX в. составители привели численность лютеран в процентах по губернии, также отметили существование лютеранского кладбища на Запсковье²¹.

Вопросы об основных этапах переселения прибалтийских мигрантов, их расселении на территории Псковской губернии и религиозной сфере жизнедеятельности мигрантов во многом схожи. Отсюда одна и та же информация может служить ответом на несколько вопросов. Стоит выделить памятные книжки как источник, который содержит самый большой пласт данных в плане численных показателей. И это по преимуществу за каждый

¹⁶ Памятная книжка Псковской губернии на 1858 г. С. 29.

¹⁷ Памятная книжка Псковской губернии на 1861 г. Отд. II. Псков. 1861. С. 66–71.

¹⁸ Памятная книжка Псковской губернии на 1874 г. Отд. II. Псков. 1874. С. 54.

¹⁹ Памятная книжка Псковской губернии на 1893 г. Отд. II. Псков. 1893. С. 82.

²⁰ Памятная книжка Псковской губернии на 1893 г. Отд. II. Псков. 1893.

²¹ Памятная книжка Псковской губернии на 1905 г. Отд. II. Псков. 1905. С. 14, 39.

год исследуемого отрезка времени. Особенно отметим, что в указанных периодических изданиях во многом уделялось внимание протестантской (лютеранской) составляющей переселенцев. Только в некоторых книжках рассказывалось о национальной принадлежности мигрантов. И речь шла больше об эстонцах и латышах. Подчеркнём, что эти две народности чаще всего представлены в источниках. При указании расселения латышей и эстонцев составители во многом ориентировались на уезды Псковского края, но без указания волостей.

Образовательную сферу жизнедеятельности прибалтов на Псковской земле в той или иной мере обрисовывают памятных книжках на 1869, 1889, 1893, 1895 и 1899 гг. На втором месте в плане информативности об этой составляющей жизнедеятельности переселенцев была «Памятная книжка Псковской губернии на 1886 г.». К примеру, сообщается, что «к 1863 г. в губернии имелось 1 евангелическо-лютеранско учебное заведение, в котором учатся 28 м. и 15 дев.»²². В «Памятной книжке Псковской губернии на 1886 г.» показан показатель грамотности лютеран и православных среди эстонцев и латышей²³. «Памятная книжка Псковской губернии на 1893 г.» содержала численность грамотных эстонцев и латышей, проживавших в разных волостях губернии.

В «Памятной книжке на 1905 г.» приводились сведения о расположении в Пскове латышского собрания и их же ссудо-сберегательного общества. Речь шла и об открытии эстонского общественного собрания «Койт»²⁴.

В памятных книжках Псковской губернии можно было встретить также упоминания о немцах, занимавших какие-либо гражданские посты, например, в школах. В «Памятной книжке Псковской губернии на 1886 г.» приводилась численность работников прибалтов на землях по уездам губернии²⁵. Так, по состоянию на 1893 г., давалась характеристика и численность прибалтийских держателей земли, экономического положения переселенцев и их влияние на местное население в сельскохозяйственном плане. Наряду с указанием количества собственнических, арендаторских и надельных десятин к началу 1890-х гг. сообщалось о поголовье скота. Источник интересен и тем, что приводил количество хозяйств эстонцев и латышей по всем волостям Псковской губернии²⁶.

Таким образом, информация об экономической сфере деятельности переселенцев в Псковской губернии в большинстве посвящена была рассказу о сельскохозяйственных занятиях эстонцев и латышей. Немцы знались, как более грамотные и они чувствовали себя увереннее в неземельских профессиях.

Можно констатировать, что памятные книжки являются важным источником по истории прибалтийских переселенцев в Псковской губернии

²² Памятная книжка Псковской губернии на 1864 г. Отд. II. Псков. 1864. С. 44.

²³ Памятная книжка Псковской губернии на 1886 г. Отд. II. Псков. 1886. С. 37.

²⁴ Памятная книжка Псковской губернии на 1905 г. Отд. II. Псков. 1905. С. 137.

²⁵ Памятная книжка Псковской губернии на 1886 г. Отд. II. Псков. 1886. С. 37.

²⁶ Памятная книжка Псковской губернии на 1893 г. Отд. II. Псков. 1893. С. 82–97.

второй половины XIX – начала XX вв. Из них исследователь может черпать большой массив статистической информации, а также о духовной сфере жизнедеятельности переселенцев.

Список литературы:

1. Викторова Е. Памятные книжки как справочно-библиографический источник // Труды Государственной публичной библиотеки. Л., 1957. Т. 3. С. 143–160.

Об авторе:

ЛЕВИН Евгений Валерьевич – аспирант, Псковский государственный университет, (180000, Псков, ул. Ленина, д. 2), e-mail: levin6673@yandex.ru

Pamyatnye knizhki from the first half of the 19th – early 20th centuries as a historical source for studying Baltic settlers in the Pskov province

E.V. Levin

Pskov State University, *Pskov, Russia*

The article analyzes the commemorative books as sources for the study of the Baltic settlers in the Pskov province of the second half of the XIX - early XX centuries. The analysis includes the following components. Methodological review of the compilation of sources. The degree of development of questions about the causes of resettlement from the Baltic provinces of the Baltic States, the stages of migration, the spiritual and educational spheres of activity of immigrants in the Pskov region, the socio-political and economic components of Estonians, Latvians and Germans in the Pskov province is also presented. The memorabilia includes several parts. The statistical department was used as an analysis in the work. It is stated that the spiritual life of the Balts in the Pskov land is revealed in the commemorative books more widely than other aspects of life.

Keywords: Commemorative book, Pskov province, Baltic settlers, source, Estonians, Latvians, Germans, Ostsee provinces, county.

About the author:

LEVIN Evgeny Valeryevich – the Postgraduate Student, Pskov State University, (180000, Pskov, Lenin str., 2), e-mail: levin6673@yandex.ru

References:

Viktorova E., *Pamyatnye knizhki kak spravochno-bibliograficheskij istoricheskij*, Trudy Gosudarstvennoj publichnoj biblioteki, L., 1957, T. 3, S. 143–160.

Статья поступила в редакцию 15.06.2025 г.

Подписана в печать 27.11.2025 г

СООБЩЕНИЯ

УДК 93/94

DOI 10.26456/vthistory/2025.3.183–191

Интеллектуальная история К. Скиннера: проблемы политической мысли раннего Нового времени

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

В данном сообщении раскрывается подход К. Скиннера к интерпретации мысли раннего Нового времени. Контекстуализм Скиннера выражается в представлении, что тексты могут быть правильно поняты и истолкованы только при помещении их в соответствующий лингвистический контекст. Указывается, что интерес Скиннера к прочтениям текстов в границах политической теории был обусловлен верой в необходимость исторической точности в различных работах по политической теории. Рассматривается интерпретация основных концептов в мысли Макиавелли, предложенная Скиннером.

Ключевые слова: интеллектуальная история, контекстуализм, политическая теория, речевой акт, свобода, *virtu*.

В настоящее время большинство представителей интеллектуальной истории отмечают, что их первостепенной задачей является понимание не столько идей вообще, а политических идей в частности, что приводит к изменению направленностью практики – они истолковывают интеллектуальную историю как дисциплину, в первую очередь, связанную с политическими идеями и идеологиями. К. Скиннер является одной из самых важных фигур в интеллектуальной истории и Кембриджской школе политической мысли. Автор большого количества эссе по методологии интеллектуальной истории и ранней современной (в основном английской) политической теории, Скиннер наиболее известен как сторонник контекстуалистского подхода. Его интеллектуальная история не содержит в себе кантианской критики, демонстрации условий возможности политической деятельности. Скорее наоборот, это критика в стиле М. Фуко, которая вопрошает: «Какое место занимает единичное, случайное и продукт произвольных ограничений в том, что дано нам как всеобщее, необходимое, обязательное?»¹

К. Скиннер заинтересован в изучении современного ограниченного диапазона понятий, используемых для повествования о политических про-

¹ Edling M., Mörkenstam U. Quentin Skinner: From Historian of Ideas to Political Scientist // Scandinavian Political Studies. 1995. Vol. 18. № 2. P. 119–132.

блемах: «Я заинтересовался идеей обогащения нашего словарного запаса отсылками к прошлому... Мы склонны думать о свободе как о предикате действий, утверждая, что люди свободны, если они не ограничены в осуществлении своих полномочий. Но почти никто не размышлял в этих терминах до эпохи Просвещения»².

Общая направленность работ Скиннера определяется позицией Л. Витгенштейна, согласно которому язык представляет собой интерсубъективно разделяемое множество инструментов, применяемое для различных целей, а некоторые его элементы открыты для субъективной критики, модификации и изменения. Разделяя позицию, озвученную в «Философских исследованиях» – слова есть также действия, Скиннер объединяет общую лингвистическую прагматику Витгенштейна с теорией речевых актов, разработанной Дж.Л. Остином. Его внимание привлекла следующая позиция: понимание утверждений предполагает схватывание не только значения данного высказывания, но также и предполагаемой иллокуттивной силы³. Чтобы проиллюстрировать уточнения Остина, внесенные в предложенный Витгенштейном анализ, Скиннер предлагает следующий пример. Полицейский видит на пруду фигуриста и говорит: «Там очень тонкий лед». Полицейский произносит что-то, и эти слова что-то значат. Чтобы понять происходящее, с одной стороны, нужно знать значение слов. Но, с другой стороны, также необходимо знать, «что полицейский делал при помощи того, что он сказал». Например, полицейский мог предупреждать фигуриста, и в этом случае высказывание могло быть произнесено с иллокуттивной силой предупреждения. При этом он мог спровоцировать некоторые (перлокуттивные) последствия своих слов, например, возможно ему удалось убедить, напугать или просто развлечь фигуриста. «Как всегда подчеркивал Остин, говорить с определенной иллокуттивной силой – это обычно совершать действие определенного рода, совершить определенный акт, осуществить намеренное и осознанное действие»⁴. Иллокуттивное измерение языка и осуществление иллокуттивных актов связаны между собой намерениями действующего субъекта. Для Скиннера намерения выражаются в публичной сфере, являясь заданными в пространстве социальных значений: «какие бы намерения не были у данного автора, они должны быть конвенциональными намерениями в том смысле, что они должны быть узнаваемы как намерения отстаивать какую-то конкретную позицию в обсуждении какой-либо темы или вопроса»⁵. Соответствующая методология истории идей должна определить весь спектр сообщений, которые

² Ideas in Context: Conversation with Quentin Skinner // The University of Chicago. 2016. P. 119–127.

³ Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. Vol. 8. № 1. P. 3–53.

⁴ Skinner Q. A Reply to My Critics // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Princeton, 1988. P. 275.

⁵ Skinner Q. Motives, Intentions, and the Interpretation of Texts // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Cambridge, 1988. P. 393–408.

могли бы быть конвенционально осуществлены посредством произнесения данного высказывания, и, затем, проследить отношения между данным высказыванием и более широким языковым контекстом, для того, чтобы декодировать фактический замысел автора.

Другим закономерным методологическим вопросом, занимающим центральное место в интеллектуальной истории Скиннера, является проблема контекста. Он выделял несколько возможных контекстов: исторический, социокультурный, но основополагающим для него является лингвистический. Исторический контекст необходим, чтобы реконструировать, определить и понять какой-то значимый элемент, содержащийся в нем, что, по сути, подразумевает толкование в границах герменевтического круга, при рассмотрении текста как ответа на вопрос, а контекста как источника вопросов⁶. Лингвистический контекст, в свою очередь, позволяет увидеть, каким образом человек «захвачен» собственным специфическим языковым контекстом, и понять, что концепции не являются самоочевидными интерпретациями реальности⁷. Он состоит из унаследованной культуры и традиций политического мышления, преобладающих в данном обществе, стало быть автор действует только в рамках словарей (или же идеологий), устанавливаемых специфическим языковым контекстом⁸.

Интерес Скиннера к прочтению прошлых текстов в границах политической теории был обусловлен верой в необходимость исторической точности в различным работах по политической теории. Он использует слово «исторический» как дескриптивно-нормативный критерий оценки любой политической теории. «Исторический» подразумевает, что использование и значение языка в обществе определяются и узакониваются сетью конвенций и языковых практик. Это приводит Скиннера к рассмотрению политических концептов как инструментов иллюкутивной речи. Отсюда необходимость связывать понятия с практикой, институтами, традициями и идеологиями⁹.

Хотя Скиннер начинал как сторонник более исторически ориентированного подхода к изучению моральной и политической мысли, со временем он все больше и больше опирался на свои личные политические предпочтения, хотя заявленный методологический подход Скиннера – контекстуализм, никогда не менялся, что подчеркивалось даже самым активным критиком Скиннера Р. Ламбом¹⁰. Вместе с тем, следует отметить следующий факт. Скиннер, который в 1969 г. так энергично доказывал, что не су-

⁶ Lamb R. Quentin Skinner's Revised Historical Contextualism: a Critique // History of the Human Sciences. 2009. № 22.

⁷ Bevir M. The Role of Contexts in Understanding and Explanation // Human Studies. 2000. № 23. P. 395–411.

⁸ Skinner Q. Motives, Intentions, and the Interpretation of Texts // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Cambridge, 1988. P. 393–408.

⁹ Kuschel G.B. Skinner's Methodology: A Weapon against Liberalism // Res publica (Madrid). 2018. № 21 (1). P. 109–122.

¹⁰ Lamb R. Op. cit.

ществует вопросов о «постоянной «актуальности», «вечных проблемах» и «универсальных истинах» и что «классические тексты не могут касаться наших вопросов и ответов, а только своих собственных», уже в 80-е гг. стал говорить об изучении мысли как способе решения наших собственных проблем, и для него идеалом мысли будут выступать традиция республиканизма¹¹. Как продемонстрировал Буше, Скиннер прямо признает, что в классических текстах можно найти вечные вопросы и вневременные элементы, например, говоря, что Макиавелли посвятил себя «точно тому же кругу тем (сохранение политической свободы и опасности для свободы)», что и писатели, жившие за несколько столетий до него¹².

Большое внимание Скиннер уделяет ценностям республиканизма, поэтому одним из мыслителей, постоянно привлекавших его внимание, был флорентинец Никколо Макиавелли. Интерпретация Скиннера, согласно которой Макиавелли – настоящий, «истинный» республиканец, главным идеалом и ключевой ценностью которого является свобода, преобладает в современной англоязычной традиции. Следует отметить, что скрытое «прореспубликанское» прочтение Макиавелли возможно обнаружить уже в «Значении и понимании в истории идей», а на страницах «Истоков современной политической мысли» Макиавелли трактуется именно с позиций республиканизма. Именно Макиавелли является для Скиннера основным примером правильного республиканского понимания свободы, которое совпадает с собственным политическим идеалом Скиннера.

Основной тезис Скиннера звучит следующим образом: хотя Макиавелли рассматривает в «Рассуждении» очень многое, важнейшим его намерением является рассмотреть возврзение на *libertas*, стоящее в центре римской республиканской политической мысли, но затем стертное в силу различных пониманий этой идеи в Средние века. Для Макиавелли политическая свобода – это свобода вооруженного гражданина, всегда готового сокрушить своих соседей, и он никоим образом не «принимает господствующее мнение о том, что необходимо изучать реальную конституционную практику, если мы хотим узнать секрет сочетания свободы и мира»¹³, как выразился Скиннер. Он представляет Макиавелли теоретиком негативной свободы. Подобная трактовка является достаточно спорной. К примеру, Покок утверждает, что в работах Макиавелли можно обнаружить несколько концепций свободы: «древнюю» и «современную», «республиканскую» и «клиберальную», «позитивную» и «негативную» свободу. Более того, сам Скиннер в «Истоках современной политической мысли»¹⁴ не обнаружил «негативных» аспектов взгляда Макиавелли на свободу. Однако в 1980-е

¹¹ Lamb R. Op. cit.

¹² Asard E. Quentin Skinner and His Critics: Some Notes on a Methodological Debate // *Statsvetenskaplig Tidskrift*. 1987. № 2. P. 101–116.

¹³ Skinner Q. On Justice, the Common Good and the Priority of Liberty // Dimensions of Radical Democracy. Pluralism, Citizenship, Community. L., 2008. P. 183–205.

¹⁴ Скиннер К. Истоки современной политической мысли: М., 2018. Т. 1: Эпоха Ренессанса.

годы Скиннер в границах переосмыслиния республиканизма как теории негативной свободы, выделяет Макиавелли как его главного сторонника.

Негативное определение свободы, являющейся средством обеспечения *virtu* по Скиннеру, появляется у Макиавелли в первой главе «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия». Существуют два типа граждан: *grandi* и *popolo*. Обе группы, по словам Скиннера, «одинаково стремятся быть свободными в том смысле, что им не препятствуют в достижении определенных целей, которые они решают поставить перед собой»¹⁵. Кроме того, Макиавелли утверждал, что подобная свобода возможна только в условиях республики. Но он также указывал, что Рим «жил свободно при своих первых царях»¹⁶. Во что же тогда он верил? Считал ли он, что свобода и монархия несовместимы? Историки, в оценке Скиннера, как правило склонны отвечать, что Макиавелли совершил ошибку. Тем не менее, при исследовании всего спектра контекстов, в которых встречается термин «республика», возможно обнаружить, что Макиавелли использовал его для обозначения любой формы правления, при которой законы способствуют общему благу. Отсюда следует, что для Макиавелли вопрос о том, может ли монархия быть республикой, является не пустым парадоксом, каким он является сейчас, а относится к сфере государственного управления. Основной вопрос республики будет звучать следующим образом – возможно ли рассчитывать на то, что правители примут только такие законы, которые послужат общему благу¹⁷. Это позволяет осуществить альтернативное прочтение: Макиавелли говорит, что при Ромуле и его преемниках законы Рима служили общему благу, а правительство, хотя и монархическое по форме, было примером республики, что разрешает противоречие.

Другой концепцией Макиавелли является *virtu*. В стремлениях перевести термин англоязычные историки обычно начинали с наблюдения, что в трудах Макиавелли храбрых и благоразумных людей часто называют *virtuosi*. Это приводит к выводу, что Макиавелли «иногда использует *virtu* в традиционном христианском смысле». Но Макиавелли также называет обладающими *virtu* ряд талантливых, но порочных лидеров. В этой связи можно предположить, что данный термин имеет «другое значение», обозначающее навыки или способности в политических или военных делах. Однако по мере обнаружения новых аномальных значений комментаторы обычно приходили к выводу, что этот термин вообще не имеет определенного значения¹⁸.

Как видно из примера, англоязычные историки поставили перед собой задачу понять концепцию *virtu*, заключающуюся в объяснении ее «значений» путем обнаружения их аналогов в современном английском языке.

¹⁵ Skinner Q. The Idea of Negative Liberty: Philosophical and Historical Perspectives // Philosophy in History / ed. by R. Rorty, J.B. Schneewind, Q. Skinner. Cambridge, 1984. P. 205.

¹⁶ Ibid. P. 205.

¹⁷ Skinner Q. Machiavelli: A Very Short Introduction. Oxford, 2019.

¹⁸ Ibid.

И это, по Скиннеру, является ошибочным. Историк не может принять во внимание возможность того, что Макиавелли мог использовать этот термин для выражения концепции, настолько чуждой современному моральному мышлению, что она может быть передана исключительно в форме расширенного и довольно приблизительного пересказа. Возможно, например, Макиавелли использовал этот термин в случаях, когда он хотел указать только на те качества, которые наиболее способствовали военному и политическому успеху. Другой распространённой ошибкой, по мнению Скиннера, является стремление обнаружить эквивалентный термин для его выражения в современном языке. Такой термин, как «*virtu*», получает свое «значение» в зависимости от своего места в обширной сети верований, происхождение которых необходимо полностью проследить. Макиавелли чаще всего использовал термин *virtu*, говоря о средствах, с помощью которых человек достигает определенных результатов. Упоминая о *virtu*, он говорил о способностях, талантах, возможностях. Он часто замечал, что качество, которое позволяет побеждать врагов, одерживать великие победы, это *virtu* военачальников или государств¹⁹. С одной стороны, *virtu* подразумевает готовность отбросить требования справедливости и «действовать с жестокостью и вероломством, когда это необходимо для защиты общего блага». Но, с другой стороны, оно также связано с мужеством, умеренность и благородствием²⁰.

Обратимся более подробно к утверждению Скиннера, согласно которому значение высказывания связано с его иллютивной силой: необходимо понять не только то, что означают сами слова индивида, но и то, что делало или подразумевало действующее лицо, произнося подобное конкретному человеку в конкретном случае. К примеру, говоря об утверждении Макиавелли, относительно того, что армии наемников всегда подрывают свободу, Скиннер отмечает, что хотя понимание смысла самого высказывания не вызывает особых затруднений, это ничего не говорит нам о том, что Макиавелли делал или подразумевал, произнося его. Единственным способом понимания этого является исследование доминирующего интеллектуального контекста того времени. Именно из-за утраты *virtu*, на чем настаивал Макиавелли, флорентийцы его эпохи были катастрофически неспособны защитить себя. В ранних произведениях Макиавелли утверждал подобное, но в «Истории Фиорентии» он подкреплял его некоторыми впечатляющими примерами. Например, описывая битву при Ангари, он отмечал, что за четыре часа боя погиб только один солдат. Рассказывая о битве при Молинелле, он добавлял, что за полдня боев обошли без жертв. Сосредоточиваясь на подобных случаях, он собирал доказательства того, что его соотечественникам катастрофически не хватало *virtu*, необходимого для сохранения свободы. Однако при обращении к источни-

¹⁹ Скиннер К. Идея негативной свободы философские и исторические перспективы // Логос. 2013. № 2. С. 182.

²⁰ Там же. С. 183.

кам Макиавелли, возможно обнаружить, что они едва ли подтверждают эти выводы. Более того, изучение более поздних обсуждений «Истории Флоренции», демонстрирует, что ряд современников Макиавелли жаловались на его отношение к историческим данным. Так Сципион Аммирато, например, настаивал на том, что Макиавелли не приводил адекватных оснований для выводов; вместо этого он изменял имена и доказательства таким образом, чтобы читатели поверили в то, что он говорил²¹.

Макиавелли горячо верил, что качество *virtu* были утрачено в современном мире, и для этого у него были веские основания. Он также считал, что готовность вести себя мужественно – одна из наиболее очевидных характеристик народа, обладающего *virtu*. Следовательно, его основным выводом было заключение об отсутствии смелости у его соотечественников. Он также не мог интерпретировать их военное поведение иначе, как с позиции аксиоматического отсутствия у них этого качества. Однако, по словам Скиннера, Макиавелли смог сохранить этот конкретный предмет веры только непомерно высокой ценой. Он был вынужден фальсифицировать соответствующие данные.

Итак, каков же возможный метод восстановления иллюктивных актов, необходимый для толкования и интерпретации мысли раннего Нового времени в соответствии с позицией Скиннера. Во-первых, необходимо сосредоточиться не просто на конкретном тексте, но и на господствующих конвенциях, определяющих трактовку вопросов или тем, которые затрагивал текст. Во-вторых, необходимо обратить внимание на картину мира писателя, сферу его подкрепляемых практическим опытом убеждений, что обусловлено наличием логической взаимосвязи между способностью приписывать определенные намерения субъектам действия и тем, что мы знаем об их убеждениях. Какие бы намерения ни имел автор, они должны быть конвенциональными в том смысле, что они должны быть распознаны как намерения отстаивать конкретную позицию в споре или же способствуют исследованию темы. Следовательно, для понимания того, что автор мог делать, используя ту или иную конкретную концепцию или аргументацию, необходимо рассмотреть природу и диапазон вещей, которые можно было бы осуществить, используя конкретную концепцию в определённый период времени. Другими словами, исследователь должен быть готов рассмотреть всё, что можно обозначить социальным воображаемым, представляющим собой полный спектр унаследованных символов и представлений, составляющих субъективность эпохи.

Список литературы:

1. Asard E. Quentin Skinner and His Critics: Some Notes on a Methodological Debate // *Statsvetenskaplig Tidskrift*. 1987. № 2. P. 101–116.
2. Bevir M. The Role of Contexts in Understanding and Explanation // *Human Studies*. 2000. № 23. P. 395–411.

²¹ Skinner Q. Machiavelli ...

3. *Edling M., Mörkenstam U.* Quentin Skinner: From Historian of Ideas to Political Scientist // Scandinavian Political Studies. 1995. Vol. 18. № 2. P. 119–132.
4. Ideas in Context: Conversation with Quentin Skinner // Chicago Journal of History. 2016. № 7. P. 119–127.
5. *Kuschel G.B.* Skinner's Methodology: A Weapon against Liberalism // *Res publica* (Madrid). 2018. № 21 (1). P. 109–122.
6. *Lamb R.* Quentin Skinner's Revised Historical Contextualism: a Critique // History of the Human Sciences. 2009. № 22.
7. *Skinner Q.* A Reply to My Critics // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Princeton, 1988. P. 275.
8. *Skinner Q.* Machiavelli: A Very Short Introduction. Oxford, 2019.
9. *Skinner Q.* Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. Vol. 8. № 1. P. 3–53.
10. *Skinner Q.* Motives, Intentions, and the Interpretation of Texts // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Cambridge, 1988. P. 393–408.
11. *Skinner Q.* Motives, Intentions, and the Interpretation of Texts // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Cambridge, 1988. P. 393–408.
12. *Skinner Q.* On Justice, the Common Good and the Priority of Liberty // Dimensions of Radical Democracy. Pluralism, Citizenship, Community. L., 2008. P. 183–205.
13. *Skinner Q.* The Idea of Negative Liberty: Philosophical and Historical Perspectives // Philosophy in History / ed. by R. Rorty, J.B. Schneewind, Q. Skinner. Cambridge, 1984.
14. Скиннер К. Идея негативной свободы философские и исторические перспективы // Логос. 2013. № 2. С. 155–186.
15. Скиннер К. Истоки современной политической мысли. М., 2018. Т. 1: Эпоха Ренессанса.

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент, кафедра всеобщей истории, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», (Россия, 170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31), e-mail: potamskaya.v@yandex.ru

**Skinner's Intellectual History:
Problems of Early Modern Political Thought**

V.P. Potamskaya

Tver State University, Russia, Tver

This paper explores C. Skinner's approach to interpreting early modern thought. Skinner's contextualism is expressed in the notion that texts can

only be correctly understood and interpreted when placed in an appropriate linguistic context. It is argued that Skinner's interest in interpreting texts within the framework of political theory was driven by his belief in the need for historical accuracy in various works on political theory. Skinner's interpretation of key concepts in Machiavelli's thought is examined.

Keywords: *intellectual history, contextualism, political theory, speech act, freedom, vitru.*

About the author:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD, As. Prof. of the Dept. of General History, Tver State University, (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyat-skaya St., 16/31), e-mail: potamskaya.v@yandex.ru

References:

- Skinner K. *Ideya negativnoj svobody filosofskie i istoricheskie perspektivy*, Logos, 2013, № 2.
Skinner K. *Istoki sovremennoj politicheskoy mysli*, M., 2018, T. 1, Epoha Re-nessansa.

*Статья поступила в редакцию 22.06.2025 г.
Подписана в печать 28.11.2025 г.*

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(470.33)+061.22

DOI 10.26456/vthistory/2025.3.192–197

Научно-исследовательский Центр церковной истории и православной культуры им. В.В. Болотова: к 20-летию открытия и деятельности

Т.Г. Леонтьева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

Автором представлен краткий очерк деятельности научной общественной организации, созданной в 2005 г. объединёнными усилиями исторического факультета Тверского государственного университета и Тверской и Кашинской епархии.

Ключевые слова: Научно-исследовательский центр церковной истории и православной культуры имени В.В. Болотова, Тверской государственный университет, Тверская и Кашинская епархия, В.В. Баскаков, Т.Г. Леонтьева.

В сентябре 2025 г. Научно-исследовательский центр церковной истории и православной культуры имени выдающегося церковного историка В.В. Болотова отмечает 20-летие деятельности. Его официальное открытие состоялось 29 сентября 2005 г., но предпосылки создания организации, целью которой (по Уставу) было изучение и популяризация знаний по истории Русской православной церкви и православной культуры, развитие духовно-нравственных традиций, умножение научного и культурного наследия, обозначились гораздо раньше, ещё в 1990-е гг. История Русской православной церкви, как и неправославных церквей и конфессий, практически не исследовалась в СССР, учёные-атеисты ограничивались лишь общими характеристиками, подтверждая ленинские установки о негатив-

ной роли религии в социалистическом обществе. Однако в постперестроечный период многие студенты заинтересовались церковной историей и, более того, окончив университет, уходили в церковь, принимали сан священнослужителя. После защиты в 1992 г. кандидатской диссертации по церковной тематике мне приходилось руководить научной работой таких студентов. Ввести в учебный план спецкурс по истории Русской православной церкви было тогда затруднительно, поэтому работа по изучению источников, обсуждению методик исследования и текстов курсовых работ велась вне расписания занятий в рамках небольшого кружка. Постепенно на групповые консультации стали приходить просто интересующиеся данной темой. «Кружковцы» тесно сотрудничали с Ивановским государственным уни-

верситетом, где с 2001 г. работал «Научный центр по проблемам церковной истории и церковного осмысливания истории России» (НЦПЦИиЦОИР) под руководством профессора Ивановского филиала «Института управления» А.А. Федотова, проводивший ежегодно межвузовскую научную конференцию «Государство, общество, Церковь в истории России XX века» совместно с историками Ивановского государственного университета. Попытки открыть подобный при ТвГУ не увенчались успехом, тогда в 2006 г. мы с аспирантами Оксаной Кравченко и Вячеславом Баскаковым (священником, ныне – протоиереем), иеромонахом (ныне – архимандритом) Борисом Тулуповым выступили учредителями региональной общественной организации: Научно-исследовательский центр церковной истории и православной культуры имени В.В. Болотова (НИЦЦИПК), но длинное название Центра в обиходе сократилось до двух слов: Центр Болотова.

Почему Болотов? Мы считали, что каждый, кто изучает или просто интересуется церковной историей (особенно второй половины XIX – начала XX в.), должен знать имя нашего земляка, уроженца села Кравотынь Осташковского уезда Тверской губернии (1854–1900), ещё современниками нареченного выдающимся церковным историком и полиглотом, труды которого были известны не только в Российской империи, но и за её пределами. При этом мы надеялись, что столь высокое и значимое для науки имя станет действенным фактором, мотивирующим студентов к исследованиям, и при-

влечёт внимание всех интересующихся историей.

Что давала институализация наших эпизодических практик? Прежде всего – обязывала к систематической деятельности, которая, согласно Уставу Центра, предполагала, кроме научной, еще просветительскую и издательскую, а также открывала возможность участия в грантосоискательстве. Поездки на конференции, планируемое издание сборников научных трудов и документов требовало средств.

Что же получилось? Структурно Центр состоял из сессионно действующего Координационного совета, ежеквартального Научного семинара и Общества любителей церковной истории. С 2005 г. директором Центра бессменно остается Т.Г. Леонтьева, Учёным секретарем длительное время общее собрание избирало иереха Вячеслава Баскакова. После регистрации Центра Владыка Виктор (Олейник) и ректор ТвГУ В.П. Гавриков подписали договор о сотрудничестве. Более того, Владыка разрешил использовать кабинет в помещении Епархиального управления как штаб-квартиру Центра, а повседневная деятельность разворачивалась в аудиториях исторического факультета. Тогда же по инициативе В. Баскакова – в то время руководителя информационной службы Тверской епархии – началась огромная работа по формированию епархиальной библиотеки и архива. Со своей стороны, исторический факультет направлял студентов на практику в формирующийся архив для технической обработки документов и литературы. Со временем епархиальный архив и библиотека, по сути, стали

настоящим научным учреждением, где имелся каталог, описи, фонды, новейшая литература и подписные издания, где проводились особо значимые заседания НИЦЦИПК, встречи с учёными – партнёрами тверских историков. Когда Центр стал известен за пределами Твери, семинары стали посещать известные исследователи, иным из них доводилось воспользоваться документами епархиального архива. Большое впечатление сам факт наличия Центра и его штаб-квартира произвели на профессора Великотырновского университета им. свв. Кирилла и Мефодия Ивана А. Тютюнджиева, крупнейшего специалиста по истории Болгарской церкви, не раз посещавшего исторический факультет ТвГУ в рамках межвузовского международного сотрудничества.

Работали в епархиальном архиве и тверские историки. Во время визита в Тверь в июле 2010 г. помещение библиотеки/архива посетил Святейший Патриарх Кирилл, актив Центра подготовил по такому случаю небольшую выставку, посвящённую 5-летию деятельности.

Организация тесно сотрудничала с различными научными и общественными структурами. Оно началось, как уже упоминалось, со взаимодействия с ИвГУ и Ивановским НЦПЦИЦОИР. И вот уже почти четверть века представители Центра Болотова (студенты, аспиранты, преподаватели) – непременные участники Ивановской Всероссийской научной конференции по церковной истории. Крупные библиотеки и государственные архивы Твери также стали партнёрами в организации мероприятий Центра.

Кроме научной, активно развивалась социальнозначимая деятельность НИЦЦИПК: при финансовой поддержке Комитета внутренней политики Тверской области реализованы два проекта: «Святой благоверный великий князь Михаил Тверской: 690 лет в народной памяти» (научная конференция, конкурс детского рисунка, издание сборника научных трудов), 2008 г. и «Исторические имена – память народа», 2009 г. В рамках гранта Комитета по делам молодёжи Тверской области в 2009 г. ежеквартально проводился научно-образовательный семинар для представителей национально-культурных автономий.

С начала 2006 г. рамках Общества любителей церковной истории при Центре Болотова на площадке исторического факультета ТвГУ проводились научно-популярные лекции для всех интересующихся. Открыл цикл тогда молодой иеромонах о. Борис Тулупов лекцией «Святая гора Афон в прошлом и настоящем», в дальнейшем лекторами выступали представители тверского православного духовенства (прот. Александр Шабанов, прот. Георгий Белодуров) и лютеранского прихода (пастор Сергей Шанин); профессиональные историки А.В. Матисон (Главное архивное управление Москвы); А.И. Мраморнов (Общецерковная аспирантура, Москва); В.В. Рогова (старший преподаватель кафедры отечественной истории, ТвГУ), И.Г. Воробьева (профессор кафедры всеобщей истории, ТвГУ) и др.; краеведы (С.С Кузин, М.В. Краснова, Н.Р. Козлова, А.В. Шитков и др.). Следуя идее просветительства, на заседания Об-

щества любителей церковной истории организаторы приглашали представителей старообрядческой и лютеранской церквей (2007–2008), проводили совместные заседания с Тверским генеалогическим обществом.

Так, по инициативе Центра в 2007 г. на историческом факультете был проведен круглый стол «Старообрядчество в Тверском крае: прошлое и настоящее» с представителями старообрядческих общин, духовенства, на который собрались более ста представителей Московской митрополии Русской православной старообрядческой церкви из Твери, Ржева, Москвы, Калуги, Тверской и Кашинской епархии, Тверского государственного университета. В выступлениях и дискуссии рассматривались вопросы истории Ржевской старообрядческой общины, историографии и старообрядческой книжности, взаимодействия с официальной церковью. Материалы круглого стола под грифом Центра были опубликованы¹. Событие оказалось настолько резонансным, что директор Центра Т.Г. Леонтьева получила Благодарственную Грамоту Старообрядческого митрополита Московского и всея Руси и памятную медаль, выпущенную в 2005 г. к «Столетию распечатания алтарей Рогожских храмов». В дальнейшем настоятель Покровского старообрядческого храма в г. Ржеве протоиерей Евгений Чунин принимал активное участие в работе Центра.

Неоднократно актив Центра выезжал на встречи с краеведами в Старицу, Ржев, Калязин; вместе со сту-

дентами и преподавателями исторического факультета посещались значимые объекты культурного наследия: Свято-Успенский монастырь (Старица), Нилова Пустынь (Осташковский район), Покровская старообрядческая церковь (Ржев), Троице-Сергиева Лавра (Сергиев Посад). С 2006 г. директор Центра и ученый секретарь регулярно принимали участие в Международных Рождественских образовательных чтениях в Москве.

Для поощрения меценатов и популяризации имени В.В. Болотова по инициативе учёного секретаря Центра был учреждён и зарегистрирован в Геральдической Палате РФ нагрудный знак «За усердие к наукам» (состоит на федеральном геральдическом учёте под номером 314, решение от 20 мая 2008 г.). Его обладателями стали известные учёные, ректоры и профессора Москвы, Твери, Велико-Тырново (Болгария). Как награду его вручали победителям Всероссийского конкурса научных работ на соискание премии имени В.В. Болотова «За вклад в изучение церковной истории и культуры», который проводился Центром на протяжении нескольких лет.

В рамках Центра возникла идея проведения Фаддеевских чтений с целью сохранения памяти и мемориализации свм Фаддея (Успенского), архиепископа Тверского (Калининского), репрессированного в 1937 г. Соорганизаторами выступили представители епархиального управления и Института повышения квалификации учителей.

С 2009 г. представители Центра принимали участие в работе жюри Областной предметной Олимпиады

¹ Старообрядчество в Тверском крае: прошлое и настоящее / общ. ред. Т.Г. Леонтьевой. Тверь-Ржев, 2007.

школьников по истории православной культуры.

В 2013 г. ввиду бюрократических трудностей Центр отказался от статуса юридического лица и был реорганизован с таким же названием, но уже как структурное подразделение исторического факультета. Изменение статуса незначительно повлияло на интенсивность работы. Так, в 2014 г. – по инициативе активистов Центра к 155-летию В.В. Болотова на его малой родине в селе Кравотынь Оstashковского района была установлена мемориальная доска.

Как и предусматривалось Уставом, издавались сборники научных трудов и документов. Под грифом Центра публиковались материалы Всероссийской заочной конференции (2006) и Международной заочной конференции (2007) под серийным названием «Провинциальное духовенство дореволюционной России». В серии «Тверская епархия в прошлом и настоящем» были изданы клировые ведомости по отдельным уездам Тверской епархии и мемуарные заметки протоиерея В.Ф. Владиславлева, адресованные изучающим историю православного духовенства (6 выпусков с 2008 по 2012 гг.). Активными пользователями сборников были не только студенты-дипломники, но и преподаватели исторического факультета.

Деятельность центра отражалась в областной и епархиальной прессе: «Тверские ведомости», «Вече Твери», «Православная Тверь», «Верхневолжье православное», а также на сайтах Тверской епархии и исторического факультета ТвГУ.

В настоящее время Центр локализуется на территории историческо-

го факультета ТвГУ как площадка для обсуждения научных работ студентов и аспирантов и встреч с учёными – специалистами в различных областях церковной истории. На время пандемии Центр прерывал работу, по окончании карантина работа постепенно приходила в привычный ритм: ежеквартально проводились обсуждения курсовых работ студентов по церковной тематике, обсуждались концепции и фрагменты диссертаций аспирантов кафедры отечественной истории Н.А. Дмитриева и Н.А. Козлова, слушались лекции приглашённых исследователей (В.К. Котт, источниковедение и методика в церковной истории, Свято-Филаретовский институт, г. Москва). Значительный интерес в университете сообществе и церковной среде вызвала презентация монографии доцента РГГУ, к.и.н. Е.Ю. Нуйкиной – «Архивно-следственные дела по обвинению духовенства Русской православной церкви (1917–1930-е гг.): источниковедческое исследование». В год 950-летия Торопца кафедра отечественной истории истфака ТвГУ и Центр Болотова в рамках Всероссийской научной конференции «Торопец: 950 лет в исторической памяти» (17–10 октября 2024) организовали работу секции, которую провели член-корреспондент РАН, директор Санкт-Петербургского института истории А.В. Сиренов и директор Центра проф. Т.Г. Леонтьева, с докладами выступили исследователи из Твери и Москвы, Санкт-Петербурга и Смоленска, Коломны и Иваново, в дискуссии – прот. Вячеслав Баскаев. Ежегодно Центр совместно с историками ТвГУ выступает соорга-

низатором секции Церковной истории на международной конференции молодых ученых «Путь в науку».

Одним из последних мероприятий Центра стало участие Т.Г. Леонтьевой и ассистента кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Н.А. Дмитриева ТвГУ в региональной просветительской конференции «Ва-

силий Васильевич Болотов: историк и богослов» в г. Осташкове. Надеемся, что личное участие в мероприятии Владыки Амвросия, историков Москвы и Петербурга послужит не только сохранению коллективной памяти и популяризации научного наследия В.В. Болотова, но и расширению научных контактов Центра.

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31), e-mail: kroneko@mail.ru

V.V. Bolotov Research Center for Church History and Orthodox Culture: On the 20th Anniversary of Its Opening and Activities

Tatiana G. Leontieva

Tver State University, Tver, Russia

The author presents a brief outline of the activities of a scientific public organization established in 2005 by the combined efforts of the History Department of Tver State University and the Tver and Kashin Diocese.

Keywords: V.V. Bolotov Research Center for Church History and Orthodox Culture, Tver State University, Tver and Kashin Diocese, V.V. Baskakov, T.G. Leontyeva.

About the author:

LEONTIEVA Tatiana Gennad'evna – the Doctor of History, the Professor, the Dept of Russian History, The Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trehsvyatskaya St., 16/31), e-mail: kroneko@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.08.2025 г.

Подписана в печать 27.11.2025 г.

**Вестник
Тверского государственного
университета
Серия: История**

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Адрес редакции: 170001, Россия, Тверь,
ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201.
Телефон/факс: 8 (4822) 34–16–85.

E-mail: history.decanat@tversu.ru

Журнал «Вестник Тверского университета. Серия История» является научно-теоретическим журналом, представляющим широкий спектр проблем всеобщей и отечественной истории, историографии, источниковедения, археологии, вспомогательных исторических дисциплин. Выходит с 2007 г. по 4 номера в год. Журнал учреждён Тверским государственным университетом и является подписным периодическим научным изданием. Публикуются статьи, подготовленные преподавателями и сотрудниками исторического Тверского государственного университета, а также учёными из других научных и образовательных учреждений России, ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы несут персональную ответственность за содержание статей, представленных к публикации.

Журнал зарегистрирован в Международном центре ISSN в Париже (1998-5037), что обеспечивает информацию о нём в соответствующих международных реферативных изданиях.

Требования к оформлению, содержанию и доставке текстов в редакцию

К публикации принимаются статьи кандидатов и докторов наук объёмом 1 п. л. (40 тыс. зн. с пробелами), статьи докторантов, аспирантов и соискателей объёмом 0,5 п. л. с аннотациями 800 знаков; **сообщения** (краткая информация о научной проблеме, заметки о достижениях отдельных учёных или юбилейных датах) в объёме от 0,2 до 0,4 п. л.; **рецензии** (0,3 п.л.) с аннотациями до 400 знаков.

В статье допускаются ссылки на авторефераты диссертационных работ.

Статьи и сообщения высылаются по почте заказным письмом главному редактору (Леонтьевой Татьяне Геннадьевне) или ответственному секретарю журнала (Богданову Сергею Владимировичу) по адресу: 170021, Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201, доставляются лично автором по указанному адресу или высылаются по электронной почте.

Вместе с распечатанным вариантом (межстрочный интервал – полуторный, шрифт – Times New Roman Суг, 14 кегль, сноски постраничные, нумерация сносок сквозная) представляется электронная версия на CD дисках. В отдельных файлах должны содержаться: статья, резюме, сведения об авторе (авторах). Сведения об авторах статьи включают: фамилию, имя и отчество полностью, учёное звание, степень, должность, место работы (полное название), почтовый адрес места работы с индексом города и указанием страны, номера контактных телефонов (с кодом города) и адрес электронной почты. **Сведения об авторах указываются на русском и английском языках.**

Рукопись статьи должна представлять собой готовый оригинал-макет на одной стороне чистой белой бумаги формата А4. Рукопись статьи сопровождают: фамилия, имя, отчество автора, указанные полностью, название статьи; **аннотация** (800 зн.), содержащая постановку проблемы, историографию, краткий анализ источников и основной вывод статьи;

ключевые слова (до 10 слов или слово-сочетаний) на русском и английском языках. Английский вариант должен быть идентичен русскому.

Статья должна сопровождаться списком цитированной литературы на русском языке и в транслитерации.

Требования к оформлению приложений к тексту статьи

1. Фамилии авторов

Фамилии авторов статей представляются в одной из принятых международных систем транслитерации для авторов.

Чтобы избежать дублирования профилей в БД авторам важно:

придерживаться одной системы транслитерации для всех своих публикаций;

придерживаться указания одного места работы, так как данные о принадлежности к организации (аффилиации) являются одним из основных определяющих признаков для идентификации автора. Отсутствие данных об аффилиации ведёт к потере статей в профиле автора, а указание на различные места работы ведёт к созданию дублей профилей.

2. Название организации и ведомства

Название организации используется для идентификации авторов, для создания их профилей и профилей организаций. Данные о публикациях авторов, связанных с конкретными организациями, используются для получения полной информации о научной деятельности организаций (и в целом страны). Во избежание создания дублирующих профилей организации в статьях необходимо **употреблять официальное (общепринятое) без сокращений название организации на английском языке**, что позволит более точно идентифицировать принадлежность авторов и предотвратит потерю статей в системе анализа. Узнать правильное англоязычное название вузов и многих других организаций можно на их официальном сайте. Исключение составляют не переводимые на английский язык наименования фирм, которые даются в транслитерированном варианте.

Использование перед основным названием дополнительных данных («Учреждение Российской академии

наук...», «ФГБОУ ВО» и т. п.) является лишним – это только затрудняет идентификацию организации.

3. Заглавие статей на английском языке

- заглавия научных статей должны быть информативными;
- в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;
- в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитераций с русского языка, кроме непереводимых названий собственных имен и др. объектов, имеющих собственные названия; также не используется непереводимый сленг, известный только русскоговорящим специалистам. Это также касается авторских резюме (аннотаций) и ключевых слов.

4. Авторские резюме (аннотации) на английском языке

Авторское резюме призвано выполнять функцию независимого от статьи источника информации, должно излагать существенные факты работы, и не должно преувеличивать или содержать материал, который отсутствует в основной части публикации.

Аннотации должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычными» (написаны качественным английским языком);
- компактными (укладываться в объем 800 зн.).

Аннотации должны быть написаны качественным английским языком. Текст должен быть связным с использованием слов «следовательно», «например», «в результате» и т. д. («consequently», «forexample», «the benefitsofthisstudy», «as a result» etc.), либо разрозненные излагаемые положения должны логично вытекать один из другого. Необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т.е. «The study tested», но не «It

wastededinthisstudy» (частая ошибка российских аннотаций).

Предпочтительным вариантом аннотации является краткое повторение в ней структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

В качестве помощи для написания англоязычных аннотаций (рефератов) можно рекомендовать обратиться к российскому ГОСТу 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования», который был разработан, в основном, для информационных изданий и к «Рекомендациям к написанию аннотаций для англоязычных статей, подаваемых в журналы издательства Emerald» (Великобритания): (<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm>).

5. Пристатейные списки литературы

Список литературы приводится отдельным блоком («References»), русскоязычные ссылки даются в транслитерированном виде, иностранные источники приводятся без изменений. Если список литературы состоит только из англоязычных источников, то блок References может отсутствовать.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет учтена при оценке научной деятельности её авторов, а также организации, региона, страны. В транслитерированных ссылках **недопустимо использовать** разделительные знаки российских ГОСТов (//, – и т. п.).

Наиболее значимыми составляющими в библиографических ссылках являются **фамилии авторов, названия журналов, книг, конференций, выходные данные (включая название издательства для монографий и №№ страниц для статей, опубликованных в журналах или сборниках). В ссылках на сборник статей указывается фамилия составителя или научного редактора.** При транслитерации в описание ссылки необходимо **вносить всех авторов**.

Другие требования к предоставляемым материалам

К предлагаемым для публикации в «Вестнике ТвГУ» статьям прилагается рецензия научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа (подпись заверена, печать) или внешнего оппонента-специалиста. Отзыв заверяется в организации, где работает рецензент. В рецензии раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика, отмечается научная и практическая значимость статьи, указывается на соответствие её оформления требованиям «Вестника ТвГУ».

Основные разделы статьи: введение, содержащее историографию и источниковедческий анализ проблемы, основная часть, заключение (выводы), в котором указаны новые результаты и их теоретическое или практическое значение; список литературы.

За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несёт автор статьи.

Постстраничные сноски должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятymi в журнале «Вестник ТвГУ. Сер.: История»: в сноске указываются выходные данные, достаточные для библиографического поиска, при этом должны быть соблюдены правила библиографических сокращений (сб. ст., Мат. конф., дисс. ... канд. ист. наук и т. д.), фамилии и инициалы авторов выделяются курсивом, ссылка на архивные фонды первично оформляется с полным названием архивного учреждения, затем даётся только аббревиатура. **В постраничные сноски не помещаются примечания к тексту статьи!** При их наличии они могут быть размещены после текста статьи, редактор оставляет за собой право удалить примечания.

Иллюстрации

Рисунки выполняются в графическом редакторе и предоставляются в редакцию отдельным файлом. Рисунки к статье должны иметь расширение *.jpg и чёткую легенду.

За оформление имеющихся в статье графических материалов (графики, диа-

грамм) ответственность несёт автор. При вёрстке журнала они не редактируются.

Порядок рецензирования рукописей

Поступившей в редакцию рукописи присваивается регистрационный номер, о чём редакция информирует авторов по электронной почте. Рукописи, оформленные с нарушением правил для авторов, не рассматриваются. **Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.**

По получении статьи от автора редакция направляет её на рецензирование двум рецензентам, которые выносят заключение о возможности публикации. На основании экспертного заключения редколлегия принимает текст к изданию, либо направляет на доработку. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации.

Редакция не берёт на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала. Корректура автору не предоставляется. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования.

Если статья отклонена, то автору сообщается мотивированное заключение рецензента. После переработки автором материалы рассматривает главный редактор и принимает решение о публикации.

Оплата за публикацию рукописей аспирантов не взимается.

Полнотекстовые сетевые версии выпусков научного журнала «Вестник Тверского университета. Серия История» можно найти в свободном доступе в Научной Электронной Библиотеке ТвГУ (<http://eprints.tversu.ru>) и на сайте журнала «Вестник Тверского государственного университета. Серия: История»: <https://journal.tversu.ru/index.php/history>

Формат цитирования статей из журнала

В целях обеспечения корректного представления информации о статьях в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) редакционная коллегия рекомендует следующее оформление ссыл-

лок на статьи, опубликованные в серии «История» журнала «Вестник ТвГУ»:

Автор Название статьи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Год. № 1. С. [страницы].

Пример:

Булдаков В.П. Постреволюционная Россия: идеология и управление // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 3. С. 49.

Контактные данные ответственных за выпуск

170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, к. 201.

Телефон/факс: 8 (4822) 34-16-85.

Главный редактор – Татьяна Геннадьевна Леонтьева 8 (4822) 34-16-85.

Ответственный секретарь – Сергей Владимирович Богданов

Bogdanov.SV@tversu.ru)

E-mail:history.decanat@tversu.ru

URL: <https://journal.tversu.ru/index.php/history>

Вестник Тверского государственного университета.

Серия: «История». № 3 (75). 2025

**Подписной индекс: 85716 (подписной интернет-каталог
«Пресса России»)**

Подписано в печать 28.10.2025. Выход в свет 05.11.2025.

Формат 70x108^{1/16}. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,23.

Тираж 500 экз. Заказ № 211.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел. издательства: 8 (4822) 35-60-63.

Цена свободная.